

4
7-3
A628

НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ,
ПРЕДРАССУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

**НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВѢРІЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.**

Собраны въ 1861 — 1888 годахъ.

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО И МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ, САРАТОВСКОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ И
САРАТОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

А. Н. МИНХА.

•

УДОСТОВЕНО ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ВЕЗОВАТОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 д., № 45).

—
1890.

**НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ,
ПРЕДРАССУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

СОБРАНЫ В 1861–1888 ГОДАХ

•

САРАТОВ
• 1994 •

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗДАНИЯ
1890 ГОДА

Книга издана по инициативе Саратовской областной научной библиотеки и областного методического центра культуры и творчества. Она явилась продолжением общей работы по популяризации фольклора, истории, культуры, этнографии Саратовского края. Изданная впервые более ста лет тому назад, книга стала библиографической редкостью. Подлинный экземпляр книги хранится в фонде Саратовской областной научной библиотеки.

Для специалистов в области истории, этнографии и фольклора, работников учреждений культуры и всех, кто интересуется историей края.

Автор вступительной статьи —
профессор Саратовского университета
В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ.
Художник Е. И. БОЧАРОВ.

A 628643

М $\frac{1805080000}{176(02)-94}$

- © А. Н. Мних, 1890
- © В. К. Архангельская, 1994
- © Саратовский областной методический центр культуры и творчества, 1994

ПАМЯТНИК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В экземпляр книги «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии»¹, подаренный Радищевскому музею, А. Н. Минх сделал две вклейки: своей фотографии и более двух страниц собственноручно написанного «Предисловия ко 2-му тому дополнений». Оно является ничем иным, как краткой автобиографией, с показом жизненных обстоятельств, неизменно ставивших А. Н. Минха в близкие отношения с народом.

«Почти всю жизнь пронел я с нашим народом», — начинает А. Н. Минх свое «Предисловие». Детство прошло в еще крепостной деревне, принадлежавшей отцу. И далее идут сведения об участии в войне с Турцией, приблизившем молодого юнкера-добровольца к рядовым: «...как близки были мы с солдатами; как знали их жизнь, характер, нужду и радости; как часто, сидя убивачных костров, слушаешь их разговоры и рассказы; сколько раз, бок о бок, приходилось видеть нашего солдата — и в темную, бурную ночь в цепи на аванпостах у Черного моря под Евпаторией, — и в бою под ядрами и пулями у Сак, Чеботарей... под бомбами и гранатами в Севастополе.; — и на отдыхе., когда, после выпитой кружки, далеко несется по степи лихая эскадронная песня...» Видел их ранеными, а после войны вез солдат-георгиевских кавалеров в Петроград, чтобы «представить их государю». По окончании стрелковой офицерской школы инструктор А. Н. Минх «опять попал в самые близкие отношения с солдатами, обучая их грамоте, стрельбе и обращению с оружием... Стрылась воля, и я был вызван в 1861 г. в свою губернию мировым посредником, а затем стал мировым судьей.

Прошло 36 лет сряду, в которые я, почти без промежутков, близко жил с русским простонародьем: воином и пахарем; нетрудно было, любя этот народ, посвятить себя той деятельности, которую я избрал, и как помещику, хорошо узнать в это долгое время русского человека, его качества и недостатки, его радости и горе, его понятия и заблуждения, вообще весь строй его жизни».

Эта запись сделана в марте 1890 г. в Полчаиновке, именье автора.

Александр Николаевич Минх (1833—1912) занимает почетное место среди собирателей фольклора Саратовского Поволжья

¹ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: Собраны в 1861—1888 годах. — СПб. 1890. — 152 с. — (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по отделению этнографии; Т. 19, в. 2). Экземпляр книги хранится в отделе редких книг Зональной Научной библиотеки Саратовского университета. В дальнейшем: «Народные обычаи...».

XIX в., таких как А. Ф. Леопольдов, Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева, М. Е. Соколов.

Книга «Народные обычаи...» родилась не вдруг, она имеет свою, довольно длительную историю. Во Введении А. Н. Минх пишет, что многое из вошедшего в нее печаталось в двух томах «Саратовского сборника», в «Древностях», и в местной периодической печати. В самом деле, в «Древностях» А. Н. Минх объяснил многие понятия в их бытовом функционировании у поволжских народов: «Бука» (у мордвы), «Бык-гора», «Веснянки» (у мордвы), «Гадание» (у мордвы), «Жениханье» (у малороссов), «Колядашки» (у мордвы), «Кони» (обрядовые лепешки у мордвы), «Кузьминки», «Лукша» (обрядовый пирог на мордовской свадьбе), «Молян» (у мордвы), «Обрядная курица», «Очепок» (у малороссов), «Панара» (у мордвы), «Повойник», «Петров крест», «Спрыг-трава», «Погребальные обряды мордвы», «Приворот», «Проклятый», «Разрыв-трава», «Собина», «Сыпчина» (у мордвы)². Многие из этих слов можно найти в оглавлении к книге.

О суевериях русских крестьян А. Н. Минх рассказал в этнографических частях очерков «Коленская волость Аткарского уезда»³ и «Саратовский уезд»⁴; — в последнем и о поселении, свадебном обряде, праздниках и суевериях немцев Ягодной Поляны. Эти материалы, а также очерк Ф. С. Голицына «Мордва в Хвалыском уезде»⁵ составили ядро книги «Народные обычаи...».

При этом из очерков в книгу А. Н. Минх не были перенесены тексты тех песен (хороводных, любовных, плясовых), которые непосредственно не связаны с обрядовыми действиями на Троицу и Русальную неделю, и оставлены лишь обрядовые, русские и малороссийские. Автор расстался и с текстами свадебных песен («Саратовский уезд»): видимо, считая их общеизвестными, он только назвал их. Он стремился сделать книгу цельной в тематическом и жанровом отношении, сосредоточиться на обычаях, поверьях.

К истории труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» непосредственное отношение имел выдающийся этнограф А. Н. Пыпин. В своем благожелательном отклике на «Саратовский сборник» (1881 г.) он указал на настоятельную необходимость для науки развития местных изучений, отличающихся крайней неполнотой, сведений о современном народном быте, местных песнях, описаний местных обычаев, преданий. (Разрядка моя. — В. А.). «Для историков и этнографов поныне составляет немалую задачу объяснение взаимных и исторических от-

² Древности//Тр. имп. Моск. археол. о-ва. 1885. — Т. 10. — С. 204—217.

³ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — Саратов: Изд. Саратов. стат. ком. 1881. — Т. 1. — С. 65—117.

⁴ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — 1882. Т. II. — С. 203—327.

⁵ Саратовский сборник. — Т. 1. — С. 177—195.

ношений племен великорусского и малорусского», — писал он. Саратовский край рассматривался А. Н. Пыпиным как «одна из крупных частей Нижнего Поволжья», со своей историей, в которой должны быть учтены времена татарской орды, подвигов понизовой вольницы, Стеньки Разина, Пугачевщина. «Мало исследована и старина народных преданий, которая еще может быть найдена и сохранена»⁶. В других рецензиях на этнографические издания, связанные с Поволжским регионом, в ряду его особенностей он называл бурлачество и свивший здесь гнездо раскол⁷.

За всей этой программой просматриваются разные этнографические и исторические аспекты труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» и предшествующие ему обращения к обрядам русским, мордвы, малороссов в «Древностях».

А. Н. Пыпин имел непосредственное отношение и к издательской судьбе книги А. Н. Минха. Ее рукопись, посланная автором в феврале 1887 г. «в дар и полное распоряжение» этнографического Отделения Русского географического общества, поступила на отзыв саратовцу А. Н. Пыпину. На заседании Отделения 28 апреля он характеризовал А. Н. Минха как человека, известного в этнографической литературе, знакомого с ее научными требованиями, а его «Сборник» как заслуживающий «особенного внимания»: в нем «множество подробностей для определения народных верований и обычаев, драгоценных для исследователя народной жизни Поволжья». В заслугу автору он ставил обращение к этнографическим чертам и быту не только русских, но также малороссов, мордвы, чуваш, немцев, преданиям о разбойничестве, нашедшим здесь приют в связи с окраинным положением края. Особенную ценность книги А. Н. Пыпин видел и в том, что факты в ней переданы «в их реальной бытовой обстановке», рассказы «беспрестанно сопровождаются примерами, указанием мест и лиц, объясненным обстоятельством, в которых применяется то или другое поверье и суеверие». По мнению рецензента, труд заслуживал «издания его в цельном виде, как специальный сборник народных преданий и поверий». А. Н. Пыпин рекомендовал «почтить давние труды А. Н. Минха в этой области избранием его в члены-сотрудники Отделения», что и было сделано⁸.

Книга А. Н. Минха отвечала и научным, и социально-практическим требованиям времени. Она содержала материал о подлинном быте крестьян четырех основных этносов определенного региона — русских, малороссах, мордве и немцах (частично чувашей и татар), быте, исполненном суеверий и поэзии. Этот труд мог содействовать познанию народа. «Этнография не есть наука

⁶ Вестник Европы. — 1881. — № 7. С. 438—440.

⁷ См.: Вестник Европы, 1881, № 11; 1884, № 10; 1885, № 7 и др.

⁸ Журнал заседания Отделения этнографии от 27 марта — 28 апреля 1887 года//Изв. Русского географ. с-ва. — Т. XXIII. — С. 400—402.

книжная», этнографические исследования — нравственная обязанность общества, — писал А. Н. Пыпин⁹. В письме Л. Н. Минху от 4 февраля 1888 г. он писал, что «просвещенные люди» на местах могли бы часть своего досуга посвятить изучению народа, «который всё ещё остается для нас сфинксом и от которого в конце концов зависит всё наше государственное и национальное значение»¹⁰.

Книга Л. Н. Минха вписывалась в свою эпоху: в последней трети XIX в. материалы о бытовых суевериях, мифологических представлениях народа постоянно публиковались в местной периодической печати. Одни авторы собирали их, потому что были обеспокоены возможностью их исчезновения, другие видели в них темные стороны народного быта и сознания, с которыми нужно бороться. Ученых интересовал феномен «культурных переживаний» — сохранение отголосков далекого прошлого в современных понятиях всего общества.

Обозначилась тенденция видеть в них лишь чисто внешние проявления бытовой жизни, дань поэтической традиции. Так, Н. И. Костомаров писал, что народ перестает придавать значение старым обычаям и обрядам; «они остаются только какою-то художественною обстановкою жизни», но никак не строгим законом, убивающим свободу мысли¹¹.

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи...», как и многие другие работы, опровергала мысль Н. И. Костомарова, что с вхождением в жизнь новых понятий и обычаев старина теряет свое значение. Ее материалы показывали жизнь крестьян всех национальностей, опутанной нелепыми суевериями, приметами, предрассудками, сопровождающими каждый их шаг, светлые дни отдыха, праздников и трудовых будней, радости и горя. Предрассудки передаются как завещание предков, необходимое в повседневной жизни. Объяснение этому он ищет в отсутствии «не только образования, но и грамотности» (с. 13). Но оказывается, «вера эта и предрассудки еще до сих пор встречаются и в нашем барском быту», признает Л. Н. Минх в очерке «Колепская волость Аткарского уезда»¹² и повторяет в книге (с. 47—48). Если в очерке «Саратовский уезд» он писал, что «благодаря развивающейся грамоте народ бросает мало-помалу свою веру в чародейную силу... педьмы и колдуны совсем перевелись в Полчиановке»¹³, то в книге читаем иное: «Мне довелось (в 1887 г.) го-

⁹ О задачах русской этнографии//Изв-в имп. Русского геогр. о-ва.— Т. XXI. — 1885. — С. 480—481.

¹⁰ Государственный архив Саратовской области. — Ф. 407. — Е. х. 444.

¹¹ Цит. по статье: Покровский П. А. Потеряла ли свою законную силу бытующая старина в сознании русского народа?//Тр. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. — 1887. — Кн. 7. — С. 55.

¹² Саратовский сборник. — Т. I. — С. 104—105.

¹³ Саратовский сборник. — Т. II. — С. 289—290.

ворить с молодыми парнями 20—25 лет из с. Полчаниновки и д. Федоровки (Саратовского у.): они вполне верят в колдунов, в их порчу и навешивание кил» (с. 16). О скептическом отношении к приметам, поверьям А. Н. Минх не пишет.

Заметим, что А. Н. Пыпин, не раз с тревогой писавший об исчезновении старины и необходимости ее собирания, о книге А. Н. Минха говорил: «...в крае, далеком от центров, сохранилась свято народно-бытовая и народно-поэтическая старина»¹⁴.

В параллельном описании А. Н. Минхом проявлений в бытовой практике этносов элементов традиционной культуры заметна тенденция к выявлению нечасто встречающегося или отмеченного особенной древностью. С другой стороны, он отмечает обычаи, изжившие себя. Так, отказавшись от излишних подробностей в описании похоронного обряда, А. Н. Минх пишет: «приведу только несколько обычаев, которые встречаются реже в других местностях России» (с. 130). Действительно, редок идущий «со старины» обычай крестьян д. Алексеевки Аткарского уезда вывешивать на 6 недель белый платок на окно той избы, где был покойник, чтобы его летающая вокруг и плачущая о своих грехах душа могла им утереться (с. 130).

Как об ушедших или уходящих обычаях, совершаемых на сороковины, А. Н. Минх пишет о проводах души с плачем за воротами крестьянами д. Бедняковки Аткарского у. (было в 60-е годы) или обычае мордвы олицетворять душу умершего в живом человеке и провожать ее с молитвами о хозяйственном благополучии (с. 136).

Расположение материала — от одного народа к другому — делает чтение книги увлекательным. Познакомившись с рассказами о колдунах русских крестьян, читатель переходит к «чаровникам» и «чаровницам» малороссов, к оригинальным способам гаданий у тех и других, к особенностям рождественских обычаев у русских и мордвы, у малороссов и русских и т. п. Он увидит не только многовариантность таусиней, колядок у русских и украинцев, но и особенность этих древних песенок у последних: насыщенность их христианской образностью. Нельзя не заметить отчетливой направленности колядок мордвы на хозяйственное и семейное благополучие: «Коляда! Родился бы хлеб соломой с оглоблю, с дугу колосом, с колядковую лепешку зерном!.. Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына — паршивый будет, по полкам бегать будет, с полки упадет в лукошко, а из лукошка на быка...» (с. 91—93). Пасхальный обычай малороссов освящать в церкви «всю провизию или уже непременно поросенка и свиное сало в добавление к куличу и сыру» А. Н. Минх считает привезенным с родины (с. 101). Действительно, у украинцев и белорусов «в число пасхальных блюд входил

¹⁴ Изв. Русск. геогр. о-ва. — Т. XXIII. — С. 402.

поросенок, который освящался в церкви»¹⁵. В то же время и русские, и малороссы с. Широкий Уступ Аткарского уезда на другой день «обходят с иконами и хоругвями, взятыми из церкви, кругом села для охраны его от всяких несчастий и пожара...» (с. 101).

Характерным для русского народа пасхальным обычаем А. Н. Минх считает «рели» (качели) и катание яиц на улице. По его мнению, немцы (Ягодная Поляна) усвоили его у русских (с. 102). На магический смысл раскачивания вверх и вниз в древности — стимулирование роста растительности¹⁶ — А. Н. Минх не указывает, видимо, качели стали простым развлечением.

Так, из описаний «поверий, обычаев и обрядовой жизни» (с. 1) читатель увидит, что «типы народностей», населяющих Саратовскую губернию, в самом деле «резко отличаются друг от друга и в редких случаях сливаются (за полным исключением немцев и татар) в общерусский характер» (с. 3).

Ни разу А. Н. Минх не обмолвился о враждебном отношении друг к другу живущих рядом национальностей. Было иное: на Новый год «русские крестьяне из соседних селений навещают своих знакомых немцев», на что колонисты отвечают тем же (с. 100).

Книге А. Н. Минха более ста лет. До нее (в 1848 г.) А. Терещенко напечатал, помимо русской, «Свадьбу переселенцев-малороссиян, находящихся в Саратовской губ.»¹⁷. История и быт мордвы сел Оркино, Сухой Карабулак Саратовского уезда, отраженные в преданиях и поверьях, ее поэтические произведения нашли место в капитальном труде А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910), дополненном большим очерком А. Н. Минха «Извлечение из историко-географического описания Озерской волости» (о мордве с. Оркино, с. 681—720).

В 1922 г. вышел «Саратовский этнографический сборник», включивший материалы о быте, обрядах, народном творчестве саратовской мордвы. Автором этого научного труда стал М. Т. Маркелов, ученик проф. Б. М. Соколова, мордвин. В предисловии «От редактора» Б. М. Соколов писал, что первый выпуск «кладет начало опубликованию... обширного материала по изучению быта и творчества разноплеменного населения Саратовского края», накопленного за последние три года¹⁸.

¹⁵ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. — М., 1979. — С. 111.

¹⁶ Там же, с. 118.

¹⁷ Быт русского народа. Сочинение А. Терещенко. В VII частях. Ч. II. — СПб., 1848. — С. 565—593.

¹⁸ Саратовский этнографический сборник. — В. I/Под ред. проф. Б. М. Соколова. — Саратов: Изд. морд. подотд. губотд. по делам нац. при Сарат. Губисполкоме. — Саратов, 1922.

Однако планам подобного рода монографических исследований не суждено было осуществиться. Изучения саратовских чувашей, мордвы, татар, украинцев, немцев вылились в статьи¹⁹, доклады. Вместе этнос Поволжья был представлен в Этнографическом музее Саратовского края, открытом в 1920 г. по инициативе того же Б. М. Соколова. Он стал «зеркалом прошлой и современной жизни всех национальностей края...»²⁰, русского, украинского, мордвы, чувашей, татар и немцев.

Сборники русского (частично мордовского) фольклора разных жанров по материалам экспедиций Б. М. Соколова, Саратовского музея краеведения, Саратовского университета, с научными статьями, комментариями издавались на протяжении 30—90-х годов.

Книга Л. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» остается поэтическим памятником традиционной крестьянской культуры народов Поволжья в ее национальной специфике и взаимовлияниях на протяжении XIX — начала XX вв. Она не потеряла своего научного значения и интереса для широкого читателя, желающего знать историю своего народа.

В. Архангельская

¹⁹ Печатались в Трудах Нижне-Волжского областного Общества краеведения.

²⁰ Саратовские известия. — 1921. — 14 мая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества поручило мнѣ наблюденіе за изданіемъ настоящаго очерка. Трудъ г. Мипха привлекъ вниманіе Отдѣленія какъ опытъ цѣльнаго этнографическаго очерка края, до сихъ поръ весьма недостаточно изслѣдованнаго, — опытъ, который не беретъ на себя дать вполнѣ научныя объясненія предмета, но имѣетъ особенную цѣну какъ собраніе матеріала, сдѣланное мѣстнымъ старожиломъ, близкимъ къ народной средѣ.

Мы передали трудъ г. Мипха вообще безъ измѣненій, сокративъ лишь нѣкоторыя цитаты по общимъ вопросамъ Этнографіи и исключивъ нѣсколько вариантовъ сообщенныхъ у автора анографическихъ рукописей: этнографическія сличенія, уже собранныя другими въ гораздо бѣльшемъ количествѣ, принадлежатъ спеціальнымъ общимъ изысканіямъ въ области народнаго міра и обычая; варианты «Сва Богородицы» или «Хожденія по мукамъ», произведеній не разъ издаваемыхъ, давали только варианты безграмотнаго искаженія текстовъ, не представляя интереса по существу. Анографы объ Адамѣ и ап. Павлѣ передали авторомъ по извѣстнымъ текстамъ вѣроятно для общаго ознакомленія читателя съ характеромъ подобныхъ произведеній. Мы оставили также безъ измѣненій записи малорусскихъ пѣсенъ, — возможные неточности записи будутъ видны специалистамъ, между тѣмъ при исправленіи могли бы исчезнуть какія-либо отличія мѣстнаго говора.

Трудъ г. Минха конечно не исчерпываетъ предмета, но онъ именно важенъ какъ болѣе или менѣе цѣльный опытъ мѣстной этнографической любознательности, распространеніе которой послужило бы съ большою пользою для общихъ изслѣдованій въ этой области народовѣдѣнія. Когда печатаніе настоящаго очерка было уже въ ходу, авторъ доставлялъ въ Этнографическое Отдѣленіе дополненія, которыми уже неудобно было воспользоваться: когда новые матеріалы г. Минха соберутся въ бѣльшемъ количествѣ, Этнографическое Отдѣленіе по всей вѣроятности также воспользуется ими для своихъ изданій.

А. Пыпинъ.

Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи.

(Собраны въ 1861—1888 годахъ)

Введеніе.

Изложенные здѣсь рассказы и очерки собраны лично мною и, подъ моимъ руководствомъ, лицами, на которыхъ я вполне могъ положиться*), а также княземъ Ф. С. Голицынымъ, почтеннымъ изслѣдователемъ Хвалынскаго края. Многие изъ нашего общаго труда вошло въ первые два тома «Саратовскаго Сборника» (изданнаго Саратовскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ), въ мѣстныя Губернскія Вѣдомости, частью же помѣщены въ «Древностяхъ», изданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Всѣ собранныя здѣсь данныя относятся къ 1861—88 годамъ. Помѣщая народныя рассказы, я отмѣчаю, гдѣ и когда они слышаны.

Прежде чѣмъ описать повѣрья, обычаи и обрядовую жизнь Саратовскаго края, я набросаю короткій этнографическій очеркъ народностей, населяющихъ эту губернію. *Русскіе* составляютъ у

*) Сотрудниками моими за всѣ 28 лѣтъ собранія приводимыхъ данныхъ были: священникъ П. Оргійскій, писмоводитель А. Е. Дворниковъ, священникъ А. М. Розановъ, священникъ Ив. Н. Лебединскій, учитель И. А. Троицкій, учитель И. В. Зеленева, пасторъ Канъ, писмоводитель С. Е. Крашенинниковъ, учитель А. Л. Леонтьевъ, священникъ П. Е. Герасимовъ, волостной писарь П. П. Лебедевъ, земскій докторъ Н. И. Кондратьевъ, учитель С. Т. Красникова, А. Н. Бубнова, С. И. Снева, писмоводитель М. А. Волковъ, учитель П. А. Тугариновъ, волостной писарь Г. Г. Шнейдеръ и земскій докторъ М. И. Шмуцеръ.

пась преобладающее большинство надъ другими племенами во всѣхъ уѣздахъ губерніи, кромѣ Камышинскаго, гдѣ число нѣмецкихъ колонистовъ, вмѣстѣ съ малороссіянами, составляютъ $\frac{3}{5}$ общаго населенія. Численность всѣхъ русскихъ въ губерніи составляетъ около $\frac{3}{4}$ всего населенія края; всѣ они—выходцы и переселенцы изъ внутреннихъ губерній государства. Вторую этнографическую группу составляютъ *Малороссы*, пришельцы изъ Украйны и переведенцы изъ Воронежской губерніи; они сѣли здѣсь послѣ 1717 года *), преимущественно вольными солевозцами, съ 1731 г., и наконецъ крѣпостными переведенцами помѣщиковъ: графа Воронцова и друг., уже въ концѣ прошлаго столѣтія; изъ документовъ Шацкого Архива 1761 г. (журналы Тамб. учен. архивн. комиссіи) видно, что они еще до 1760 года самовольно селились въ крѣпостныхъ дачахъ Нарышкина при рѣкахъ Хопрѣ, Медвѣдицѣ, Терсѣ, Елани и впадающихъ въ нихъ рѣчкахъ, распахивали земли, сѣяли хлѣбъ, косили сѣно, строили для скота хутора и заводили пчельники. Вообще малороссы населили южную половину губерніи, уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Балашовскій, Камышинскій и Царицынскій. *Нѣмцы* — выходцы изъ разныхъ государствъ Германіи, явились сюда съ 1765 года и составляютъ по численности третью группу населенія; они заняли въ Саратовской губерніи слѣдующіе уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Камышинскій и въ Царицынскомъ — колонію Сарента. Послѣ этихъ трехъ народностей четвертое мѣсто занимаетъ *Мордва*, населяющая сѣверную часть губерніи, уѣзды: Петровскій, Хвалынскій, Кузнецкій, Вольскій и частью Саратовскій. Ихъ два колѣна—*Эрзя* и *Мокша*, отличающіеся только нарѣчіемъ: «у мордвы — двѣ морды (два языка), а шкура одна», говоритъ русская поговорка въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Остальные породцы составляютъ меньшинство общаго населенія. *Татары* живутъ въ уѣздахъ Вольскомъ, Хвалынскомъ, Куз-

*) Полагаютъ, что малороссіяне появились въ южныхъ предѣлахъ Саратовской губерніи только въ началѣ XVIII столѣтія: въ 1717 году вторгнулись въ Саратовскій край кубанскіе татары и произвели въ немъ, и безъ того немногочисленному, сильное опустошеніе; Петръ Великій приказалъ тогда, для предупрежденія подобныхъ вторженій, устроить отъ *Дмитріевска* (нынѣшняго Камышина) къ *Пловскѣ*, или отъ Царицына къ Дону, сторожевую линію, поселивъ на ней исключительно малороссіянь.

нецкомъ и Петровскомъ; *Чуваши* находятся въ уѣздахъ Кузнецкомъ, Петровскомъ, Хвалынскомъ и Вольскомъ; *Мещера*, одни изъ самыхъ старыхъ поселенцевъ этаго края, сидѣвшіе здѣсь еще во второй половинѣ XVI-го вѣка, составляютъ самую незначительную группу населенія Саратовскаго края, почти совершенно сливающуюсь русской народностью и утратившую племенные обряды и обычаи; бродячесіе племя *Цыганъ* (барышники и ковокрады) живутъ преимущественно осѣдло въ городахъ Петровскѣ, Вольскѣ, Аткарскѣ и Царцынѣ. Сравнивая заселеніе Саратовскаго края, мы видимъ въ этнографическихкихъ группахъ (кромѣ Великороссовъ) осѣданіе народностей въ излюбленныхъ мѣстностяхъ, а именно: малороссы занимаютъ преимущественно степныя мѣста—югъ губерніи; почти тоже дѣлаютъ вѣнды, которыхъ нѣтъ въ сѣверной половинѣ края, хотя послѣднее можно приписать правительственной мѣрѣ, опредѣлившей при Императрицѣ Екатеринѣ II *округу для поселенія иностранныхъ*; мордва садится на сѣверѣ губерніи, въ бывшихъ тогда лѣсистыхъ мѣстахъ, и положительно не переходитъ въ южную часть края; наконецъ татары и чувашы тоже занимаютъ сѣверный лѣсистый край нынѣшней Саратовской губерніи.

Типы этихъ народностей рѣзко отличаются другъ отъ друга и въ рѣдкихъ случаяхъ сливаются (за полнымъ исключеніемъ пѣмцевъ и татаръ) въ обще-русскій характеръ.

Русскій мужикъ, какъ человѣкъ рабочій, неопытенъ: грязное бѣлье и рваное платье, нечистота въ избѣ, — вотъ что встрѣтимъ шесть дней въ недѣлю въ каждой деревнѣ и почти у каждаго крестьянина. Въ праздникъ только смѣнитъ онъ чистую рубаху, порты и *онучи*, надѣнетъ новую сермягу или полушубокъ, обуется въ сапоги или новые лапти; баба обмоетъ лавки и вычиститъ избу. Одежда русскаго человѣка — поскопная *), рѣдко холщевая (льняная) рубаха, поясъ изъ шерстяного шнура, порты изъ синей полосатой *набойки* (крашеный холстъ), *онучи* (кусокъ холста или шерстяной доскутъ, которымъ обертываютъ ноги), лапти или сапоги, шапка или картузь; лѣтомъ—сермяга, зипунъ (халатъ, спускающійся до колѣнъ) изъ чернаго или сѣраго толстаго сукна русской шерсти;

*) *Поскопъ* добывается изъ волоконъ копыли; се выбираютъ въ половинѣ июля.

зимою—полушубокъ изъ бѣлыхъ или дубленыхъ овчины, и тулупъ. Въ праздникъ молодые парни надѣваютъ красныя кумачевыя или цвѣтныя ситцевыя рубахи, суконныя, напковыя или верблюжьи (изъ верблюжьяго сукна) *чуйки* (халаты) на опашъ или новыя армяки, подпоясывая послѣднiе краснымъ шерстянымъ кушакомъ; зимою—дубленые полушубки, подпоясанные тоже цвѣтными кушаками. Головной уборъ въ праздникъ составляетъ: лѣтомъ суконный картузь и рѣдко войлочная (полярная) шляпа съ короткими полями; зимою, у щеголей, — сѣрыя баранковыя шапки (крымки) съ суконнымъ дождемъ. Въ извозѣ, зимой, мужикъ надѣваетъ преимущественно *малахай*, овчинную дубленую шапку; въ непогоду малахай спускается и завязывается подъ бородою, закрывая затылокъ, шею и даже щеки; лѣтъ десять тому назадъ стали употреблять вмѣсто малахаевъ башлыки. У зажиточныхъ крестьянъ сапоги зимою замѣняются войлочными валенками; бѣдному служатъ тѣже лапти, но опучи—шерстяные. Въ холодъ и въ извозѣ мужикъ надѣваетъ *варежки*, вязанные изъ шерсти, а на нихъ *рукавицы* изъ дубленой овчины. Бабы и дѣвки надѣваютъ въ праздникъ сарафаны (*сукманы*) изъ шерстяной ткани, окрашенной синєю краской, или же изъ ситцу,—послѣднiй обыкновенно яркихъ красныхъ цвѣтовъ,—причемъ перетягиванiе груди по срединѣ сарафаномъ и передникомъ сильно портитъ ихъ, придавая имъ некрасивыя формы. Около десятка лѣтъ сарафанъ начинаетъ исчезать въ русскомъ народѣ и является безобразный покррой мѣщанскаго платья съ кофтой. Голова бабы повязана яркимъ платкомъ съ завязанными сзади, подъ косой концами; подъ платкомъ падѣтъ у бабы *новейникъ*: родъ шапочки съ жгутомъ приходящимся прямо надъ теменемъ; *кички* совершенно исчезли въ нашемъ краѣ. Дѣвки или ничего не надѣваютъ на голову, распуская одну косу, въ которую влетаютъ *косникъ* — шелковую ленту или полосу какой-либо другой ткани, чаще же накладываютъ на голову косынку или платокъ, завязывая концы подъ подбородкомъ; обувь составляютъ чулки, лапти, *коты* (съ толстой подошвой) и башмаки; на работѣ онѣ большею частью ходятъ босыя.

Входъ въ русскую крестьянскую избу обыкновенно со двора; у зажиточныхъ бываетъ и съ улицы, тогда устраивается крыльцо съ навѣсомъ. Изба состоитъ изъ двухъ частей: сѣней и собственно

избы (горницы); послѣдняя рубится отдѣльнымъ *срубомъ* изъ сосновыхъ полубрусинъ, преимущественно *тройника* (т. е. трехъ саженной длины) или круглыша чернолѣся; сѣни прилаживаются изъ круглыша или досокъ, всегда *холодные* (безъ печи), и у богатныхъ мужиковъ служатъ часто связью двухъ срубовъ (избъ): въ сѣняхъ устраивается иногда небольшая кладовая или чуланъ. Фундамента на бутѣ у избъ не дѣлается, а ставится она *на ступяхъ* — деревянныхъ толстыхъ столбикахъ или большихъ камняхъ; пространство между нижнимъ *вѣнцомъ* и землею набивается глиной или землей между двухъ плетней — дѣлается *завалина*; на зиму баба *ухватываетъ* избу, т. е. обмазываетъ ее снаружи глиной, въ особенности назы, и заваливаетъ *завалину* назымомъ или старой соломой, чтобы не дуло. Изба состоитъ изъ одной горницы, раздѣленной у зажиточныхъ крестьянъ легкой досчатой перегородкой на два отдѣленія. Въ заднемъ углу, у входа, становится русская печь, обращенная челомъ къ *свету* (окну); печь эта топится по *блѣзному* или *черному*: въ первомъ случаѣ она имѣетъ трубу, выходящую надъ крышей, въ послѣднемъ же трубы нѣтъ и дымъ, выходя изъ устья печи, наполняетъ избу и уходитъ въ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ подъ потолкомъ и затыкаемое тряпкой, и въ растворенную дверь. Русская печь дѣлается большая, четырехугольная, немного ниже росту средняго человѣка, настолько помѣстительная, что на ней могутъ въ зимній холодъ расположиться свободно человѣка два, три, а внутри нѣсколько хлѣбовъ, а подъ часъ и самъ хозяинъ, когда ему вздумается выпариться. *Устье* печи — полукруглое, просторное; передъ нимъ *предпечье* съ *шесткомъ*, послѣднее есть продолженіе дна печи передъ устьемъ въ предпечьи; на немъ становятся вынутые изъ печи горшки съ пицкою; устье закрывается желѣзнымъ *заслономъ*. Печь не доходитъ до полу; съ боку — пустое пространство между печкой и стѣной, называемое *запечьемъ*, забирается деревомъ, туда кладутся ухваты, сковородники, кочерги и проч. При топкѣ употребляется желѣзная кочерга на деревянномъ древкѣ; для посадки хлѣбовъ — широкая деревянная лопата, а для установки горшковъ со щами, похлебкой и кашей — *ухваты*. У печи помѣщается *ушатъ* или лохань, на трехъ ножкахъ, и надъ нимъ виситъ на веревочкѣ умывальникъ или глиняный горшокъ и полотенце. Около печи, на половину

избы закрываютъ потолокъ *палати*: помостъ изъ досокъ, устроенный на перекладинахъ на аршинъ ниже потолка, куда забирается спать семья и гдѣ обыкновенно хранятся незатѣйливыя принадлежности крестьянской постели и носимая одежда. Около входной двери у стѣны помѣщается лавка или ларь, называемые *конникомъ*; отъ него тянется по двумъ другимъ стѣнамъ *красная* лавка, здѣсь въ *переднемъ углу* лнцевой стороны избы помѣщается рѣзной кивотъ съ иконами, а часто простая трехъ-угольная полка, на которой помѣщается образъ; въ этомъ же углу *) становится столъ, накрытый въ празднигъ, при гостяхъ, а также за обѣдомъ и ужинномъ толстой скатертью или *столешникомъ*. Въ русскихъ избахъ грязно, напротивъ у малороссiянъ и пѣльцевъ всегда чисто и опрятно (такъ и у молоканъ), воздухъ въ ихъ жилищахъ не бываетъ такимъ спертымъ и прогорклымъ, какъ у русскихъ. Украшенiя въ нашихъ русскихъ избахъ рѣдки; иногда попадаются прибитыя къ стѣнѣ лубочныя картины духовнаго содержанiя: страшный судъ и дьяволъ въ видѣ огромнаго змѣя, раздѣленнаго красными и зелеными полосами съ надписью на каждой: злоба, пьянство, блудъ, и прочихъ грѣховъ; тутъ же лубочныя портреты великихъ полеводцевъ съ расположенными около ногъ лошади войсками, которыми «богомазъ» однимъ почеркомъ кисти далъ обшiй красный воротникъ, задѣвая подбородки, плечи и грудь; тутъ же мыши котъ хоронятъ, русскiя пѣсни и сказки въ лицахъ, съ изложенiемъ безграмотнаго текста. Въ настоящее время старая лубочная живопись начинаетъ исчезать, замѣняясь болѣе отчетливой. Русская изба въ особенности грязна зимой, когда жилье наполняется овцами, телятами, иногда свиньями, которыя тутъ ночуютъ; сюда же вводятъ въ зимнiе холода и коровъ для удоя. Не приведи Богъ загнанному мятелю, непривычному путнику заночевать въ небогатой избенкѣ русскаго мужика: его задушитъ одна нестерпимая вонь живыхъ существъ—человѣка и скота, заѣдятъ клочы и блохи, засыпаютъ тараканы.

Въ каждомъ дворѣ живетъ одна. рѣдко нѣсколько семей. Послѣ освобожденiя крестьянъ, съ 1861 г., семейныя раздѣлы стали повсемѣстно часты, и потому теперь встрѣтить въ избѣ двѣ семьи,

*) Уголь этотъ считается почетнымъ и важнаго гостя или почтеннаго старца всегда сажаютъ «подъ образа».

даже родныхъ сыновей, рѣдкость; въ крѣпостное время помѣщики запрещали раздѣлы, зная по опыту, что большая семья всегда *спорте* и потому зажиточнѣе, такъ какъ дворъ состоялъ изъ большаго числа *тяголъ*, т. е. работниковъ и работницъ (мужъ и жена составляли *тягло*). Каждый дворъ имѣетъ старшаго: *болгиака*, *главу* или *домохозяйина*, который распоряжается всѣмъ въ домѣ и остальной семьей; ему всегда почетное мѣсто за столомъ, въ *переднемъ углу*, подъ образами. Лѣто крестьянинъ цѣлый день въ полѣ: съ ранней весны идетъ посѣвъ яроваго; въ короткое *междунарье* (время посѣвъ яроваго сѣва и пашкою *паровъ* подъ озимь) крестьянинъ норовитъ «сходить въ извозъ»; тамъ настаётъ *мѣтка паровъ* и покосъ, за ними подошла уборка ржи, посѣвъ *озимаго поля*, а тамъ уборка яроваго хлѣба, возка сноповъ и *ломка* (пашка) *жнивьевъ* подъ яровое будущаго года. Въ ясную осень тянется молотьба и продолжается все *первозимье*; зимою — извозъ; и такъ проходитъ изъ году въ годъ у нашего крестьянина. Старшій — дѣдъ или отецъ семейства — есть полный властелинъ въ домѣ; за нимъ второе лицо — старшій сынъ, остальные ничто больше, какъ работники; женщина стоитъ на заднемъ планѣ, она не имѣетъ голоса, должна безирекословно слушаться старшаго и своего мужа; отношенія ея къ послѣднему какъ работницы къ хозяину; часто достается ей отъ него, но побой мужа не ставятся ему въ укоръ *) и за уриды сыплются они на несчастную за какой-либо проступокъ, а больше совершенно безвинно, подъ пьяную руку. Жена не имѣетъ доли въ доходахъ своего *хозяина*; на обувь и наряды у нея свой доходъ: посѣвъ конопли и льна, отъ которыхъ достается ей *посконъ* и *мнище*, идущіе на холсты, зерно же поступаетъ хозяину; сверхъ того у нея нѣсколько овецъ, подарокъ отца или тестя, *сѣбина* (Аткарскій уѣздъ), доходъ съ которыхъ идетъ ей. Дѣти до 8-лѣтняго возраста ничего не дѣлаютъ; оставленные почти безъ всякаго призора, босякомъ, въ однихъ рубашонкахъ бѣгаютъ они и играютъ по улицамъ; но около 10 лѣтъ становятся въ лѣтнюю пору

*) Волостной судъ и сельскій сходъ преимущественно оправдываютъ мужа, исколотившаго свою жену. Со введеніемъ мировыхъ учреждений, крестьянамъ пришлось *не по нутру* наказанія за подобные проступки и они высказывались, что это «не ладный законъ — бабъ баловать», и что «мужъ вѣдь всегда полѣвъ въ своей женѣ и долженъ *учить* ее, такъ и въ закоуѣ Вожіемъ сказано».

подмогой отцу и матери: дѣвочки остаются няпками при малыхъ ребятахъ, а мальчишки идутъ въ *поднаски* (помощники пастуховъ), смотрятъ за стадами овецъ, телятъ и свиней, помогаютъ отцу въ полѣ, бороньбѣ и проч.; вотъ почему крестьяне не оставляютъ дѣтей на лѣто въ школѣ, дѣвочекъ же совершенно неохотно и рѣдко отдаютъ туда.

Малороссіяне тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ, удержали свой говоръ, нравы, обычай и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили многое изъ ихъ одѣянія: даже будничная родная *платта* (лоскутъ матеріи, узко обхватывающій бедра женщины и едва спускающійся ниже колѣнъ) стала замѣняться юбкой, но говоръ и типъ не поддаются еще обрусѣнію. Малороссы народъ красивый и между дѣвушками встрѣчаются хорошенькія съ бойкими черными и карими глазами. Нашъ народъ зоветъ ихъ *хохлами* и *хохлушками*. Разсматривая каждое селеніе, въ которомъ русскіе сидятъ съ малороссами, мы неперемѣнно видимъ, что эти двѣ народности не смѣшиваются и живутъ отдѣльными частями поселенія, часто раздѣленными рѣчкой или овражкомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльныя хозяйства, снимаютъ врозь участки земель, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко.

Отличительная черта малороссіянъ отъ русскихъ — опрятность и лучшая обстановка жилья: въ ихъ *хатахъ*, хотя иногда и нѣтъ совершенно деревяннаго пола, но онъ всегда чисто выметенъ, горница свѣтлѣе, такъ какъ у каждаго малоросса, даже въ небольшой хатѣ, три-четыре окна; у всѣхъ изъ есть дымовыя трубы и *черной* топки, какъ у русскихъ, нѣтъ. Каждый годъ, къ Троицыну дню, всѣ хаты безъ изъятія хохлушки обмазываютъ снаружи, часто и внутри, глиной, бѣлятъ и расписываютъ какой-нибудь яркой краской; солома на ихъ крышахъ подрѣзана всегда аккуратно. Въ пищѣ малороссіяне тоже отлвчаются отъ русскихъ: любимыя блюда хохла — свиное соленое сало, вареники, галушки и неперемѣнно пшеничный хлѣбъ; они заготавливаютъ на зиму изъ свекловницы, квася ее особымъ образомъ, *бураки*, изъ которыхъ варятъ *борщъ*. Малороссіянки цекутъ *бублики* (крендели), которыми торгуютъ въ праздничные дни на базарахъ или около церквей. Хохолъ лаптей не носитъ.

Мордва—большую частью средняго роста, съ выдающимися скулами, рѣдкой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими и въ большинствѣ случаевъ большими; между женщинами и дѣвushками нерѣдко попадаются красивыя лица. Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *понѣра*, съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя бараньи шапки, часто съ прорваннымъ верхомъ; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ заветная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или на свадьбѣ; зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою поверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна. Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, узкой, холщевой рубахи — *понѣра*, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу, красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкой; сверхъ рубахи надѣваютъ *шущань*, родъ узкаго халата, съ разрѣзаннымъ передомъ; *шущань*, какъ и *понѣра*, имѣетъ короткіе по локоть, узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу разшитъ красной шерстью п гарусомъ, съ блестками и мишурой. Кромѣ того, до 1850 годовъ (с. Оркино, Саратовскаго уѣзда) женщины носили *покай*, родъ шущана, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покай* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ $\frac{1}{4}$ аршина ширины и весь *покай* блестѣлъ словно нарчевый. Передъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдній и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками; такіи перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ для разныхъ мелкихъ вещей *лакомку*, и сверху краснымъ шерстянымъ кушакомъ. На голову бабы надѣваютъ что въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурою: это — *шущань*, въ который они убираютъ голову совсѣмъ съ ушами, такъ что и волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускаютъ пряди, которыя щеголихи завиваютъ въ кудри; сзади шущань стяги-

вается завязкой и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ четырехъ-угольнымъ концомъ, длиною вершковъ въ шесть, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами къ шлыгану привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пугови, по три на сторону. Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, башмаковъ — *коты*. Мордовки щеголяютъ украшеніями: огромныя мѣдныя или оловячныя серьги; на пальцахъ — масса мѣдныхъ и оловянныхъ колецъ, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусы или напизанныя на шнурокъ раковинки ридовъ въ 9 окружаютъ шею, спускаясь на грудь, причѣмъ на каждомъ изъ нихъ непременно крестъ или серебряная мелкая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодухекъ (*урьва*: первый годъ замужества) отличается отъ бабьяго только тѣмъ, что они не носятъ *шылмановъ*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, вплетая въ нее узенькую ленточку съ кистью красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непременно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильныя холода, ходятъ они большею частью съ открытыми головами. Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а нныя курятъ изъ трубокъ махорку.

Улицы въ мордовскихъ селеніяхъ большею частью неправильны и узки; большинство избъ стоятъ на улицу бокомъ или задомъ, или же вовсе на дворѣ; крыты онѣ соломой; строятся обыкновенно изъ чернолѣсья, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разпой величины. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатые полы; топка преимущественно по *черному*, даже въ тѣхъ, гдѣ есть трубы. Зимомъ, кромѣ людей, помѣщаются въ избѣ телята, ягнята, поросята, куры, и воздухъ мордовскаго жилья пропитанъ одуряющей вонью; къ тому же не достаетъ и дневного свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; всюду грязь, нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, вездѣ виситъ паутина; обитатели этихъ грязныхъ жилищъ часто страдаютъ кожными и глазными болѣзнями. Колыбель младенца, *лаусъ* (корзинка или загнутый изъ лубка ящикъ), набита соломой или трухой, покрытой ветошкой или старымъ шушианомъ; все это рѣдко просушивается и еще рѣже мѣняется.

Нѣмцы до сихъ поръ въ нашемъ краѣ составляютъ совершенно обособленный типъ; они не смѣшиваются браками ни съ одной народностью. Улицы въ ихъ селеніяхъ (*колониасъ*, какъ называютъ русскіе)—прямые и пересѣкаются такими же поперечными, образуя кварталы; способъ постройки и расположеніе дворовъ колонисты усвоили отъ русскихъ крестьянъ, но внутреннее расположеніе жилищъ, обстановка и чистота рѣзко отличаются отъ крестьянскихъ: у нихъ нѣтъ ни русскихъ палатей и паръ, ни громадной печи; полы всегда выметены и при входѣ усыпаны свѣжимъ пескомъ. Нѣмцы большіе охотники до пестраго убранства комнатъ: столы, скамейки, сундуки, шкафы, чаега ставни и двери, большею частью, пестрятъ яркими красками. Въ каждомъ домѣ стоитъ въ углу лучшей компаніи высокая двухспальная кровать съ пестрымъ пологомъ, массою подушекъ и ловко взбитымъ пуховикомъ вмѣсто одеяла; здѣсь помѣщается глава семейства съ своей супругой, остальные члены размѣщаются на почъ на полу, или въ другой комнатѣ на постели, но безъ полога. Одежда колонистовъ-мужчинъ состоитъ: лѣтняя — изъ картуза, бѣлой рубахи, темносинихъ, коричневыхъ или черныхъ холцевыхъ панталонъ, черной или пестрой жилетки, съ стеклянными или металлическими пуговицами, изъ кафтана, длиннополаго сюртука или куртки темной матеріи; лаптей они не носятъ; бороду и усы брѣютъ. Жепцины носятъ лѣтомъ короткія темносинія холцевыя домашняго издѣлія, въ будни, и цвѣтные по праздникамъ, юбки; передники, бѣлыя рубашки и кофты преимущественно темныхъ цвѣтовъ; на головѣ платокъ, а на ногахъ бѣлыя, синіе или пестрые чулки — своей работы. Зимомъ нѣмцы ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, полушубкахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Между дѣвушками встрѣчаются очень красивыя, но почти все молодые женщины худощавы и узкогруды. Колонисты большею частью грубы и псевджливы, характеръ ихъ настойчивъ и упрямъ. Они составляютъ весьма живучую и плодovitую расу: у меня въ рукахъ документы по движенію населенія Ягодно-Полянскои волости, Саратовскаго уѣзда (опубликованные мною въ «Саратовскомъ Сборникѣ», т. II), изъ которыхъ видно, что въ двухъ нѣмецкихъ селеніяхъ этой волости: Ягодной-Полянѣ и Побочной, по 5-й ревизіи 1783 года числилось 400 душъ мужск. пола и 400 женскаго, итого 800 душъ обоого пола; къ

1 января 1879 г. въ этихъ двухъ колоніяхъ считалось 4153 души мужскаго пола и 4186 женскаго, всего 8339 душъ обоого пола нѣмцевъ; слѣдовательно населеніе увеличилось въ 90 лѣтъ болѣе чемъ въ 10 разъ, не включая выселившихся съ 1857 года изъ этихъ двухъ колоній въ Самарскую губернію 1.724 ревизскихъ душъ, что дало-бы значительную цифру прироста. Болѣе половины здѣшнихъ колонистовъ почти совершенно не говорятъ по-русски, что же касается до женщинъ, то едва ли найдутся двѣ или три въ каждомъ селеніи, умѣющихъ сказать нѣсколько русскихъ словъ. Колонисты на русскихъ не женятся, обрядовая жизнь не поддавалась до сихъ поръ обрусѣнію и сохранилась болѣе столѣтія совершенно своеобразною.

Изстари существуютъ въ нашемъ простомъ народѣ свои по-
вѣрья и предрасудки; глубоко пустили они корни въ той средѣ,
куда не заглядывало не только образованіе, но и грамотность, гдѣ
дѣти жили, думали и смотрѣли, какъ ихъ прадѣды, гдѣ недавно
еще слышалось: «къ чему грамота, мы и наши дѣды жили безъ
нея, да безъ хлѣба не сидѣли; грамотные люди отцу, матери не
почетчики. они имъ говорятъ: вы въ лѣсу росли, непыку молли-
лись». И дѣти вѣрили грубымъ разсказамъ о колдунахъ, вѣдь-
махъ, домовыхъ, лѣшихъ, проклятыхъ, русалкахъ и проч. «Дѣ-
душка мой самъ мнѣ говорилъ, — разсказываетъ въ с. Колѣнѣ,
Аткарскаго уѣзда, пожилой крестьянинъ,— что былъ на свадьбѣ и
видѣлъ *колдуна*: сидѣлъ онъ на почетномъ мѣстѣ и всѣ ему кла-
нялись, угощали его на славу и ни въ чемъ не перечили, а то
испортить; три изъ нашего села *кличутъ* *) отъ него, да двое
ходятъ на четверенькахъ. Жилъ онъ долго, нажилъ денегъ про-
цасть, а какъ сталъ умирать, такъ *конекъ ломали* **); въ полночь
всталъ онъ изъ гроба и бѣгалъ за дьячкомъ, который читалъ

*) Кличутъ *кличуши* или испорченныя, чаще всего женщины. *Кликаше*
есть истерическій прерывистый крикъ. *Кличуши* были очень часты въ крѣпост-
ное время, когда большая часть лѣнивыхъ бабъ притворялись испорченными,
чтобы не ходить на барщину; ихъ провзвительный, судорожный крикъ, лаліе,
пудахтапье часто раздавался въ деревенскихъ церквахъ во время Херувим-
ской и передъ причащеніемъ, производя на насъ, дѣтей, непріятное впечатлѣніе.
Теперь съ уничтоженіемъ крѣпостного права *кличуши* стали очень рѣдки.
Кличуши были и въ старину на Руси. Изъ дѣлъ бывшего Вольскаго духовнаго
правленія (Труды Саратов. ученой архивной Коммисіи, т. II, вып. 2. 1888)
видно, что 13 мая 1773 г. послѣдовалъ указъ св. синода о воспрещеніи духо-
венству пѣть молебны и читать слово Божіе надъ *кличушами* и прочими вор-
оченными людьми, о которыхъ «не иное должно имѣть разсужденіе, какъ о пря-
момъ притворствѣ, и обманѣ, и суевѣрїи».

**) Есть повѣрье, что *колдунъ* не можетъ умереть безъ того, чтобы не сло-
мали крышу надъ тѣмъ домомъ, гдѣ онъ кончается. *Конькомъ* называется верхъ
крыши.

исагтырь; а зарывали его, тѣмъ въ могилу заколотили осиновою колъ, чтобы не могъ встать» *).

Въ Саратовской губерніи народъ волюнѣ вѣрить, что колдунъ можетъ *портить* людей, *наговоривъ* на воду, на хлѣбъ, *пустивъ по вѣтру* или *вынувъ слюду*. *Порчу* считаютъ двойною — или на смерть, или съ возможнымъ выздоровленіемъ: въ послѣднемъ случаѣ надо обратиться къ испортившему или другому сильнѣйшему *знахарю*; плохой можетъ только раздражить сидящую въ больномъ нечистую силу.

Въ Полчанинновской волости, Саратовскаго уѣзда, многіе еще твердо вѣрятъ въ чародѣйскую силу *колдуновъ*. Изъ разсказовъ видно, что эта сила дѣйствуетъ только на другихъ, но сами себя они никогда и ни во что превратить не могутъ, т. е. не въ состояніи быть *оборотнями* (по повѣрьямъ другихъ мѣстностей края. колдунъ можетъ обратиться въ звѣря, въ птицу, рыбу и проч., что увидимъ ниже). Вѣрятъ волюнѣ, что колдуны имѣютъ при себѣ какія-то записки или маленькія книжки, которыхъ никто не видитъ и не знаетъ, что въ нихъ написано; записки эти они всегда носятъ въ тайнѣ, подъ пяткой въ сапогѣ или лаптѣ; если колдунъ неграмотный, то можетъ также дѣйствовать какъ грамотный, такъ какъ достаточно того, что онъ носитъ при себѣ эти таинственные письмена. Причиняютъ эти лихіе люди вредъ обыкновенно тѣмъ, на кого злы. Они «портятъ», *навышиваютъ килу* какъ скотинѣ, такъ и человѣку **), и *сажаютъ бѣса* черезъ наговоръ на какую-либо

*) *Забиваніе кола въ могилу* встрѣчается и у румынъ: они вѣрятъ, что рыжій человѣкъ послѣ смерти можетъ являться собакой или лягушкой, а также обращаться въ клопа или блоху и пить кровь молодыхъ дѣвушекъ; чтобы избѣжать этого, румыны крѣпко заколачиваютъ гробъ рыжаго покойника, а могилу прокалываютъ коломъ.

**) Крестьяне Полчанинновской волости (1885 г.) до сихъ поръ волюнѣ убѣждены, что колдунъ можетъ *подвысить килу* (шишку, опухоль, грыжу) какъ человѣку, такъ и животному, глазомъ, по вѣтру или наговоромъ. Они называютъ пѣсколко такихъ злыхъ людей: въ дер. Федоровкѣ Ппата Семенова Арсапохина (наказаннаго 10 ударами розогъ за угрозы, по рѣшенію волостнаго суда 17 мая 1885 г., № 40), въ дер. Кашаровкѣ Ивана Тимошеева и другихъ, волюнѣ убѣжденные въ указываемыхъ ими случаяхъ. Тотъ, у кого покажется кила или шишка, идетъ къ извѣстному *знахарю*, какъ напр. къ Степану Жукову и другимъ, которые *отвязываютъ килу*. Въ 1886 г. умеръ въ дер. Федоровкѣ крестьянинъ Федотъ Евстифѣевъ; между его братьями и вдовой покойнаго Афросиньей затѣвается тяжба о раздѣлѣ имущества; черезъ пѣсколько времени одинъ изъ

вещь или же просто однимъ взглядомъ: въ наговоренной вещи засядеть нечистый духъ, и колдунъ либо передаетъ ее самъ въ руки, или бросаетъ, куда ему нужно; въ послѣднемъ случаѣ, въ перваго подпявшаго входитъ нечистая сила и дня черезъ два или три онъ начинаетъ бѣситься. Вотъ почему крестьяне очень осторожны при находкахъ: нашедши на дорогѣ или въ полѣ какую-либо вещь, онъ творить молитву и сдуваетъ съ нея нечистую силу; тогда наговоръ исчезаетъ и нѣтъ опасности взять находку въ руки. Когда человѣкъ подвергнется *порчи* и въ пемъ сидитъ нечистый духъ, то другіе, легковѣрные, приходятъ къ нему ворожить: кто о прощаніи, кто о своей будущности, а иной просто изъ любопытства, и если нечистый духъ захочетъ открыть тайну, то *сказываетъ*, но бываютъ случаи, что и *не сказываетъ*. Прежде чѣмъ идти ворожить, надо обязательно узнать имя и отчество нечистаго духа (имя это непременно мужескаго рода, будь испорчена баба или дѣвка) и тогда, подходя къ нему, надо назвать его именемъ, отчествомъ и сказать: «я-де пришелъ или пришла поворожить о томъ-то»; духъ начинаетъ биться, кричать и черезъ нѣсколько минутъ падаетъ со всего размаху на полъ; съ полъ-часа лежитъ совершенно бездыханный, неподвижный трупъ; въ это время, говорятъ, духъ вылетаетъ изъ человѣка и рыскаетъ по свѣту, отыскивая то, о чемъ просили. Наконецъ духъ возвращается и входитъ опять въ тѣло испорченнаго, члены начинаютъ шевелиться, руки и ноги размахиваются, глаза открываются большіе, бѣлые, горящіе огнемъ; одержимый бѣсомъ быстро вскакиваетъ и, садясь въ углу на скамьѣ, начинаетъ сказывать, что то-то найдется или нѣтъ, того-то нужно ожидать.

Говорятъ (Полчанниковская волость), что для открытія въ селѣ колдуновъ существуетъ слѣдующій способъ. Въ продолженіи всего Великаго поста, каждый понедѣльникъ надо рубить дрова и всякій разъ бросать по нѣсколько полѣнъ на подловку (чердакъ),

братевъ, Данила Евстифѣевъ, умпраетъ отъ грыжи, потомъ начинаетъ болѣть скотина другого Евстифѣева Михаила (бывшаго волости старшиною), на шельхъ коровъ показываются шишки, и вскорѣ заболѣваетъ грыжей и Михайла: явилось въ народѣ позное убѣжденіе, что это вдова Афросинья по злобѣ портитъ и навѣшиваетъ на нихъ кны. Миѣ едва удалось уговорить Михайлу обратиться не къ знахарю, а къ врачу, и теперь онъ поправился.

а въ заутреню на Пасху собрать всѣ эти колѣнья, затопить печь; узнавъ объ этомъ черезъ посредство нечистой силы, колдуны непременно явятся просить чародѣйскаго огня, противиться ихъ требованію не слѣдуетъ. Есть еще новѣрье въ народѣ, какъ узнавать колдуновъ: надо на Вербное Воскресенье взять покрупѣе восточную свѣчку и зажигать ее всю Страстную недѣлю на столнїяхъ и на Пасху у заутрени; затѣмъ надрѣзать кору на яблонѣ и заткнуть эту свѣчу за корой, внизъ фитилемъ, оставить такъ до слѣдующей Пасхи, на цѣлый годъ; тогда передъ заутреней ее вынимаютъ, такъ чтобы никто этого не видалъ, идутъ съ ней къ заутрени и зажигаютъ ее, послѣ чего она становится чудодѣйствующей: стоитъ лишь повернуть эту свѣчу фитилемъ къ низу, то колдуны, находящіеся въ церкви, стануть къ верху погами.

Къ концу зимы 1881 года явилась въ сельцо Песчанку (Саратовскаго уѣзда) какаля-то *знахарка* изъ г. Петровска; къ ней, за недостаткомъ медицинской помощи въ нашемъ околоткѣ, обращались многіе изъ крестьянъ. Эксплуатируя народъ, знахарка эта объявила, что по тайной наукѣ ей извѣстно, что въ Песчанкѣ много *колдуновъ* и *вѣдьмъ*, предлагая за 10 рублей выгнать ихъ всѣхъ. Отвѣтъ сельчанъ былъ очень практичный: «мы дадимъ 10 рублей, да ихъ души лягутъ повинностью на міру; такъ пусть лучше останутся».

Мнѣ довелось (въ 1887 году) говорить съ молодыми парнями 20—25 лѣтъ, изъ с. Полчаниновки и дер. Федоровки (Саратовскаго уѣзда): они вполне вѣрятъ въ колдуновъ, въ ихъ порчу и навѣшиваніе килъ. «Завелись и у насъ въ Полчаниновкѣ колдуны Христофоръ Романовъ и Филать Семеновъ; послѣдній, когда въ свадебномъ поѣздѣ лошади не трогались съ мѣста и становились на дыбы, подошелъ къ нимъ и крикнулъ: «ей вы,—я самъ тутъ!» и поѣздъ тронулся во всю прыть; на другой свадьбѣ заставлялъ Филать гостей обнимать и цѣловать *соги* (столбы, поддерживающіе навѣсы на дворахъ). На сходѣ хотѣли его побить за колдовство,—такъ носъ закрываетъ; извѣстно, что ежели колдуну разбить носъ до крови, обтереть эту кровь тряпкой и сжечь ее, то колдунъ не будетъ ужъ въ силахъ колдовать».

Многихъ изъ атамановъ разбойниковъ народъ считалъ колдунами. Я не буду приводить слишкомъ извѣстныя легенды о Степкѣ

Разинѣ, но передамъ разсказъ села Белгазы-Маматовки (Аткарскаго уѣзда): «Въ рѣкѣ Белгазѣ подѣ селомъ, между Жадовымъ и Страховымъ оврагамъ, никогда не кричали лягушки, хотя ихъ здѣсь и много, между тѣмъ какъ крикъ ихъ раздается по остальной части рѣчки». Народъ объясняетъ это явленіе слѣдующимъ обстоятельствомъ: «Лѣтъ сто тому назадъ, когда въ окрестностяхъ Маматовки водились разбойники, одна изъ шаекъ получила извѣстіе, что ночью пріѣдетъ въ Белгазу проѣзжіи богатый купецъ съ товарамъ; разбойники расположились караулить его немного выше села въ Жадовомъ оврагѣ (другіе же говорятъ въ Страховомъ), черезъ который пролежала дорога. Ночь была темная, лягушки страшно кричали въ рѣкѣ и озерахъ; разбойники просидѣли въ оврагѣ до свѣта и не слышали никакого движенія по дорогѣ. Поутру же узнали они, что купецъ проѣхалъ Белгазу передъ разсвѣтомъ и догадались, что виною ихъ неудачи былъ громкій крикъ лягушекъ. Атаманъ былъ колдунъ и въ досадѣ наложилъ на лягушекъ *заклятіе*, чтобы онѣ сто лѣтъ не кричали; могучее *слово* атамана копчилось недавно: года четыре (разсказъ 1868 года) какъ лягушки стали кричать снова». Послѣднее подтверждали мнѣ священники Михаилъ Павловичъ и Андрей Михайловичъ Розановы; они говорили, что дѣйствительно лягушки стали кричать въ Белгазѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, прежде же Михаилъ Павловичъ, жившій здѣсь съ 1826 года, ни разу не слышалъ ихъ крику.

Въ селѣ Голицынѣ, Аткарскаго уѣзда, въ 1807—1812 годахъ разбойничалъ нѣкто Голяевъ; преданіе считаетъ его колдуномъ, который *заговаривалъ* ружья, сабли, и былъ способенъ *оборачиваться* въ разныхъ животныхъ, причеиъ нсрѣдко изъ-подъ носа своихъ преслѣдователей улеталъ въ подѣ птицы — яснаго сокола. Въ народѣ часто встрѣчаемъ преданія о колдовствахъ разбойниковъ: «Плывутъ они, бывало (разсказываютъ въ г. Хвалынскѣ), по Волгѣ на кошмѣ (войлокѣ), а сами въ карты играютъ». На Чагрѣ (въ 25 верстахъ выше г. Хвалынска) былъ въ старину разбойникъ Водвинъ, умѣвшій заговаривать пули; поймали его въ дер. Оedorовкѣ и связали ему руки; онъ попросился къ Волгѣ паптыся и, подойдя къ водѣ, нырнулъ въ рѣку, очутился на противоположномъ берегу, поблагодарилъ караульныхъ, что напоили, и скрылся. Въ Вольскомъ уѣздѣ представляютъ легендарной личностью раз-

бойника Андриюшку Голощала, приписывая ему сверхъестественныя свойства. Село Лохъ, Саратовскаго уѣзда, полно баснословными преданіями о знаменитомъ атаманѣ разбойниковъ—*Кудеяръ*, перескакивавшемъ на богатырскомъ конѣ своемъ Соколѣ съ Маруповой на Кудеярову гору, заколдовывавшемъ оружіе и творившемъ множество другихъ чудесъ. Лоховчане и окольные жители вѣрятъ, что Кудеяръ, уже древній старецъ, еще живетъ до сихъ поръ въ невидимой землянкѣ своей горы около с. Лоха. Народъ увѣренъ, что многіе острожники умѣютъ заговаривать кандалы, которые при этомъ соскакиваютъ у нихъ съ рукъ и ногъ. Въ такомъ убѣжденіи были жители с. Колѣна (Аткарскаго уѣзда) и окрестностей, въ 1860 годахъ, о дезертирѣ Петрушкѣ (Петрѣ Александровѣ Тенловѣ), извѣстномъ грабителѣ того времени; его считали колдуномъ и утверждали, что при преслѣдованіи онъ исчезалъ мгновенно изъ глазъ. Въ прошломъ столѣтіи (дѣло Шацкаго архива 1770 г.) вѣрили, что ежели колодникъ достанетъ мертвую человѣческую руку, то можетъ навести ею сонъ на караульныхъ. Въ народныхъ разсказахъ о волжскихъ разбойникахъ перѣдкѣ встрѣчается, что пойманные и засаженыя въ крѣпкія стѣны остроговъ, они спасались колдовствомъ: «начертятъ на полу тюрьмы мѣломъ или углемъ лодку и несла, сядутъ въ нее и вынесутся на широкую раздольную Волгу».

Малороссы называютъ колдуновъ *чаровники* и *чаровницы*. Въ с. Сокурѣ (Саратовск. уѣзда) малороссіянка Прасковья Кухарева, старуха 90 лѣтъ, говоритъ, что слышала отъ своихъ родныхъ старожилловъ, что въ Сокурѣ въ прежнее время было много колдуновъ, которые посредствомъ сближенія съ злыми духами околдовывали женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ, причемъ разсказываетъ слѣдующій случай. Малороссъ с. Сокура, крестьянскій паренъ Петръ Кутейниковъ, крѣико полюбилъ красавицу малороссіянку Улиту Кухареву и желалъ взять ее за себя; Улита же Петра не любила и на всчерицахъ смотрѣла на него съ отвращеніемъ и относилась къ нему съ пренебреженіемъ, отдавая преимущество передъ всѣми другими парнями, полюбившемуся ей, Егору Передрѣву. Замѣтивъ это Кутейниковъ задумалъ отомстить Кухаревой самымъ жестокимъ образомъ, почему и обратился къ чаровнику, крестьянину Игнатію Иванову Скиданову, повѣдавъ ему тайну своего сердца и

давъ приличное вознагражденіе. Скидановъ приказалъ ему вырѣзать изъ косы Улиты нѣсколько волосъ и привнести ему. Кутейникову скоро представился случай выполнить это приказаніе: Кухарева была повѣнчана и оставалось лишь совершить обрядъ *покриванія* (см. ниже: Малороссійская свадьба), на который и пришелъ Кутейниковъ съ злымъ умысломъ похитить волосы Улиты. Ему удалось отрѣзать клочекъ волосъ изъ ея косы и убѣжать сейчасъ же къ чаровнику Скиданову, которому онъ и передалъ ихъ, прося какъ можно безчеловѣчнѣе отомстить красавицѣ за отвергнутую любовь его. Скидановъ взялъ эти волосы и замазалъ ихъ въ чело печи, сказавъ Петру, чтобы шелъ домой и былъ спокоенъ, такъ какъ все исполнится по его желанію. Въ тотъ же вечеръ, какъ только волосы Кухаревой были замазаны въ чело печи, несчастная дѣвушка начала грустить и тосковать, такъ что свѣтъ Божій сталъ ей не милъ. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, незнвшая отъ неопредѣленной тоски Улита умерла, оставивъ вдовцомъ любимаго и любившаго ее мужа. Когда покойницу *взрѣзали* (вскрыли), то сердце ея оказалось все исколото, какъ бы иглами. Было это лѣтъ 50 тому назадъ. (Разсказъ 1886 года).

За колдуномъ слѣдуетъ *знахарь*, почти тоже что колдунъ: его почитаютъ на свадьбахъ и вообще народъ имѣетъ къ нему большое уваженіе. *Знахарь* и *знахарка* (мѣстамъ называется *бабушка*) лѣчатъ отъ разныхъ болѣзней, снимаютъ порчу и угадываютъ, кѣмъ что украдено и гдѣ положено. Эти знахарки (бабушки или лѣкарки) приносятъ много зла своимъ леченіемъ: такъ во многихъ деревняхъ Сараговской губерніи (напр. село Галахово, Аткар. уѣзда), до развитія медицинскихъ средствъ земства въ 1870-хъ годахъ, гнѣздився сифилисъ, который народъ называетъ *французской* или *дурной* болѣзью, проявлявшійся часто въ застарѣлыхъ вторичныхъ и третичныхъ формахъ; единственное средство употреблявшееся знахарками противъ этой болѣзни, отчасти и теперь не выведенное въ народъ, было обычное деревенское леченіе *окуркомъ*: это страшное зло, превосходящее часто своими дурными послѣдствіями самую болѣзнь, съ трудомъ искореняется въ народѣ, который вѣрится въ этотъ способъ леченія. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда *дурная* болѣзнь (часто просто простуда) вступить въ горло или проявится въ другихъ застарѣлыхъ формахъ, то

больной идетъ къ знахаркѣ, которая *сажаетъ его на окуръ*, хотя бы это былъ ребенокъ, для чего она беретъ киноварь, толчетъ ее и сыплеть въ жаровню или горшокъ съ горящими углями; больной садится надъ этимъ куревомъ и его покрываютъ шубами, онъ вдыхаетъ этотъ дымъ и до тѣхъ поръ сидитъ на *окурѣ*, пока съ нимъ не сдѣлается дурно и десны до того ослабѣваютъ, что зубы шатаются. Окуръ дѣлается одинъ разъ, потомъ больного кладутъ въ постель и накрываютъ шубами. Если больной послѣ окура выйдетъ на холодъ или выпьетъ холоднаго, то бывають случаи смерти. При этой болѣзни и многихъ другихъ въ особенности глазной, лекарики часто прикладываютъ сулему, что встрѣчается какъ у русскихъ такъ и мордвы Саратовской губернии.

Проклятый (повѣрье села Колѣна Атварскаго уѣзда) — тотъ, кого прокляла мать за непочтеніе къ ней. Живутъ они въ водѣ или лѣсу, ночью выходятъ на дорогу и предлагаютъ прокожему проѣхать на ихъ лошадахъ, но тотъ, кто къ нимъ сядетъ, остается у нихъ навсегда.

Лѣтъ 200 или 300 тому назадъ, — рассказываютъ дѣды своимъ вручатамъ (с. Колѣно), — жили въ Кіевѣ лѣшніе, разошлись они по землѣ. *Лѣшій* — тотъ же проклятый человекъ; живутъ они въ болотныхъ лѣсахъ и болотахъ, постоянно кохочуть; кто имъ понадется, того защекочуть до смерти *). *Проклятые, опившіеся, утопленники, колдуны* и прочіе по смерти выходятъ изъ могилъ и бродятъ по свѣту; ихъ, говорятъ, земля не принимаетъ: «тѣло ихъ все тлѣетъ, а тѣнь бродитъ по свѣту; и дивныя дѣла творятъ ихъ тѣни».

Малороссы тоже вѣрятъ въ лѣшнихъ, проклятыхъ и русалокъ. *Лѣшніе*, по словамъ старожиловъ малороссовъ с. Сокура (Саратовскаго уѣзда; 1886 г.), живутъ въ лѣсахъ при рѣчкахъ: «это люди, проклятые своимъ матерями еще въ ихъ чревѣ и пронавшіе послѣ рожденія не крещеными». Нѣкоторые изъ старожиловъ видѣли въ лѣсахъ лѣшнихъ. Приведу два рассказа о подобныхъ встрѣчахъ:

*) Чудь называютъ лѣшаго: метцъ-хиннэ; живетъ онъ въ лѣсахъ, а въ водѣ ведэ-хиннэ (водной). Тѣже представленія о лѣшемъ какъ у русскихъ, существуютъ и у бѣлороссовъ.

«Въ лѣсу была пригородъ; пастухи варили поздно вечеромъ кашу и пошли загнать быковъ; возвращаясь, видятъ, что какой-то человекъ хлебасть кашницу; они спросили его, кто онъ, и тотъ отвѣчаетъ имъ, что его отецъ и мать проклинали по лѣсамъ ходить; затѣмъ онъ исчезъ. Пастухи не рѣшились ѣсть кашницу послѣ лѣшаго и отдали ее воламъ». Лѣшаго видѣлъ также крестьянинъ малороссъ с. Сокура, Ефимъ Осиповъ Шевченко: «Насъ онъ ночью воловъ па лѣсной полянѣ; по случаю холода развелъ костеръ и сѣлъ возлѣ него погрѣться; вдругъ слышитъ въ дали отчетливый хохотъ, который постепенно приближался; смѣхъ прерывался иногда глухими стопами — уффы! и затѣмъ вовсе замолкалъ. Шевченко струхнулъ не на шутку, такъ что волосы поднялись у него дыбомъ, и онъ хотѣлъ уйти, но лишь поднялся съ мѣста, какъ увидалъ не въ далеки идущаго къ нему человекъ, совершенно голаго и обросшаго длинными волосами, который, не доходя до него сажень трехъ, сказалъ: «Дай мнѣ кусокъ хлѣба, я сильно голодею; но брось его лѣвой рукой на отмань». Шевченко исполнилъ просьбу лѣшаго, тотъ схватилъ хлѣбъ, сѣлъ сго, затѣмъ захохоталъ, свиснулъ, уфнулъ и исчезъ изъ виду».

По разсказамъ старожиловъ-хохловъ, лѣтъ 150 тому назадъ въ с. Сокурѣ было громадное и глубокое озеро, вокругъ котораго росъ лѣсъ сокорникъ (осокорь); въ этомъ озерѣ подилсь *русалки*. Въ глубокую полночь, при лунномъ сіяніи, всплывали на поверхность озера красавица нагія дѣвы съ распущенными длинными волосами и съ хохотомъ плескались водою; но преимущественно показывались они па *Русальское воскресенье*, которое бываетъ въ четвергъ послѣ Троицына и Духова дней, и очень чтится всѣми малороссіянками, называющими сго не иначе какъ *Великы-день*, въ который они не берутся ни за какую работу. Въ этотъ *русальскій день* дѣвки не ходили купаться, потому что русалка на смерть защекочетъ въ водѣ, причемъ несчастная жертва умираетъ съ хохотомъ. Старуха Прасковья Максимова Кухарева разсказываетъ, приводитъ свидѣтелями многихъ старожиловъ, случай, бывший въ Сокурѣ съ малороссіянкой Аксеньей Черпиченко, которая на русальское воскресенье рано утромъ полоскала бѣлье и была втащена русалками въ воду, гдѣ они и защекотали ее до смерти. Малороссы вѣрятъ, что противъ русалокъ есть средство, для чего

дѣвки рвали въ четвергъ *полюнь* и вилстали се въ косы: русалка не станеть щекотать ту, у которой волюнь *).

Простой народъ убѣжденъ, что въ каждомъ домѣ живеть невидимая сила — *домовой*; онъ больше хозяйина и потому въ народѣ его часто называютъ *хозяйномъ* (Колѣнская волость). Домовой прищедливъ: не влюбляя онъ скотины—сбивай ее поскорѣе. Случилось вотъ что (с. Колѣно): купить мужикъ, напримѣръ, сѣрую лошадь, пройдетъ нѣсколько дней, лошадь начинаеть худѣть, ѣсть мало, вмѣсто корма лежитъ въ колодѣ навозъ; значитъ, домоной не любить лошадь (масть не въ рубу), хозяйинъ долженъ ее продать и купить такую, которая бы нравилась домовому. Если онъ полюбитъ лошадь, то у нея на другой же день *заплетена грива* **) и по вечерамъ, безъ помощи хозяйина, домоной поспеть съ гумна вязанки сѣна. Домовой предвѣщаетъ добро и худо посредствомъ разныхъ звуковъ, слышныхъ изъ фундамента или изъ запечки, гдѣ онъ обыкновенно живеть; часто *душитъ* онъ ночью ***); покажется утромъ синее пятно на тѣлѣ, никто не разувѣритъ мужика или бабу, что ихъ *не щипаль домовой* (Аткарскій уѣздъ). Стоять имѣть только смѣлость, какъ вѣрять народъ, оцупать домоного, когда онъ *душитъ* ночью, и спросить: «къ худу или добру», то можно узнать, что онъ предвѣщаетъ: съели домовой—мохнатый, теплый и скажетъ: «къ добру» то хозяйинъ смѣло можетъ ожидать благополучія, въ противномъ случаѣ несчастія. По понятіямъ крестьянъ с. Полчашиновки (Саратовскаго уѣзда) домоной занимаетъ видное мѣсто въ народной демонологіи: это—печетый

*) Въ бродячихъ мертвецовъ и проклятыхъ вѣрятъ Греки, называя ихъ *вриколаки*, Албанцы—*вурвулаки*, Сербы—*оужодлаки*: это отлученные отъ церкви, колдуны и проклятые родителими. Греки вѣрятъ, что особенно вредныя изъ нихъ сосутъ человѣческую кровь и питаются печенью. Вѣрованіе въ русалокъ мы встрѣчамъ у болгаръ и у сербовъ (виды, самовилы). Въ Литвѣ сильно распространена вѣра въ русалокъ. У новгородцевъ *русальская недѣля* идетъ тотчасъ за Троицынымъ днемъ. У бѣлоруссовъ праздникъ русалокъ начинается на другой день послѣ Троицы; тамъ вѣрятъ, что русалки живутъ въ рѣкахъ и озерахъ и появляются также въ рощахъ, гдѣ начаются на вѣткахъ деревьель.

**) У лошадей часто сбивается грива; народъ и многіе кучера дотога вѣрятъ, что это ночная работа домового, что ни за что не распутаютъ ее, чтобы не обидѣть домового и не навливать бѣды на лошадь.

***) Кошмаръ — народъ принимаетъ за проказы домового и тотъ, съ кѣмъ подобный случился, говоритъ, что его ночью *душилъ домовой*.

духъ и крестьянинъ убѣжденъ, что вѣтъ жилого дома, гдѣ бы не существовалъ домовой; живетъ онъ больше въ избѣ подъ печкой, на чердакѣ и въ конюшнѣ подъ колодой; отъ него все добро и зло хозяйину и домашнему скоту. Когда крестьянинъ переходитъ изъ старой избы въ новую, то непременно долженъ звать съ собою домового, говоря: «домъ домовой, пойдемъ жить со мной». Нѣкоторые изъ полчанинцевъ (разказы 1880 года) увѣрили, что видѣли домового: «Было это въ старой избѣ; довелось выйти въ сѣни, вдругъ на перекладинѣ вижу—лежитъ фигура, похожая на человѣка, черная какъ уголь, длинная сажени въ три, почти въ длину всего переклада; только увидела мени, какъ тотъ часъ скрылась неизвестно куда». Есть повѣрье у мѣщанъ г. Саратова, что можно видѣть домового; для этого нужно между заутренней и обѣдней на Пасху влѣзть на подловку (чердакъ): онъ сидитъ около трубы—старый, сѣдой, стриженный, съ свиной щетивой на головѣ; но кто его увидитъ, долго не проживетъ. — Въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ на заговѣнье (наканунѣ поста) домохозяинъ или жена его относятъ на чердакъ кусокъ мяса или чашку молока *заговорить хозяйину* (домовому); на утро, какъ увѣряетъ народъ, тамъ ничего не останется *).

«Летаетъ *огненный змѣй* по свѣту, рассыпается онъ въ полночь на крышѣ дома, гдѣ покойникъ, и является плачущимъ — мужу умершей и женѣ умершаго; обращается въ оплакиваемаго, поздоровадается и начнетъ говорить, только шепотомъ, и не велитъ никому сказывать; приноситъ съ собой лакомства и деньги; по утру лакомства обращаются въ камни, а деньги въ черепки». Приведу разказъ, которому вѣрятъ простонародье с. Колѣва

*) Тоже вѣра въ домового встрѣчается у черногорцевъ: ежели трудно дышать во снѣ, то они говорятъ, что давитъ *мора* (визимора) — нашъ домовый. Шведы и норвежцы тоже вѣрятъ въ существованіе домового, по ихъ воображенію маленькаго, трудолюбиваго старичка; въ ночь подъ Рождество въ каждомъ домѣ оставляютъ ему: рождественскую кашу, табаку и одежду. — Чудь вѣрятъ въ домового — *кудинъ ижандъ*, котораго при переходѣ въ новую избу просятъ съ поклонами, обращенными къ печкѣ (за которой онъ живетъ), перейти жить съ ними въ новое мѣстѣ. По понятіямъ Чуди, онъ ночью садится на грудь и давитъ спящаго. — Корела называетъ домового *куттиненъ-кеино*; они вѣрятъ тоже, что онъ думитъ ночью спящаго человѣка и что плохо лошади, которую онъ не взлюбитъ.

(1865 г.): «Мертвецы ходятъ къ тѣмъ, кто о нихъ тоскуеть; у одной женщины отдала въ солдаты мужа, котораго она очень любила; стала она плакать и тосковать; только какъ-то ночью является овъ къ ней; та обрадовалась, угощаетъ его водкой и закуской, спрашиваетъ, какъ и откуда овъ пришелъ; тотъ отвѣчаетъ, что бѣжалъ изъ службы и не велѣлъ никому сказывать, что приходилъ къ ней. Къ утру мужъ ушелъ и солдатка къ удивленію увидала, что все, чѣмъ она его угощала, осталось цѣло, между тѣмъ сама видѣла, какъ овъ ѣлъ и пилъ. Посѣщенія эти продолжались недѣлю; наконецъ она стала сомнѣваться въ мужѣ и высказалась одной набожной старушкѣ; та дала ей святыхъ мощей и велѣла окропить домъ святой водой. Приходитъ ночь, начинаютъ стучаться въ двери и окна, говоря: «пусти, это я пришелъ». Солдатка отвѣчаетъ: «войди». За дверью все стучатся, но никто не входитъ, слышится раздраженный голосъ: «Зачѣмъ ты сказала старой чертовѣ, что я хожу къ тебѣ; погоди, я съ вами сдѣлаюсь!» Тутъ стали представляться ей всевозможные ужасы: то домъ трещить, какъ будто разрушается, то *огненный клубъ* повиснетъ подъ окномъ; и это продолжалось до пѣтуховъ, сряду три ночи, наконецъ прекратилось.—Послѣ узнали, что мужъ этой женщины умеръ вскорѣ по поступленіи въ службу и во время ночныхъ посѣщеній былъ уже мертвецомъ».

Много разсказовъ есть въ Саратовской губерніи объ *оборотняхъ* и *вѣдьмахъ*: это — мужчина или женщина, которые знаютъ чернокнижіе и съ помощью злыхъ духовъ могутъ обращаться въ разныхъ животныхъ. Эти люди, какъ вѣрять народъ (Колѣнская волость), въ полночь кувыркаются три раза черезъ огонь на печномъ *шесткѣ*, съ 12 ножами и вилами между пальцами, послѣ чего вылетаютъ въ трубу сорокой и по своему желанію дѣлаются птицей или другимъ животнымъ, ходятъ въ этомъ видѣ по селу, кусаютъ народъ или вовсе заѣдаютъ людей. «Случилось разъ, ято *вѣдьма* обратилась въ свинью и нанала на парня, который былъ очень силенъ; онъ отрѣзалъ ей ухо и ногу, принесъ домой и положилъ на окно, не сказавъ объ этомъ никому; по утру домашніе увидали на окнѣ члоницеское ухо и кисть руки; начались распробы. Младшій сынъ разсказалъ, какъ было дѣло: «Иду я вечеромъ поздно съ вечеринки, одинъ безъ товарищей, не дождавшись конца; на встрѣчу

бѣжить свинья, прямо на меня, да подѣ ноги; я испугался, сотворилъ молитву и читаю Богородицу, а свинья мнѣ все подѣ ноги катится; я перекрестился, спялъ съ пояса ножикъ, ухватилъ свинью за ухо и отрѣзалъ его; она все на меня бросается, хочеть ѣсть; попалась мнѣ палка, я пу ее колотить по погамъ, да съ досады отрѣзалъ ей ногу; побѣжала отъ меня свинья, ковыляя, съ визгомъ па гумно къ Матренѣ, вдовой старухѣ, чтѣ живеть на задахъ; припесъ я ухо и ногу домой, да положилъ па окно,—билъ я свинью, а не человекъка». Старикъ догадался: «зпаю, говоритъ, это оборотень, чтѣ ходитъ по деревнѣ и заѣлъ-было въ прошломъ году нашу сваху», и объявилъ сейчасъ же міру. Сдѣлали обыскъ и нашли старуху Матрену на печи всю обвязанную и большую; ее освидѣтельствовали: у ней не оказалось уха и па правой рукѣ кисть отрѣзана». Это происшествіе рассказывалъ въ с. Колѣнѣ старикъ 75 лѣтъ, вполне вѣрившій въ достоверность этой басни.

Въ с. Полчавиновкѣ, Саратовскаго уѣзда, одинъ изъ мѣстныхъ старожилловъ рассказывалъ (въ 1880 году) слѣдующій случай: «Довелось мнѣ въ молодости быть съ товарищемъ на берегу пруда по Сокурѣ, котораго теперь и слѣдовъ нѣтъ; было уже поздно и мы хотѣли сходить домой, такъ какъ лошади, которыхъ мы стерегли, спокойно паслись на лугу; пройдя немного, слышимъ мы вдругъ, не вдальскѣ отъ насъ, какое-то жалобное завываніе, точно крикъ какого-то большого животнаго; мы прислушивались съ полчаса, намъ стало страшно, въ особенности товарищу, который былъ моложе меня; я рѣшился узнать, что это такое, и пошелъ туда, гдѣ слышался этотъ крикъ, который раздавался все громче, по мѣрѣ того, какъ я подходилъ; сдѣлалъ я еще нѣсколько шаговъ, и передомной словно изъ земли выросла человѣчья фигура, высокая, съ длинными черными, вклокоченными волосами, съ громадной головой и рогами. Я былъ увѣренъ, что передо мною чертъ и, страшно испугавшись, сталъ творить молитву, сначала про себя, а потомъ вслухъ; онъ не пропадаетъ, но только, что я успѣлъ досказать послѣднія слова, какъ привидѣнію мгновенно бросилось въ воду и печезло. Не помню, долго ли я со страху стоялъ тутъ оцѣнсѣвши, и затѣмъ едва доплелся до товарища, которому ничего не могъ тутъ рассказать; только на другой день очнулся и передалъ видѣнное мною однопосельчанамъ». Подобный же раз-

сказъ сообщенъ другимъ старикомъ: онъ видѣлъ такое же явленіе, на томъ же мѣстѣ, но только не темную, а свѣтлую фигуру, тоже исчезнувшую въ водѣ.

Полчаниновцы говорятъ, что *вѣдьма* бываетъ всегда *оборотнемъ* и можетъ являться въ разныхъ видахъ. Такъ рассказываютъ, что видѣли долгое время бѣгавшую по селу, по вечерамъ, свинью, которую нѣсколько разъ собирались убить, но та, завидя народъ, убѣгала куда-либо въ глухой уголъ и исчезала мгновенно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будто бы видѣли ночью бочку, которая прокатилась черезъ все село и тоже скрылась: «все это вѣдьмы-оборотни». Вѣдьмы портятъ также, какъ и колдуны, людей и домашній скотъ; разпица ея съ колдуномъ и знахаремъ та, что послѣдніе бываютъ по наукѣ, а первая по наслѣдству, такъ, что пѣдьма родится отъ вѣдьмы; отличительный паружный признакъ ея — хвостъ.

Въ с. Озеркахъ, Саратовскаго уѣзда, до сихъ поръ есть повѣрье о томъ, какъ узнавать вѣдьмъ: стоитъ лишь надѣть все совершенно новое — бѣлье, платье и обувь, и идти въ праздникъ къ обѣднѣ; ту изъ бабъ, которая—вѣдьма, онъ увидитъ стоящею задомъ къ алтарю и лицомъ къ выходной двери. Тотъ, на комъ есть что-либо хотя разъ надѣванное изъ одежды, не увидитъ этого, и всѣ бабы, будь между ними и вѣдьма, будутъ стоять лицомъ къ алтарю и иконамъ. Кто увидитъ вѣдьму, описаннымъ способомъ, прожизнетъ не долго; злые духи и сама пѣдьма отомстятъ смертію за открытіе тайны; поэтому народъ боится ходить во всемъ новомъ въ церковь, чтобы нечаяннымъ образомъ не увидать пѣдьму, повернутой задомъ къ алтарю; въ свою очередь вѣдьмы, зная эту боязнь смерти и что поэтому никто не явится во всемъ новомъ, смѣло посѣщаютъ храмы божіи, не боясь быть открытыми.

Въ с. Широкомъ-Бусракѣ (Саратовскаго уѣзда) существуетъ повѣрье, что вѣдьмы по ночамъ доятъ коровъ и *отымаютъ* тѣмъ у нихъ молоко: ежели вѣдьма выдонтъ корову, то у нея пересыхаетъ пимя и она не станетъ болѣе давать молока. Указываютъ на старуху, которая жила до сихъ поръ; разъ ее поймали ночью и отрѣзали косу; она же утверждаетъ, что это мужъ ея выдралъ волосы. Объ этой вѣдьмѣ существуетъ въ с. Широкомъ слѣдующій рассказъ (1886 г.): «Разъ лѣтомъ почевалъ на одномъ крестьян-

скомъ дворѣ проѣзжіи дегтярь. Спалъ онъ на своей телегѣ, проснулся до зари и слышитъ, что кто-то доитъ корову; думал, что это хозяйка, онъ опять легъ и проспалъ до разсвѣта; видитъ — баба идетъ съ дойницею опять къ коровѣ и дегтярь догадался, что ночью доила корову вѣдьма; дѣйствительно хозяйка могла подоить всего съ кружку молока. Онъ сказалъ ей о случившемся и объяснилъ, какъ узнать ту вѣдьму, что отымасть молоко у коровы, для чего посоветовалъ ей падоенный послѣ вѣдьмы сѣтатокъ молока вылить на сковороду и поставить на жаръ (горячій уголь): тогда вѣдьма сама сейчасъ же придетъ къ ней. Баба такъ и сдѣлала, и дѣйствительно къ ней тотчасъ же явилась та старуха съ обрѣзанной косою, которая и теперь слыветъ вѣдьмой въ Широкомъ.

Малороссы убѣждены въ существованіи вѣдьмъ и превращеніи ихъ въ разныхъ животныхъ: собакъ, свиней и проч. Старуха Кухарева (село Сокуръ, 1886 г.) передаетъ, что, бывъ еще молодой, пошла почевать по приглашенію къ однопсельчанкѣ; въ полночь услышала она шорохъ, стала приглядываться и видитъ, что хозяйка съ черпакомъ, наполненнымъ какой-то жидкостью, входитъ изъ сѣней въ хату; затѣмъ патерлась этой жидкостью, сѣла на кочегру, открыла трубу и вылетѣла въ пещ. Кухарева до того перепугалась, что, закрывшись съ головою, не видала, когда та вернулась, и побоялась разспрашивать ее о ночномъ путешествіи. Рассказываютъ еще въ Сокурѣ, что тамошній крестьянинъ Кондратій Филипенко шелъ близъ полночи домой изъ шинка; вдругъ изъ-за угла хаты выбѣжала свинья и начала бѣгать вокругъ него; Филипенко, хотя и струсилъ, но бросился на свинью, поймалъ ее и хотѣлъ, бывшимъ при немъ ножичкомъ, отрѣзать ей ухо, какъ свинья заговорила человѣческимъ голосомъ: «куманекъ, будь такъ ласковъ, пусти меня, я тебѣ завтра выкупъ дамъ, четверть водки; и—Пастасья, жена Михайлы Здражевскаго, и никогда не буду шутить съ тобою». Филипенко сжался и пустилъ ее.

По убѣженію хохловъ, вѣдьмы выдаиваютъ коровы; чтобы узпаты, кто изъ бабъ въ селѣ вѣдьма, нужно, по словамъ старухъ, взять отъ великаго четверга кусочекъ сыру и бсречь его до Свѣтлаго Христова Воскресенія; въ Пасхальную же утреню положить за щеку и смотрѣть на молящихся: какъ только священникъ ска-

жеть: «Христось воскрес», то все вѣдьмы оборотятся задомъ къ иконамъ и на головахъ ихъ будутъ стоять дощички (посуда въ которую доятъ коровъ) *).

Мордва Саратовскаго уѣзда (село Оркино, Кучугуры тожъ) вѣрятъ до сихъ поръ въ домовыхъ (*портъ-áва*), лѣсныхъ (*вирь-áва*), водяныхъ (*вядь-áва*) и проч. Мордва крайне суевѣрна и до сихъ поръ не отрѣшилась еще отъ прескихъ, языческихъ суевѣрій; вездѣ въ природѣ видитъ она таинственную силу духовъ, трепещетъ отъ шума вѣтра въ глухомъ лѣсу или треска дерева; вѣрять, что колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя видъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; вѣрять, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ оборотни и пугаютъ народъ; рассказываютъ, что по ночамъ по с. Оркину ходитъ *бука* (родъ оборотня), съ виду похожій на коню сѣна, бродитъ онъ преимущественно по площади, вокругъ церкви, голаясь за прохожими; онъ издастъ звуки, похожіе на рычаніе сердитоѣ собаки и, лишь только появится народъ на крикъ понавшагося *бука* чловѣка, онъ оставитъ его и провадетъ среди толпы: «въ землю проваливается, въ тартаръ», — говоритъ Мордва. Однажды, сказываютъ, *бука* появился въ с. Оркинѣ среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ; сбѣжавшійся народъ началъ бить *буку* дубинами, но тотъ вдругъ пропалъ.

Мордва боится и бонется мертвыхъ; между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ недалеко отъ кладбища: «ну, какъ мертвецъ-то встанетъ». Въ былые годы скорострѣжно умершихъ, онойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронила Мордва внѣ кладбища: ихъ зарывали далеко отъ села, въ лѣсу, и Мордвинъ бонется ходить туда, потому что похороненный тамъ *убивецъ* бродитъ по лѣсу и пугаетъ своимъ страш-

*) Бѣлоруссы вѣрятъ, что *чаровницы* отнимаютъ молоко у коровъ; замѣтивъ, что корова не дастъ молока, хозяйка беретъ *чидзизку* и варитъ ее въ горшкѣ съ св. янскимъ зельемъ (собраннымъ на Куналу), отъ чего чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ ней просить чего-нибудь взаимна; этимъ способомъ хозяйка сейчасъ узнаетъ ее, но не должна ничего давать ей и ежели чаровницѣ не удастся ничего захватить съ собою, хотя бы щенку или песчишку, то начинаетъ сохнуть, хвораетъ и скоро умираетъ. Шведы и норвежцы вѣрятъ, что вѣдьмы 1 мая выдаютъ коровъ.

нимъ еркомъ, въ особенности подь вечерь; на дѣлѣ это кричатъ филпшъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но Мордва и слушать не хочетъ такого толкованія. Вѣрятъ они, что *убивецъ* потому ходитъ, что «вѣкъ жизни его не кончился», и будетъ ходить онъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертью: тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ.

Подобно Мордвѣ и русское народное воображеніе создастъ, кромѣ колдуновъ, домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшчкхъ и оборотней, много другихъ пещтыхъ или злыхъ духовъ, живущихъ на мельницахъ подь водяными колесами и проч.; простолюдинъ (Колѣвская волость) убѣжденъ, что если человекъ удавится или утоится, то на немъ ѣздятъ по ночамъ *они* (т. е. нечистые духи).

Народъ вѣритъ у насъ въ таинственную силу природы и волшебное дѣйствіе многихъ растений и предметовъ. Таково повѣрье о *разрывъ-травѣ*, связанное съ легендами о *кладахъ*. Кѣлающіе добыть кладъ (повѣрье Колѣвской волости) берутъ подь вечерь *Ивана Купала* (24 іюня) свѣчи отъ покойниковъ, тѣ самыя, которыя раздаются мірянамъ во время навихиды надь усонинимъ и утасинимъ при этомъ случаѣ, идутъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагаютъ пайти кладъ. Взавши ладаницу, окуриваютъ кругомъ то мѣсто до трехъ разъ, вынимаютъ изъ ладаницы уголь, кладутъ его на землю и вздуваютъ оговъ, чтобы зажечь восковую свѣчу; какъ покажется огонекъ, то надь нимъ держатъ темного ломы, щупы, лопаты и начинаютъ рыть кладъ. Но чтобы добыть кладъ безошибочно и безъ труда отыскать мѣсто, гдѣ онъ зарытъ, надо имѣть разрывъ-траву, которая цвѣтетъ въ полпочь на Ивана Купалу; кто не видитъ какъ она цвѣтетъ и чтобы добыть ее надо большихъ трудовъ и смѣлости; по словамъ рассказчиковъ, жизнь при этомъ находится въ опасности. Къ вечеру подь Ивана Купалу, надо поймать цѣтуха и держать его подь платьемъ, въ которомъ намѣренъ идти за травой, до тѣхъ поръ пока на селѣ во пѣхъ пзбахъ покажутся огни, потомъ пести его подь полою въ лѣсъ и, дождавшись того времени, когда цѣтухъ проиость три раза, начать рвать *всплывушій цвѣтъ*, не обращая вниманія на то, что будетъ представляется глазамъ; тутъ пещтая сила прибѣгаетъ ко всѣмъ хитростямъ, чтобы помѣшать человеку достать

желаемую траву; тотъ, кто устоитъ противъ всего и сорветъ цвѣтъ, долженъ безъ оглядки бѣжать домой, не отбѣчая ни на какіе вопросы, тогда *травка* останется у него; но ежели скажетъ хотя одно слово, то все пропадетъ и онъ возвращается съ пустыми руками». Большинство считаютъ разрывъ-траву тайнымъ свѣтящимся цвѣтомъ *папоротника* *).

Кромѣ *разрывъ-травы* слывутъ въ народныхъ повѣрьяхъ еще два растенія: *спрыгъ* и *Петровъ крестъ*. Спрыгъ-траву никто не видалъ, а знаютъ, что она нужна для воровъ и разбойниковъ; разсказываютъ, что Степыка Разивъ и Пугачъ имѣли ее подъ каждымъ погтемъ; многіе разбойники прежнихъ временъ вкладывали подъ поготъ листокъ спрыгъ-травы и не трогали его до тѣхъ поръ,

*) Многіе ученые объясняютъ значеніе названія *папороти* отъ пера или крыла птицы и находятъ связь въ мнѣшескомъ цвѣтѣ его съ Перуномъ. Потобля, говоря о *Курляндскихъ описяхъ* (Древности, изд. Импер. Моск. Архив. Общ., 1868, т. I), указываетъ, что человекъ не могъ помирится съ мыслью, что *папоротъ* не цвѣтетъ и приписалъ ему таинственный, роскошный, огненный цвѣтокъ, который трудно увидѣть, или какъ говорятъ малороссы: «спалоротъ цвѣте безъ усякого цвѣту». Папоротъ, по стариннымъ повѣрьямъ, цвѣтетъ въ полночь подъ Ивановъ день: изъ него подымается свѣтлая цвѣточная почка, она движется и прыгаетъ; въ полночь почка съ трескомъ разрывается и разсучкается огненный цвѣтокъ, блескъ котораго ослѣпляетъ все кругомъ; цвѣтеніе сопровождается землетрясеніемъ, громовыми ударами и ослѣпительной молніей; печная сила, въ разныхъ видахъ и разными страшными голосами, старается испугать смѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти, и если онъ испугается, то онъ для него потерянъ. Въ одной сказкѣ чортъ говоритъ: «Я напустилъ 70 чертенытъ на царскую дочь, они сосутъ у нея грудь; вылезитъ же се тотъ, кто сорветъ *жоръ-цвѣтъ* (цвѣтъ папороти), это такой цвѣтъ, что когда цвѣтетъ, то море колыхается и ночь бывастъ яснѣ дня». Цвѣтъ папоротника показывается своему обладателю, какъ «цвѣтутъ въ землѣ клады»; ему приписываютъ свойства *разрывъ-травы* (*Spring-wurzel*, *Johannis-wurzel*, у немцевъ); послѣдняя считается корнемъ папоротника (*filix mas*) и разрываетъ заборы; коса, напаяши на нее, ломается; если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нее, то путы распадаются.

Жители озерной области: Новгородской, Псковской и Олонецкой губерній, говорятъ, что подкараулить минуту, когда цвѣтетъ папоротникъ, такъ трудно, что это случится лишь тогда, когда «ракъ свиснетъ или клопъ избу подкочаетъ». Подъ Ивапа Куналу, говорятъ блоруссы, цвѣтетъ въ полночь папоротникъ (на него нисходитъ огонь Перуна) и всмхиваетъ яркимъ цвѣтомъ; адскія силы мѣшаютъ сорвать этотъ цвѣтъ. Клады въ эту ночь являются на поверхности земли въ видѣ свѣглицихся огоньковъ, волка и проч.; на сторожѣ каждого клада стоитъ чортъ. («Живонинская Россія». т. III, 1862, ст. Курвора).

пока онъ самъ «не испарится». Воръ, обладатель сирыгъ-травы (Spring-wurzel, у вѣмцевъ), подноситъ палецъ къ замку п онъ тотчасъ же *спрыгиваетъ* (отпирается). Говорятъ, что *цвѣтъ ореховаго дерева* имѣеть ту же силу, какъ и сирыгъ-трава. Корень травы *Испровъ крестъ* отыскиваютъ между заутреней п обѣдней па Ивана Кувалу; онъ имѣеть видъ наперслага креста п приносить большое счастье. Народное повѣрье приписываетъ всеѣмъ лѣкарственнымъ травамъ, собираемымъ между заутреней п обѣдней на Ивана Кувалу, особенно цѣлебное дѣйствіе *).

Много повѣрій п преданій слышимъ о *кладахъ* въ Саратовской губерніи. Масса кургановъ, разбросанныхъ по стенамъ этаго края, бродившіе здѣсь разбойники п находки денегъ, зарытыхъ въ лѣсахъ, даютъ богатую пищу народному воображенію. По убѣжденію народа, всякій кладъ зарывался въ старину съ *заклятіемъ* п надо знать *слово*, способное его разрушить, тогда онъ *объявится*; иначе исчезнетъ—*уйдетъ въ землю* или *метнется въ сторону*. Въ Несчанкѣ (Озерской волости Саратовскаго уѣзда), при раскопкѣ члѣпами Саратовскаго Губ. Стат. Комитета кургана въ 1880 году, крестьяне увѣрили, что здѣсь лежитъ зарытый кладъ, такъ какъ проѣзжіе видѣли по ночамъ появлявшася здѣсь челоѣка, а иногда свѣтился здѣсь огонекъ. Изстари ведутся легенды о *кладахъ*, давво уже щеть п рость ихъ русскій народъ. Первые годы освобожденія крестьянъ такъ заняли умы, что о нихъ помину не было, но съ 1864 года охотники до подобной важны, не только крестьяне, но в лица духовнаго званія принялись опять за розыски зарытыхъ сокровищъ. Такъ въ 1864 г. церковный причетъ п нѣсколько дворовыхъ людей принялись разрывать около с. Колѣна, въ «Рѣдкодубѣ», пещеру, извѣстную уже лѣтъ 10 тому назадъ, п Дубовомъ оврагѣ, около дер. Кондраевки (Колѣнской волости), урочище при рѣчкѣ Студепкѣ: не найдя ничего, они приписывали неудачу колдовству, отъ котораго кладъ *не дается до времени*, еще не наступившему (кладъ положенъ съ *зарокомъ*). Во второй половинѣ 1860-хъ годовъ, кладопискатели д. Алексѣевки (Колѣнской во-

*) Въ Повгородской губерніи знахарки собираютъ въ ночь подъ Ивана Кувалу разныя цѣлебныя травы, почему Кувала слыветъ въ народѣ подъ названіемъ *лютыя коренья* или *добрія травы*.

лости) разыскивали у колдуновъ *планъ* клада, зарытаго въ Алексѣевомъ оврагѣ, но успали отъ нихъ только, что въ немъ сказано, будто здѣсь зарыты два клада — одинъ въ мѣдной кубѣ, другой глубже, въ пересѣкѣ (распиленной пополамъ бочкѣ): несчастные Гаврила и Алексѣй рыли безъ отдыха по цѣлымъ почамъ, безъ малѣйшаго успѣха, и не только даромъ утомили свои силы, но едва не сошли съ ума, не говоря уже объ упадкѣ ихъ хозяйства. Въ с. Оркипѣ, 80-лѣтній старикъ мордвинъ рассказывалъ, что видѣлъ около Караульной горы торчащій въ земли край колокола; онъ сталъ его отрывать, но въ то же время позвали его, работавшія вблизи женщины; когда же онъ вернулся, то не нашелъ никакого слѣда: *кладъ ушелъ въ землю*. Подобный рассказъ слышалъ я въ Лоху въ 1880 году: «Пастухъ, пасшій овецъ въ окрестностяхъ с. Лоха (Саратовскаго уѣзда), замѣтилъ торчащее изъ земли ушко котла; онъ сталъ копать и обозначилось уже другое ушко; вдругъ выскочилъ изъ кустовъ заяцъ, прямо къ овцамъ, тѣ шарахнулись и разбѣжались; собравъ ихъ, пастухъ вернулся, но котла и слѣда не было — *онъ ушелъ въ землю*. Недалеко отъ с. Оркипа стоятъ двѣ конусообразныя возвышенности, называемыя *Караульными* горами; по преданію здѣсь жили разбойники на сосѣдней горѣ Кяишь-Гардазъ (каменный дворъ). Мордва рассказываетъ, что между обѣими горами *Караульныхъ пандъ* (горъ), въ долигѣ разбойники имѣли землянки и у нихъ былъ колоколь, изъ который звонили при тревогѣ для сбора шайки; послѣдствіемъ, они зарыли все награбленное и самый колоколь въ землю. Существуетъ у Мордвы легенда, что разъ въ годъ, на Пасху между заутрепей и обѣдней, колоколь и землянки являются въ прежнемъ видѣ: изъ одной изъ послѣднихъ горитъ огонь, а на полу и по угламъ лежатъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно пойти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоценности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за волшебнымъ смѣльчакомъ затворяется и къ нему яляется хранитель этихъ сокровищъ, требуя отъ него собственную душу, или душу младенца, или того, чѣмъ для него всего дороже. Мордва рассказываетъ, что входившіе туда пропадали или пѣгѣли и потомъ отъ испугу скоро умирали; а ежели кто бралъ деньги и возвращался благополучно, то деньги эти впродъ не шли: червонцы были *неразмѣн-*

ные и возвращались назадъ, а за истраченные цѣлыя золотыя взявшій ихъ платился ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ и самъ онъ дѣлается жертвою сухотки и умираетъ.

Богата легендами *Кудеярова Гора* въ с. Лохѣ, Саратовскаго уѣзда, гдѣ по народному повѣрью хранятся въ пещерѣ за желѣзными дверями громадная сокровища разбойника *Кудеяра*, по золотой ключъ отъ нея лежатъ въ Симовомъ родникѣ и достать ключъ можетъ лишь тотъ, кто вычерпаетъ этотъ родникъ; къ тому же и самъ Кудеяръ стережетъ свои сокровища. Отъ горы *Круилой*, на восточномъ склопѣ которой расположено село Полчанниновка, къ сѣверу, по Саратовскому уѣзду, черезъ Ягодно-Полянскую волость, село Оркино (Кучугуры тожъ), село Сокуръ, деревни: Косолаповка (Яруга тожъ), Красную-рѣчку и Гремячку, на села Лохъ и Новыл-Бурасы тянется сильно волнистая мѣстность съ глубокими долами и ярами, поднимающимися возвышенностями, особенно характерными около с. Оркина, гдѣ высятся два конуса *Караульныхъ пандъ* (панда по-мордовски гора), *Высокая*, *Кявень Гардасъ* (Каменный дворъ) и другія, и село Лохъ, о которомъ я скажу ниже, эти волнистыя возвышенности служатъ водораздѣломъ двухъ бассейновъ Волжскаго и Донскаго. Въ старину вся эта мѣстность была покрыта сплошными лѣсами, тянувшимися далеко къ сѣверу и отмѣченными на картѣ Олеарія 1636 года. Лохъ—большое село Саратовскаго уѣзда, въ 75 верстахъ отъ города Саратова, недалеко отъ границъ Петровскаго уѣзда; его обступили лѣсныя возвышенности, поднимающіяся сажень на 60 надъ уровнемъ доловъ; изъ нихъ: Кудеярова, Марунова и Караульная горы замѣчательны сохранившимися о нихъ народными легендами и кромѣ того Кудеярова гора имѣетъ пещеру; она расположена, въ одной верстѣ на сѣверовостокъ отъ с. Лоха и находится въ ряду другихъ горъ, обступившихъ село съ трехъ сторонъ, подымаясь сажень на 60 изъ долины, и спускается круто въ узкій доль *Маіоровъ*, по другую сторону котораго поднялась тоже высокая и крутая возвышенность *Марунова*. Рядомъ съ Кудеяровой, немного ближе къ селу, находится очень высокая—Караульная гора; въ песчаной ея вершинѣ, между мелкимъ и рѣдкимъ чернолѣсьемъ растутъ нѣсколько старыхъ сосенъ. У подошвы Кудеяровой горы, между нею и Маруновой, бьетъ родникъ, называемый *Симовымъ*; вода его течетъ на

юго-востокъ, образуя ручей *Соколку*, на которомъ расположено с. Лохъ и на протяженіи 3 — 4 верстѣ его теченія стоятъ 7 мельницъ лоховскаго общества; за селомъ Соколка соединяется съ другимъ ручьемъ *Лошокъ*, образующимъ по теченію нѣсколько маленькихъ озерковъ; соединенныя воды Соколки и Лошка впадаютъ въ рѣку Чардымъ, текущую въ Волгу. Въ Лошкѣ ловится рыба—форель, которая называется здѣсь, какъ и рѣчка—*лошокъ*, и попадаетъ иногда довольно крупныхъ размѣровъ.

Въ Кудеяровой горѣ находится пещера съ двумя отверстіями, ведущими внутрь горы: одно изъ нихъ называется *Трубой* и расположено на самой вершинѣ горы, но такъ завалено щебнемъ, что отверстіе не видно и осталась только яма, глубиною въ сажень; прежде, какъ говорятъ лоховчане, отверстіе было евободно и опуекалось на глубину около 30 сажень внутрь горы отвѣсно; тогда было видно, что стѣнки Трубы, дикаго камня, явно несутъ на себѣ слѣды копоти отъ дыма, почему можно думать, что это отверстіе дѣйствительно когда-то служило выходомъ для дыма изъ внутреннихъ помѣщеній пещеры; это отверстіе, по словамъ старожиловъ (въ 1880 году), лѣтъ 20 тому назадъ завалили солдаты стоявшаго въ с. Лохѣ Бутырскаго полка. Другое отверстіе находится ниже, на склонѣ горы, обращенномъ на югъ, приблизительно сажень 40 отъ дна долины; послѣднее имѣетъ теперь около $\frac{3}{4}$ аршина вышины и около 18 вершковъ ширины и помѣщается въ ямѣ; чело-вѣкъ можетъ теперь только пролѣзть въ него ползкомъ не болѣе 5 сажень; входъ этотъ ведетъ далеко внутрь горы извиленнымъ корридоромъ; раньше, какъ говорятъ лоховчане, можно было проникнуть по немъ сажень до 60-ти, а дальше проходитъ заслоненъ упавшими камнями, но что затѣмъ онъ обрывается пропастью, изъ которой поднимаются газы, гаеиція свѣчу, и на днѣ которой бурлитъ какъ будто вода и несетъ холодомъ. Входъ въ пещеру годъ отъ году обваливается, завоептея щебнемъ и пескомъ отъ весеннихъ потоковъ; въ 1870-хъ годахъ емѣльчаки живописцы, работавшіе въ лоховской церкви, могли проникнуть только на 24 сажени внутрь горы; они нарисовали планъ своихъ изслѣдованій, но куда они его дѣвали, неизвѣстно.—Про Кудеярову гору и пещеру сохранилось много преданій у лоховскихъ и околныхъ жителей: рассказываютъ, что въ Лоховскихъ дачахъ когда-то жили разбой-

ники, атаманомъ которыхъ былъ Кудеяръ (Костомаровъ относитъ его ко времени царствованія Ивана Грознаго). Недалеко отъ Кудеяровой горы, въ концѣ Маіорова дола, указываютъ урочище посящее названіе *Пушка*: здѣсь, говорятъ, находили ружейные стволы и теперь еще попадаются куски пережженного желѣза; по народному сказанію здѣсь были кузницы Кудеяра, на которыхъ и изготовлялось оружіе для его войска. Самъ же Кудеяръ жилъ въ пещерѣ внутри высѣщенной Кудеяровой горы, въ которой было много тайныхъ ходовъ и устроены роскошныя помѣщенія и кладовыя, наполненныя разными драгоценными вещами; внутри жилище пещеры (дворецъ, какъ выражаются рассказчики) было окружено корридормъ. Уходя въ набѣгъ или на разбой, Кудеяръ скрывалъ и заваливалъ входъ, такъ что никто не могъ отыскать его. Народная легенда говоритъ, что этотъ подземный дворецъ цѣль до сихъ поръ и въ кладовыхъ его множество богатствъ, спрятанныхъ за желѣзными дверями; двери заперты замками величиною въ поросенка; богатства сторожить *приставъ*, нечистый духъ въ образѣ сѣдаго старца. Кто высушитъ Симвовъ родникъ, тотъ найдетъ ключи отъ Кудеяровыхъ пещеръ. Народъ вѣритъ, что у крестьянина Ерша (Ершова, давно умершаго) была старинная записка, въ которой подробно описана пещера и ея богатства; Ершъ былъ одинокъ и, когда умеръ, то записка пропала. При Кудеярѣ входъ въ пещеру и вся мѣстность, гдѣ былъ станъ разбойниковъ, охранялись стражей; при чемъ на Караульной горѣ Кудеяръ ставилъ караулы, наблюдавшіе за окрестностью. О Симвомѣ или Симоновѣ родникѣ существуетъ особое преданіе: Кудеяръ и товарищъ его Симъ вздумали однажды состязаться въ силѣ и ловкости своихъ коней; положено было перескочить съ Маруновой горы на Кудеярову. Кудеяръ на своемъ конѣ перескочилъ, но Симъ оборвался и упалъ въ долину: въ томъ мѣстѣ, гдѣ овъ провалился подъ землю съ конемъ, и ударилъ родникъ, носящій донимѣ его имя. Нѣсколько верстъ отсюда, въ Петровскомъ уѣздѣ, указываютъ въ дачахъ Мих. Вас. Устинова курганъ, гдѣ Кудеяръ похоронилъ свою жену или любовницу, зарывъ съ нею въ могилу все драгоцѣнности, принадлежавшія покойницѣ.

Добавлю рассказы окольничь жителей новѣйшей легендой. Шелъ однажды лоховчанинъ около Кудеяровой горы, сдѣлалось

уже темно, онъ залутался и поналъ въ какую-то землянку; видѣть, въ ней сидитъ сѣдой старикъ; на вопросъ старика, откуда онъ и что ему нужно, онъ отвѣчалъ, что былъ на Кудеяровой горѣ, шелъ въ Лохъ и, когда стемнѣло, сбился съ дороги; на это старецъ отвѣтилъ, что онъ на Кудеяровой горѣ, а Кудеяръ онъ самъ. Въ это время влетѣла громадная птица, сѣла старику на голову и стала клевать ее до мозга; страдалецъ сидитъ и стонетъ: «О, Господи». Долго долбила птица голову сѣдовласаго Кудеяра, наконецъ улетѣла къ разсвѣту; несчастный вздохнулъ и разказалъ пришельцу, что болѣе вѣка, какъ обреченъ онъ сторожить свои сокровища въ горѣ и по карѣ Божіей, за разбой, каждую ночь прилетаетъ эта огромная птица и клюетъ ему голову; конца не видитъ онъ этому мученью. Въ землянкѣ лежитъ краюха хлѣба, которая никогда не убываетъ.

Въ началѣ сентября 1887 года приставъ 5-го стана Саратовскаго уѣзда Ф. А. Гарявъ прислалъ ко мнѣ крестьянина Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда, с. Новой-Самаевки, Никифора Егорова Милина, лѣтъ 55, который на мои разспросы объяснялъ, что у товарища его, оставшагося дома, есть документъ 1605 года, подписанный Кудеяромъ Кудеяровымъ, гдѣ описано, что противъ Кудеяровой горы и той норы или хода, который ведетъ во внутреннюю пещеру, немного выше родника, на противоположномъ берегу рѣчки, въ склонѣ горы находится заваленный входъ съ примѣтами, ведущій въ три погреба, въ которыхъ хранятся большія богатства: одинъ наполненъ золотомъ, другой серебромъ, а третій— конской сбруей; въ этой же старой грамотѣ значится, что нѣсколько верстъ отъ входа есть рытое озеро и около него грядки; указаны и другія примѣты. На этотъ кладъ положенъ былъ Кудеяромъ *зарокъ* на 200 лѣтъ. Кудеяръ былъ «хозяиномъ» и чеканилъ монету изъ своей руды; онъ самъ спряталъ сокровища въ этихъ погребахъ. Рыть входъ должны рабочіе въ печетномъ числѣ. Въ Пензенской губерніи, говорилъ Милинъ, есть пять становищъ Кудеяра; онъ съ товарищемъ, у котораго хранятся эти бумаги, ходилъ по этимъ мѣстамъ, но примѣты не сходятся. Теперь онъ пришелъ одинъ въ с. Лохъ и всѣ примѣты сходятся съ тѣмъ мѣстомъ, которое лежитъ саженьхъ въ 300 отъ села Лоха противъ Кудеяровой пещеры и Симова родника; верстахъ въ двухъ съ

чѣмъ-то есть и рытое озеро съ грядами около него. Со дня за-рока клада срокъ уже прошелъ, такъ какъ съ 1605 года минуло болѣе 200 лѣтъ. Милинъ говоритъ, что въ этихъ бумагахъ ска-зано, что въ Кудеяровой пещерѣ лежатъ тоже богатый кладъ, но его достать можетъ только тотъ, кто изъ *Ужинаго озера* по-черпистъ воды; на мой спросъ, гдѣ это Ужиное озеро, Милинъ отвѣчалъ, что не знаетъ того.

Въ лѣсу, принадлежащемъ крестьянамъ села Рѣпинаго, Балашов-скаго уѣзда, находится нѣсколько кургановъ, подъ названіемъ: *Пупки, Крутицы, Пески* и другіе. По преданію, на Крутицахъ жилъ разбойникъ Кудеяръ; овъ же будто вырылъ Пупки, гдѣ погребена его жена. Крестьяне рыли эти курганы, отыскивая клады, но особеннаго ничего не нашли, кромѣ углей — въ Пуп-кахъ, и горшечныхъ черенковъ — на Пескахъ. (Протоколы Сара-товской ученой архивн. Коммиссіи, 1887 года).

По береговой дорогѣ изъ с. Хмѣлевки въ с. Синенькіе, вправо, верстахъ въ 6 отъ Волги и въ 23 къ югу отъ Саратова, нахо-дится гора *Буданова*, на которой по преданію жилъ атаманъ раз-бойниковъ Буданъ. Гора эта зовется въ народѣ *Буданихой* и ле-житъ верстахъ въ 5—6 къ западу отъ с. Хмѣлевки и верстахъ въ 7—8 отъ почтовой стациіи Побочной, Саратовско-Астрахан-скаго тракта, тамъ гдѣ дорога образуетъ уголъ, обходя яръ. Общій кряжъ береговыхъ возвышенностей обхватываетъ Буданиху дугой, отъ которой гора эта стоитъ въ долинѣ низняго плоско-горія совершенно отдѣльно въ 1—1½ верстахъ; подымается она высоко особнякомъ, не прилегая къ кряжу и видна какъ съ Волги, такъ и съ большой дороги. Она представляетъ овалъ, длинная ось котораго, направленная къ Волгѣ, втрое противъ ея ширины; пло-щадь на вершинѣ совершенно равная какъ столъ и имѣетъ отъ 15 до 20 десятинъ; на ней лишь небольшая яма, въ которой дер-жится свѣжая вода почти все лѣто; откосы горы довольно круты (около 45°), но безъ обрывовъ и покрыты травой, на восточномъ же склонѣ есть рѣденье мелколѣсье. Около подошвы теперь все распахано; въ маѣ, до сильныхъ жаровъ, вершина горы и кругомъ ея склоны покрыты сплошь свѣжей травой и рѣзко отдѣляется зеленая Буданиха на окружной паціи. Рассказываютъ, что Буданъ

А 628 643

наблюдать съ нея за большой дорогой, которая видна отсюда, и за караванами судовъ, шедшими по Волгѣ.

Далѣе по Волгѣ, ниже селъ Золотого и Бацнаго (Камышинскаго уѣзда), на правомъ берегу Волги, въ дачахъ слободы Даниловки, въ четырехъ верстахъ отъ нея и въ трехъ отъ села Лапотъ, расположенъ между бараками, выходящими къ Волгѣ, полукруглый бугоръ вышиною отъ подошвы въ 20 сажень; на немъ сохранились три капавы, глубиною каждая до 2 аршинъ, прорытыя отъ одного барака до другаго; по средній канавъ оставлено непрорытое мѣсто; оныя носятъ названіе *курнаны* или *бугра Стеньки Разина* (протоколы Саратов. Учен. Архив. Комм. 1887). Здѣсь, по преданію, было жилище этого знаменитаго *атамана-колдуна*, обитое бархатомъ, и яма, въ которой содержался плѣнный. На самомъ бугрѣ стояло кресло съ вазѣлкою изъ слововой кости, съ котораго самъ Стенька разсматривалъ проходящія суда и чинилъ расправу: «Только платкомъ бывало махнеть—судно сейчасъ останавливается; и крикнетъ Стенька зычнымъ голосомъ, чтобы дань везли къ берегу. Не послушаютъ—свистнетъ, гаркнетъ и отколъ ни возьмутся 12 лодокъ съ удалыми молодцами, палетять на судно и пропайся купецъ съ добромъ, да и съ головой своей» (Путеводитель по Волгѣ, 1865 г. Я. Кучина). Рассказываютъ, что въ бугрѣ зарытъ у Стеньки большой кладъ, только взять его до сихъ поръ никто не могъ. Верстахъ въ 2—3 ниже, не доѣзжая слободы Даниловки, находится ущелье, прозванное *Стенькиной тюрьмой* или *Дурманомъ*. Ниже Камышина, возлѣ д. Караванки и у Дубовскаго посада стоятъ еще два бугра, тоже Стенькины. (Спутникъ по Волгѣ, Монастырскаго, 1884).

Въ Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ, 1859, № 3, г. Новиковъ приводитъ слѣдующій народный рассказъ: ущелье, или оврагъ, гдѣ Стенька заиралъ въ подземельяхъ захваченныхъ въ плѣнъ, называлось *тюрьмой* или *дурманомъ* и было покрыто крутымъ лѣсомъ, до такой степенн густымъ, что плѣнникъ не могъ оттуда выбраться. Въ 200 саженьяхъ отъ *Дурмана*, на берегу Волги, находится *бугоръ Стеньки Разина*, о которомъ, въ 1850-хъ годахъ, существовало такое преданіе:

Очень давно, шло по Волгѣ судно; когда оно поравнялось съ бугромъ Стеньки Разина, то одинъ изъ бурлаковъ спросилъ това-

рицей, нѣтъ ли желающихъ побывать съ нимъ на бугрѣ. Нашелся охотникъ. Сошедши на берегъ, бурлакъ предупредилъ товарища: «чтобы ты ни увидалъ и чтобы ни услышалъ, молчи.» Взобравшись на бугоръ, они увидѣли отверстіе, въ родѣ погреба, съ дѣрью; отворивъ ее, они увидали хорошо убранное подземелье, похожее на комнату: въ углу висѣлъ образъ Спасителя въ золотомъ окладѣ, осыпанномъ брилліантами и разноцвѣтными камнями; передъ образомъ теплилась лампада. Посреди комнаты стоялъ гробъ, окованный тремя желѣзными обручами; возлѣ лежалъ огромный желѣзный молотъ и желѣзные прутья. Вдоль стѣвъ разставлено множество боченковъ, насыпанныхъ до верху золотомъ, серебромъ и драгоценными самоцвѣтными камнями, а такъ же цѣнная металлическая утварь. Бурлакъ помолился иконѣ; вожатый схватилъ молотъ и разбилъ обручи на гробѣ: крыша поднялась, изъ гроба встала красная дѣвица, необыкновенной красоты, и выговорила: «что вамъ нужно ребята? Денегъ, утвари, камней самоцвѣтныхъ — берите, братцы, сколько душѣ угодно». Въ отвѣтъ на это, вожатый схватилъ прутья и началъ стегать красавицу, *безбожную Маринку*, и сколько она его ни умоляла о пощадѣ, все было напрасно. Товарищъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Полно братъ, что съ тобою, съ ума ты что-ли сошелъ?» Но едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ невидимая сила подхватила его и выкинула въ дверь, которая тотчасъ же захлопнулась, и послышался голосъ: «Восемь,—девятого!» Въ слѣдъ за тѣмъ дверь и отверстіе пропали. Испуганный бурлакъ едва добрался до судна; у него отнялся языкъ и три года онъ оставался нѣмъ. Постѣ уже онъ рассказывалъ, что если бы онъ сумѣлъ помолчать и если бы они успѣли закладѣть иконой, какъ гонорилъ ему еще дорогой вожатый, то всѣ богатства перешли бы въ ихъ руки. Рассказчикъ добавляетъ, будто «Стенька по сей часъ живъ, его земля не принимаетъ и жидеть онъ, окаленный, на островахъ и зѣби грудь у него сосутъ».

Повыже колоніи Добрепки, не доходя версты 20 до Камышина, на правомъ берегу Волги, находится *Уракова гора*, названная по имени атамана разбойниковъ, у котораго, по преданію, Стенька жилъ 15 лѣтъ кашеаромъ, потомъ застрѣлилъ Уракова и самъ сталъ атаманомъ. Олеарій, плывшій здѣсь въ 1636 году, иначе рассказываетъ эту легенду: онъ говоритъ, что противъ устья р. Еру-

слана, на правомъ берегу Волги, въ 150 верстахъ отъ Саратова, подымается гора, *Ураковъ караулъ*, названная потому, что татарскій князь Уракъ сражался здѣсь съ казаками, былъ убитъ и тутъ же схороненъ.

Въ Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ, 1859, помѣщено народное преданіе объ *Ураковомъ бугрѣ*, лежащемъ версты 30 ниже *Стенькина бура*. «Здѣсь, предтеча Стеньки, разбойникъ Уракъ имѣлъ свой притонъ. Разинъ, еще мальчикомъ, пришелъ съ веру изъ Ярославля и 15 лѣтъ поступилъ въ шайку Уракова кашеваромъ. Разъ Ураковъ этотъ хотѣлъ задержать судно, а Стенька закричалъ: «брось — не стоитъ, бѣдно». Ураковъ, не ожидая послѣ такого замѣчанія удачи, пропустилъ судно, но погрозилъ Разину. Проходить другое судно—Стенька опять тоже. Взбѣшенный атаманъ выстрѣлялъ въ него изъ пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынулъ изъ груди пулю и, отдавая ее Уракову, сказалъ; «нѣ—пригодится». Ураковъ отъ страха упалъ; разбойники, види чудо, разбѣжались, а Стенька незаряженнымъ пистолетомъ застрѣлялъ Уракова и сталъ самъ атаманомъ его шайки. Ураковъ схороненъ тутъ же на своемъ бугрѣ и, говорятъ, семь лѣтъ изъ могилы кричалъ проходившимъ мимо судамъ: «приворачивай!».

Въ Вольскомъ уѣздѣ, около, с. Черкаскаго, указываютъ три горы, въ старину покрытыя лѣсомъ: *Кладуша* — содержащая въ себѣ *клады*, *Дорониша*—гдѣ жилъ разбойникъ Дороня съ своей шайкой, и *Видим*—съ которой видна вся окрестность на далекое разстояніе. Въ 10 верстахъ отъ г. Вольска, на правомъ берегу Волги, лежатъ с. Рыбное (въ XVIII столѣтіи—дворцоваго вѣдомства Рыбная слобода), лѣсная и горячая мѣстность около котораго служила въ старину пріютомъ для разбойниковъ, изъ которыхъ памятенъ мѣстнымъ жителямъ—*Кутыревъ*, въ шайкѣ котораго были три женщины. Къ востоку отъ Вольска, до с. Александровки, Хвалынскаго уѣзда, горы носятъ названіе *Дльвичихъ* и представляютъ мѣловыя обнаженія; есть преданіе, что на этихъ горахъ, въ XVII вѣкѣ, предводительствовала страшною шайкой *Дльвушка Шилатюшка*, почему и осталось такое названіе горъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ и легендарныхъ кургановъ, могилъ и маровъ Камышинскаго уѣзда, я могу указать: *Высокую могилу*, окруженную курганами меньшей величины, могилу надъ *Мамае-*

вымы яромъ (въ 5 верстахъ отъ первой) и *Тарасову могилу*—всѣ три находятся въ степной равнинѣ Камышинскаго уѣзда въ дачахъ села Краснаго Яра, на лѣвомъ берегу р. Медвѣдицы; далѣе *Дубовый курганъ* въ дачахъ с. Мокрой Ольховки, курганы *Мамайскіе марты* между р. Медвѣдицей и рѣчкой Бурлукъ, и *Перездинская могила* на правой сторонѣ р. Медвѣдицы, въ дачахъ села Рудни, недалеко отъ с. Нижней Добренки; отъ нее тянется на западъ рядъ малыхъ кургановъ, насыпу которыхъ народъ приписываетъ Мамаю. Въ Царицынскомъ уѣздѣ между Александровскою казачею станицей и селомъ Пролейка, находятся два большіе кургана въ 14 саженихъ другъ отъ друга и въ 6 верстахъ отъ Волги; они сдѣланы изъ дикаго камня и называются *Царскими могилицами* (см. «Волга», Боголюбова, 1862).

Въ Аткарскомъ уѣздѣ, долина р. Латрыка, между с. Большой Дмитріевкой и дер. Двоенкой, на пространствѣ 5—6 квадратныхъ верстъ, усыяна курганами, которые народъ называетъ «марами» и «могилами»; въ одномъ изъ таепхъ при раскопкѣ произведенной И. А. Волковымъ (управляющимъ генеральши М. В. Дурново) въ 1887 г., найдены кости и многія цѣнныя вещи, въ томъ числѣ бронзовая фигура съ двумя двугорбыми верблюдами.

Во многихъ селахъ Саратовской губерніи существуютъ легенды о сокровищахъ и каретахъ, затопленныхъ разбойниками въ озерахъ и рѣкахъ. На лѣсистыхъ возвышенностяхъ праваго берега рѣки Аркадака, противъ с. Колѣна (Аткарскаго уѣзда), есть бугоръ, называемый *Быкъ-гора*. Существуетъ преданіе, что здѣсь въ лѣсахъ былъ въ старину притонъ разбойничьихъ шакъ; часто въѣзжали они въ село съ зажженными холстами на дровняхъ и съ крикомъ «не ворошись» (не шевелись, не дѣлай тревоги) брали, что хотѣли. У рѣчки Баланды, около нынѣшней дер. Радунной въ 20 верстахъ отъ с. Колѣна, есть еще курганъ. На этихъ двухъ возвышенностяхъ ставились разбойникамъ *маяки*, которыми они давали другъ другу знать о проѣздахъ и другихъ случаяхъ: ночью для этого зажигали они намоленные холсты, привязанные къ длиннымъ пестамъ; огни эти были ясно видны въ окрестности на далекое разстояніе. Колѣнскій людъ до сихъ поръ увѣренъ, что въ лѣсахъ и оврагахъ по ту сторону р. Аркадака зарыты сокровища. Увѣжденіе основано на преданіи: много лѣтъ тому назадъ, вели по

селу колодниковъ; одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, взглянувъ на горы противоположнаго берега, сказалъ: «много сокровищъ зарыто въ этихъ лѣсахъ»; народъ подхватилъ восклицаніе, стали допрашиваться и старшеъ объявилъ, что онъ одинъ изъ разбойниковъ, скрывавшихся съ шайкой въ Колѣнской мѣстности, что здѣсь былъ ихъ притонъ и награбленное они зарыли въ землю; главныя сокровища скрыты на горѣ, гдѣ бугоръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дуба.—Преданіе не сохранило, во сколькоихъ шагахъ отъ дуба зарытъ кладъ, а время не пощадило дерева. Другую часть своихъ богатствъ разбойники, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, *скатили съ озера*, слѣды котораго и теперь еще существуютъ.

Въ с. Мокромъ, Петровскаго уѣзда, недалеко отъ мордовскаго с. Оркина, рассказываютъ, что въ старину жили здѣсь въ лѣсахъ разбойники, выѣзжавшіе грабить на большую дорогу. Преданіе говоритъ, что у нихъ была золотая (но другимъ позолоченая) телѣжка; въ одну изъ поѣздокъ, когда они возвращались съ разбоемъ съ добычею, ихъ разбила лошадь и утопила совсѣмъ съ телѣжкою въ одномъ изъ высохшихъ теперь озеръ. Мокринцы указываютъ, такъ называемый *вонючій родникъ*, имѣющій будто бы на днѣ два пола изъ дубовыхъ бревенъ, между которыми сложены разбойниками разныя сокровища и боченокъ золота. Около с. Полчапиновки (Саратовскаго уѣзда) есть три легендарныя урочища. По дорогѣ къ колоніи Скатовкѣ—*Улановъ оврагъ*, гдѣ жилъ когда-то въ старину съ своей шайкой разбойникъ Уланъ, который будто бы зарылъ здѣсь нѣсколько бочекъ съ золотомъ. По дорогѣ въ д. Ивановку и теперь существуютъ остатки лѣса, называемаго *воровскимъ*; тутъ тоже былъ притонъ разбойниковъ и до сихъ поръ видны слѣды воровскихъ землянокъ. Недалеко отъ Городецкаго хутора было большое озеро, у котораго, какъ увѣряютъ старожилы, не было дна: гнѣздившіеся здѣсь въ лѣсахъ разбойники стаскивали сюда ограбленные экипажи; озеро это теперь заросло и высохло, по словамъ рассказчиковъ прорыто и спущено; въ занесенномъ иломъ днѣ его осталось будто бы золото, сброшенное въ каретахъ и бочкахъ. Въ памяти старожилонъ с. Белгазы-Маматовки, Аткарскаго уѣзда, свѣжо еще преданіе объ убійствѣ въ этомъ селѣ, во время пугачевщины, ѣхавшаго въ городъ Саратовъ въ августѣ 1774 года воеводы Лихарева, назначеннаго туда указомъ Сената 28 марта

1774 года, и двоюродной сестры его, дочери генераль-лейтенанта, Натальи Ивановны Лихаревой: въ этомъ селѣ напалъ на нихъ съ шайкой пугачевскій полковникъ Ивановъ, разграбилъ обозъ, воеводу и сестру его убили, раздѣли до нага, по рассказамъ стариковъ, положили въ карету и столкнули въ омутъ рѣчки Белгазы.

Лѣтомъ 1887 года упорно держался слухъ о появленіи громаднаго змѣя въ лѣсахъ с. Ягодной-Поляны (Саратовскаго уѣзда). Въ Озерской, Полчанинновской, Ягодно-Полянскон волостяхъ ходили всевозможные рассказы и басни объ этомъ чудовищѣ: одни увѣрили, что змѣй этотъ черный, болѣе двухъ сажень длины, въ ведро толщиною, съ огромной человѣчьей головой и говоритъ, только непонятнымъ языкомъ; его видятъ однѣ лишь пастухъ, а другіе не видятъ, и объясняютъ, что это пастуху дается кладъ; другіе рассказываютъ, что встрѣчали его у дороги и онъ человѣчьимъ голосомъ проситъ поцѣловать его, а коли противно, то прикрыть, при чемъ объясняютъ, что это нечистый или проклятый, и ежели исполнить его желаніе, то онъ дастъ кладъ. Увидѣли его однажды шесть нѣмцевъ, косившихъ траву на лѣсной полянѣ: сидитъ онъ на свернутомъ хвостѣ и какъ длинный столбъ подымается голова не то человѣчья, не то лошадиная; обомлѣвъ нѣмцы отъ ужаса, побросали косы и пустились домой, но у нихъ на нѣсколько времени отпалъ языкъ.

Змѣй занимаетъ вообще видное мѣсто въ народныхъ суевѣріяхъ. Это—олпцетвореніе всего злого и коварнаго; онъ является часто на лубочныхъ картинахъ въ народныхъ сказкахъ и былинахъ *).

*) Народно-церковная литература полна сказаніями о змѣй, этомъ врагѣ человечества. Возьмемъ на выдержку, ходящую у насъ въ народѣ, книжку, изданную въ Москвѣ книгопродавцемъ Морозовымъ въ 1886 г. (цензоръ протоіерей Боголюбскій): «Гласъ святой истины объ Антихристѣ», съ выпиской изъ пространной лубочной картины «о прішествіи антихриста» и послѣдней судьбѣ человеческого рода. Въ этой брошюрѣ указывается на «безстыднѣйшаго и ужаснаго змѣя, который приведетъ въ смѣненіе всю поднебесную и въ сердца человѣческія вложитъ боязнь, малодушіе и страшное невѣріе, произведетъ чудеса, знаменія и страхованія, яко же прельстити аще возможно и избранныя, и получить опъ власть обольщать міръ. Жестокии къ человеческому роду окажется этотъ свѣрвый змѣй. Въ то время, когда прійдетъ змѣй, не будетъ покоя на землѣ, будетъ всакая скорбь, смѣненіе, смерти и глады во всѣхъ ковцахъ и такова скорбь не бьетъ отъ начала созданія (Марк. 13, 19); будутъ по мѣстамъ

ществуютъ урочища, носящія названіе *Змѣиныхъ*, причеиъ народъ обыкновенно складываетъ объ нихъ свои легенды. Такъ отъ г. Вольска тянутся, версты на 35 внизъ, по правому берегу Волги крутыя *Змѣевыя* горы: изъ глубокой старины сложился разсказъ, что онъ получилъ названіе отъ неимовѣрной величины *змѣя* или *полоза*, жившаго долгое время на этой горѣ, дѣлавшаго много вреда и наконецъ разрубленнаго какимъ-то богатыремъ на три части, которыя тотъ часъ же обратились въ камни (Путешествіе Олсарія въ 1636 г.). Эта старинная легенда имѣетъ соотношеніе съ настоящимъ преданіемъ объ основаніи города Вольска въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, учрежденнаго въ 1780 году (высочайшій указъ 7 ноября 1780 года) изъ дворцовой рыбной слободы Малыковки: «во времена до-пугачевскія, — разсказываютъ старики, — жилъ тамъ огромный змѣй-полозъ длиною до четырехъ сажень, пожравшій коровъ, лошадей и овецъ, но былъ убитъ волостнымъ сотникомъ Васильемъ Кулковымъ, на котораго онъ напалъ» («Волга», Боголюбова, 1862). Въ описаніи села Воскресенскаго (Сарат. губ. Вѣдом., 1888) сказано, что съ сѣверо-восточной стороны къ этому селу, лежащему на правомъ берегу Волги, примыкаютъ *Змѣевыя*

лады и трусы (Мат. 27, 7), и безвѣный человекъ будетъ илѣненъ знаменіями лукаваго и хитраго змѣя. Звѣрь этотъ (Змій-Апѣхристъ) самъ богоборець и всѣхъ хочетъ погубить; начнетъ онъ съ чрева, чтобы человекъ, приведенный въ крайность недостаткомъ пищи, вынужденъ былъ принять *печать* его на *правой рукѣ* и на *челѣ*, дабы не могъ сдѣлать крестное знаменіе, которое разрушаетъ силу его; почему истинному христіанину не надо оставаться въ бездѣйствіи, *когда змій будетъ намертвѣвать печать свою*, вмѣсто Спасительной. Въ какомъ видѣ приндетъ на змѣю безстыдный змій? Спаситель родился отъ Дѣвы въ образѣ человеческомъ; врагъ же воплотится отъ оскверненной дѣвы и приндетъ всескверный, но приметъ образъ крохотливый, сморщенный, въ высшей степени благообразный; но потомъ этотъ змій взрыгнетъ горечь свою и вринетъ весь родъ человеческій въ цучину несчастія, жестоко надзиратели будутъ дозволять покупать пишу только тѣмъ голоднымъ, у которыхъ будетъ печать мучителя на челѣ и правой рукѣ; вездѣ распространится зловоіе, голодь, жажда; землетрясенія, смущеніе на морѣ, страхованіе на сушѣ и угрызеніе звѣрей; золото и серебро разсыпаны на улицахъ и никто до нихъ не коснется, потому что все омерзѣло; омерзѣетъ и ненавистна станетъ красота женская, увянетъ плоть и вождѣлшіи человека. Пріявліе *печать антихристову* будутъ виѣстѣ съ змѣемъ ввержены въ геенну; всѣ, принявшіе печать змѣя, связанные приведены будутъ прелѣ судилище Господа и будутъ приговорены къ вѣчному осужденію въ огонь неугасимый».

горы, образующія дугу на протяженіи четырехъ верстъ, къ Волгѣ. Горы эти круты, вершины ихъ безлѣсны, и въ нихъ водятся змѣи. Преданіе говоритъ, что въ старину въ этихъ горахъ обиталъ огромный многоглавый змѣй, собиравшій дань съ жителей дѣвцами, которыхъ онъ поѣдалъ. Изъ межевыхъ книгъ 1710 года видно, что монастырское село Сергіевско-Воскресенское существовало уже въ самомъ началѣ XVIII-го вѣка и принадлежало московскому Воскресенскому монастырю. Для сравненія приведу здѣсь подобную же легенду, слышанную мною на Кавказѣ въ 1868 году: въ Пятигорской группѣ есть *Змѣвая гора*, имѣющая видъ громаднаго шатра; ямщикъ мой, казакъ изъ Александровской станицы, разсказалъ мнѣ, что она получила названіе отъ огромнаго «полоза» (змѣя), жившаго на этой горѣ; когда онъ ползъ, то подъ нимъ горѣла трава; нѣсколько разъ пытались убить его и даже стрѣляли изъ пушекъ, но ничего не могли сдѣлать чудовищу; наконецъ одному казаку удалось застрѣлить его изъ винтовки. На верху будто бы есть большое озеро, около котораго жилъ этотъ полозъ.

При сильномъ развитіи предрасудковъ въ русскомъ народѣ, *ворожба и гаданія*—необходимые спутники суевѣрія во всѣхъ обыденныхъ случаяхъ крестьянской жизни *): привидится-ли сонъ—идутъ къ ворожеѣ; представится-ли какой другой необъяснимый признакъ, или желая узнать будущее, простой народъ идетъ къ гадалыцицѣ за истолкованіемъ или гадаетъ самъ. Напр., когда везутъ парня въ рекруты, то родные гадаютъ, поймавъ паука: сажаютъ его въ кувшинъ и ежели онъ за ночь сошьетъ тамъ гнѣздо, то увѣрены, что парня «не обрѣютъ» (не примутъ), ежели не сошьетъ, то его непременно «угомятъ» (Саратовскій уѣздъ). Гадаютъ по этому поводу и другимъ способомъ: кладутъ на столъ уголь и пе-

*) Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» 1838 г. приведено 18 способовъ русскихъ гаданій: на бобахъ, на водѣ, литьемъ воску (или свинца и олова), по грому, по дыму, по жеребью, зеркаломъ, золотымъ кольцомъ, по игламъ, на картахъ, наговорнымъ кольцомъ подъ подушкой, на гуцѣ кофе, по ногтямъ натертымъ масломъ и сажеемъ, череполохъ (при которомъ употребляется знахаремъ миска воды, олово и Богоявленская или обручальная свѣча), по птицамъ и ихъ крику, рѣшстомъ, на травахъ и на яйцахъ. Въ Саратовѣ до сихъ поръ существуетъ святочное гаданіе *башмакомъ*: дѣвушка поздно вечеромъ бросаетъ черезъ заборъ или ворота свой башмакъ и куда онъ упадетъ носкомъ, то въ ту сторону придется ей выйти замужъ.

чину (кусокъ глипы изъ печки) другъ противъ друга, и крестъ на крестъ имъ хлѣбъ и соль, тоже другъ противъ друга; берутъ клубокъ за пштру, держать его на плѣсу и ежели онъ будетъ качаться на уголь и печину, то малаго забрѣютъ, ежели же на хлѣбъ и на соль, то не возьмутъ и онъ вернется домой; это гадаванье ведется уже давно въ Саратовскомъ краѣ. Собирается мужикъ въ дорогу, онъ несетъ прежде *вяхель* (связанная изъ веревки сѣтеа, въ родѣ мѣшка, для корму) на гумно и положить его на ночь къ стогу сѣна или соломы, и ежели поутру найдетъ въ немъ нѣсколько былокъ, то увѣренъ, что во время дороги лошади будутъ у него здоровы (этотъ предразсудокъ занесенъ въ Колѣнскую волость переселенцами изъ Тамбовской губернии). Въ прежніе годы, до появленія у насъ въ общемъ употребленіи сѣрныхъ зажигательныхъ свичекъ, крестьяне сохраняли жаръ, загребая его въ уголь печи, и при надобности вздували изъ него огонь: никто изъ нихъ въ большой праздникъ чи за что не давалъ никому этого жару на растопку, боясь, что въ противномъ случаѣ у него не будетъ держаться огонь. Во время сѣва никто изъ крестьянъ не дастъ нуждающемуся ни одной мѣрки сѣмянъ, иначе опъ у него переведется; крестьянинъ Акимъ Семеновъ (с. Полчаниновка, 1886 г.) вполне убѣжденъ, что у него перевелись отличныя сѣмена пшеницы, потому что ссудилъ имъ на посѣвъ нуждающагося. Въ народѣ многіе еще вѣрятъ, что дьяволъ и вообще нечистая сила мечется и прячется во время грозы, такъ какъ Господь и Илья Пророкъ преслѣдуютъ его молніей (*грозовой стрѣлою*), которая и попадетъ туда, куда бросился бѣсъ; поэтому надо закрывать окна и трубы въ избѣ, чтобы онъ не влетѣлъ въ комнату или подъ печку.

Мордва (с. Оркица, Саратовскаго уѣзда) гадаетъ на святки объ урожаѣ слѣдующаго лѣта. Для этого берутъ луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимаютъ чешуйки; изъ нихъ 12 кладутъ на столъ и насыпаютъ въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрятъ, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распутившейся соли, а такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12 мѣсяцевъ въ году и по счету первая съ правой стороны принимается за январь, вторая за февраль и т. д., то по этому судятъ, въ которомъ мѣсяцѣ какая будетъ погода — дождливая или сухая. Объ урожаѣ мордва гадаетъ такъ же на спонахъ

хлѣба: на почъ выставляють на кольяхъ снопы ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ; на которомъ будетъ больше ипея, тотъ уро- дится лучше. Молодце ребята, подлежащіе рекрутству, хо- дить ночью съ кольями на прудъ и опускають ихъ въ прорубь: кто въ нихъ легче выдернетъ черезъ нѣсколько времени изъ за- мерзшей проруби свой колъ, тотъ освободится отъ рекрутчины, но кто совсѣмъ не вынетъ, пойдетъ непременно на службу. Орки- скія бабы ходять подъ Новый годъ, садясь верхомъ на помело, слушать на перекрестокъ. Въ Хвалышскомъ уѣздѣ многіе изъ морд- вовъ, во время святокъ, снявши предварительно кресты, выходятъ по вочамъ въ поле или къ рѣкѣ; дорогой между собой не гово- рятъ и идутъ молча, о молитвѣ и думать не должны, на пере- кресткахъ въ разныхъ мѣстахъ ложатся на землю и прислуши- ваются къ малѣйшему шороху; немного погоды встають и молча расходятся по домамъ, гдѣ рассказываютъ о томъ, что слышали: однимъ показалось, что молотить, другому, что жнуть, третьему, что плачуть и т. под.; по этимъ примѣтамъ судятъ, что должно случиться въ теченіи наступающаго года.

О русскихъ гадавіяхъ на святкахъ и говорить не стану, такъ какъ онѣ хорошо извѣстны и здѣсь, кажется, не представляютъ ничего особеннаго.

Ворожеи и гадалышцы навивались прежде своимъ ремесломъ. Такъ рассказываютъ въ с. Колѣнѣ: «Жила здѣсь въ старое время Мавра «гадатель», ворожила она на бобахъ, орѣхахъ, картахъ, водѣ, рѣшетѣ и зеркалѣ, гадала она ночью въ банѣ, куда соби- рались къ ней дѣвушки узнать о своемъ будущемъ и суженомъ; платили они ей хлѣбомъ, яйцами и деньгами; такимъ образомъ Мавра накопила себѣ хорошія деньги и по смерти ея Колѣнскіе жители нашли и захватили 20 фунтовъ червонцевъ». Ее пом- нили старожилы уже старухой 65 лѣтъ, крѣпостной помѣщика Рахманяна, а родомъ считаютъ изъ Кіева, этой отчизны вѣдьмъ.

Нескоро изгладятся повѣрья и предразсудки въ русскомъ на- родѣ, хотя съ развитіемъ сельскихъ школъ съ 1870 годовъ они значительно уменьшаются. Такіе же предразсудки еще недавно встрѣчались и въ нашемъ барскомъ быту; на нашей памяти, въ помѣщачьемъ кругу вѣрили дурнымъ предзнаменованіямъ: встрѣчѣ со священникомъ, тремъ свѣчамъ на столѣ, тринадцати за обѣ-

домъ, зайцу перебѣжавшему дорогу, крику ворона, и сотнѣ другихъ случаевъ, изъ которыхъ одни предвѣщаютъ добро, другіе худо; молодежь гадала на святки, старики вѣрили картамъ и раскладывали по нимъ будущее или обращались къ ворожеямъ; при многихъ болѣзняхъ, имѣя подъ руками докторовъ, прибѣгали къ симпатическимъ средствамъ, которыя въ сущности тоже, что *умыванье съ уголька* при глазѣ *) и тому подобныя средства, употребляемыя деревенскими знахарками; многіе вѣрятъ до сихъ поръ, что есть люди, умѣющіе *заговаривать* зубную боль, остановить кровь, текущую изъ раны человѣка или животнаго. На все нужно знать *слово*, говорятъ старики; кажется, простая вещь отравить крысу фосфоромъ или мышьякомъ, но это не всегда удается, а необходимо, поставивъ на погрѣбъ черепокъ съ кашей и посыпавъ его *моромъ*, сказать: «пожалуйте гости кушать», и затѣмъ, не понорачиваясь, пятится къ выходу задомъ. Или другой способъ вывести крысъ: надо поймать живую крысу, отнести ее отъ своей избы черезъ семь дворовъ и сказать: «вотъ ваша квартира». Чтобы вывести таракановъ, надо поймать одного или нѣсколькихъ, посадить въ варешку и, войдя къ кому-либо въ избу, сказать: «здравствуйте, ждали ли гостей?» и какъ хозяйена скажутъ: «просимъ милости», то потихоньку, незамѣтно, вытряхнуть таракановъ изъ варешки. Говорятъ, передъ пожаромъ тараканы начинаютъ копошиться въ избѣ и сами уходятъ вонъ въ такое мѣсто, гдѣ горѣть не будетъ: «такъ и видно, гдѣ они ползутъ цѣлой дорожкой» (с. Полчаниновка). Чтобы избавиться отъ клоповъ, надо, когда священникъ, кончивъ молебенъ, выходитъ изъ избы, сказать хозяйину: «куда поны, туда и клопы». Если это не поможетъ, то когда мужикъ найдетъ чекушку (клинъ или желѣзка, вставляемая въ ось у колеса), взять ее въ избу и, входя, сказать: «чекушка въ домъ, а клопы вонъ». Если нападутъ блохи, надо тоже знать «слово», при которомъ хозяинъ беретъ вѣникъ и водитъ его крестъ на крестъ по полу комнаты, тогда всѣ блохи соберутся къ порогу и уйдутъ за дверь.

Въ Саратовской губерніи нерѣдко услышишь въ народѣ рассказы, что есть люди, способные «словомъ» вывести крысъ и мы-

*) *Дурной глазъ* (обыкновенно сѣрый) по вѣрованію народа можетъ испортить человѣка или *смазнуть*, если посмотреть или похвалить.

шей изъ дому, съ гумна, даже изъ цѣлаго селенія, и вести ихъ стадомъ на другое селеніе или заставить броситься въ рѣку; большою частью лица, имѣющія этотъ даръ, являются въ народномъ представленіи людьми, неизвѣстно откуда пришедшими, таинственными. Приведу легенду, давно и крѣпко вкоренившуюся въ Балашовскомъ уѣздѣ и переданную мнѣ помѣщикомъ сельца Ивалопки, И. А. Саловымъ: «Поздно вечеромъ, въ одинъ постоялый дворъ, недалеко отъ с. Чиркина, вошелъ благообразный старикъ съ сѣдою бородой, одѣтый прасоломъ, и просилъ сидѣльца дать ему четверть вина; когда онъ почти залпомъ осушилъ всю четверть, то объявилъ, что денегъ теперь не заилатить, а наградить его; сидѣлецъ, набожный и добрый человекъ, довѣрилъ почтенному старику и спросилъ его, какой у него гуртъ—крупнаго или мелкаго скота; гуртовщикъ отвѣчалъ, что гонитъ мелкій скотъ, и вышелъ. Сидѣлецъ пошелъ за нимъ на крыльцо и увидѣлъ огромное стадо мышей и крысъ на дорогѣ, которыхъ старикъ погналъ дальше; въ эту же ночь исчезли и всѣ мыши съ постоялаго двора». Дальше легенда добавляетъ, что послѣ того сидѣлецъ пошелъ однажды къ обѣднѣ въ село и сталъ ставить свѣчку Николаю Чудотворцу; взглянувъ на ликъ угодника, онъ узналъ привѣтливо смотрѣвшаго на него ночного посѣтителя, старика-прасола, и увидалъ тутъ же на подсвѣчникѣ и деньги за четверть вина.

Знахари и знахарки пользуются народными предрасудками и легковѣріемъ: шепчутъ надъ водкой или водой, даютъ выпить и ежели больному не дѣлается легче, то объявляютъ, что «испортившій» сильнѣе ихъ, и несчастный долго безъ пользы таскается по колдунамъ и ворожеямъ, отыскивая сильнѣйшаго, пока смерть или случайное облегченіе не прекратятъ его розысковъ. Кто изъ простаго народа не вѣритъ въ *приворотъ*; часто услышишь выраженіе: «приворожила молодца» или «обошела молодку»; колдунъ даетъ корень, съ нимъ надо *обойти* того, кого желаютъ привязать къ себѣ, или носить *приворотный корень* на крестѣ, либо дать выпить настой изъ *приворотнаго зелья*; вслѣдствіе этого, если кто кого обманетъ, то ходитъ поговорка: «онъ его словно *корнями обвелъ*». Прокричалъ воронъ на крышѣ—крестьянинъ ждетъ бѣды неминуемой; филинъ и сова — вѣщунъ несчастья *); закричитъ ку-

*) Птица часто появляется въ легендахъ нашего народа. Таже въ с. Лохъ

рица пѣтухомъ— ждуть покура или покойника; пось зачесется— значить слышать о покойникѣ или водку пить; уши горять — не правду говорят; нехорошо увидать молодой мѣсяць съ лѣвой стороны (лѣвымъ глазомъ); крестьяннѣ, не желая худа проѣзжему въ дорогѣ, никогда не перейдетъ передъ нимъ, иначе *пути не будетъ*; ежели встрѣтится баба съ пустыми ведрами, не хорошо путешественнику, ему въ дорогѣ *пусто будетъ*, почему женщина всегда остановится и никогда не *перейдетъ пути*. Въ русскихъ избахъ водится много черныхъ большихъ таракановъ, которыхъ крестьяне считаютъ за грѣхъ и несчастье убивать, увѣренные, что они приносятъ благополучіе. Въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ, въ курятникѣ непременно навѣшивается на колъ горшокъ съ мытымъ дномъ, чтобы куры сидѣли покойнѣе на пашести; въ помѣщеніи другой птицы этого не дѣлается.

Противъ многихъ бѣдъ и бѣлъзней помогаютъ разные средства: стоитъ сушь — падо выкопать онойцу съ кладбища и бросить въ воду или оврагъ; за немѣніемъ онойцевъ лопять лягушекъ и шнають за поги па дереньяхъ. Лѣтомъ 1864 года стояла въ Колѣвской волости сильная засуха, хлѣба и травы «горѣли» (сохли) па корню; однажды рано утромъ рабочій арендатора села Бѣдникки, Якобсона, замѣтилъ въ господскомъ пруду торчація изъ воды поги; изъ испугѣ прабѣжалъ онъ домой, позвалъ старосту и стариковъ, вытащили изъ воды гробъ и торчащаро изъ него мертвеца. Оказалось, что па кладбищѣ разрыта могила, покойникъ былъ Бѣдниковскій мужикъ и сильный нянина: народное суевѣріе, желая вызвать дождь, рѣшило за немѣніемъ онойцы утопить покойника-пьявицу. Подобный случай былъ и въ дер. Андреевкѣ (Коротковъ хуторъ) Галаховской волости, гдѣ вырытаго онойцу крестьяне облили водой и бросили въ оврагъ: слѣдствіе не открыло виновныхъ, но стаповые хорошо пользовались съ суевѣр-

рассказываютъ приведенную мною выше легенду, какъ каждую ночь громадная птица клветъ до мозга голову Куделра. Во время страшной холеры, свирѣпствовавшей въ Саратовѣ въ 1831 году, по рассказамъ старожиловъ, народъ вѣрилъ, что надъ городомъ летала по ночамъ огромной величины черная птица и что дома, надъ которыми она проносилась, махая крыльями, были поражены смертію; вслѣдствіе этого вѣрованія па воротахъ, дверяхъ и окнахъ многихъ домовъ чертили кресты, а па стѣнахъ, для прогнанія нечистой силы, писали священные слова: «Христосъ съ нами устави!».

ныхъ деревень. У кого не живутъ дѣти, то восприемниками берутъ *соименниковъ* отцу и матери новорожденнаго, или первыхъ встрѣтившихся на улицѣ людей; послѣдніе называются *встрѣчными крестными*. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ, у многихъ крестьянъ (Полчановская волость) существуетъ повѣрье, что надо просить священника отворить царскія врата въ алтарѣ церкви, что ускоряетъ рода и даетъ имъ благополучный исходъ*). Многіе изъ сектантовъ Саратовской губерніи до сихъ поръ не допускаютъ оспаривванія, считая его за положеніе «антихристовой печати». Въ нѣкоторыхъ селахъ Аткарскаго уѣзда (Вѣдняковка) крестьянки вышиваютъ въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, ладонь, оставшійся отъ кажденія во время херувимской пѣсни, и поютъ имъ младенцевъ, когда они бываютъ нездоровы. Наши крестьянки при коликахъ у младенца, когда онъ «сучитъ ножками», *прикалываютъ болѣзнь* краемъ мѣднаго креста на животъ ребенка; кто позажиточнѣе, тѣ обращаются къ священнику, прося отслужить молебень и «приколоть» болѣзнь копіемъ употребляемымъ при совершеніи св. тайнъ. Лишь только младенецъ появится на свѣтъ въ мордонской семьѣ (с. Оркино), то мать-рожепицу ведутъ въ бавю, съ ней несутъ и новорожденнаго, котораго такъ же моютъ и парятъ какъ мать; выходя изъ бани, уносятъ всѣ вещи рожепицы, даже вѣяникъ, которымъ ее парили, а то *злые люди* могутъ испортить ее. У мордвы, Хвалынскаго уѣзда, для предохраненія ребенка отъ «вѣдуна» (или вѣдьмы), чтобы не съѣлъ сердца его, мать послѣ крестинъ, ежедневно въ теченіи шести недѣль, укладывая ребенка въ зыбку, три раза креститъ его ножомъ и имъ же обводитъ три раза зыбку, затѣмъ кладетъ ножъ подъ подушку младенца. Я сказалъ выше, что мордва суевѣрна и труслива, но бабы ихъ, въ особенности знахарки, бываютъ смѣлы и ночью ходятъ на кладбище затѣмъ, чтобы просить умершихъ знахарей помочь имъ при исцѣленіи больного: знахарка отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобя ножомъ мѣдный трешникъ, проситъ умершаго, о чемъ нужно. Если ребенокъ заболѣтъ *литорадкой* (лихорадкой); мордва Хвалынскаго уѣзда дѣлаетъ слѣдующее: мать идетъ съ нимъ къ старухѣ-знахаркѣ; та для излѣ-

*) Это повѣрье существуетъ и въ Новгородской губерніи.

ченія младенца беретъ три лычка, примѣряетъ ихъ къ ребенку и часть лычекъ, равную длинѣ ребенка, отрубаютъ на шестки (въ предпечи); затѣмъ беретъ три пучка лучинокъ, по девяти въ каждомъ, кладетъ въ каждый пучекъ по лычку, кладетъ его на шестокъ, зажигаетъ и надъ дымомъ держитъ больного; когда сгоритъ первый пучекъ, выдается второй, затѣмъ третій и такимъ образомъ ребенка окуриваютъ до трехъ разъ, причемъ старуха приговариваетъ: *сынъ катка сіялкъ, ейдисъ некъ сыриджъ*, что значитъ: «ребенокъ хвораетъ, кошка бери хворь ребенка». Мордовскія знахарки въ с. Оркинѣ, Саратовскаго уѣзда, не такъ давно начали употреблять оригинальное лекарство отъ лихорадки больному даютъ клоповъ, которыхъ кладутъ потихоньку отъ него въ хлѣбный мякишъ, закатывая его въ родѣ пилюли; послѣ приѣма такого лекарства больного рветъ ужасно и лихорадка иной разъ проходитъ.

Въ русскомъ народѣ лихорадку лѣчатъ тоже разными *заговорами*. Знахарки толкуютъ, что эта болѣзнь имѣетъ 12 видовъ и есть ничто иное какъ *12 дочерей Иродовыхъ*. У нѣкоторыхъ старухъ-знахарокъ сохранились еще рукописныя *грамотки* молитвъ, заклинающихъ лихорадку. Одна изъ такихъ найдена въ Хвалынскомъ уѣздѣ княземъ О. С. Голицынымъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Грамотка отъ лихорадки. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Сей списокъ взятъ бысть въ Царѣ-Градѣ у престола Господня отъ всякія болѣзни. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помози мнѣ грѣшному во всѣхъ притчахъ и скорбѣхъ рабу твоему (имя рекъ) изнемогати. Аминь, аминь, аминь. Святому отцу Сисевію, свидѣцу на горѣ Синайстей, подъ дубомъ Маврійскимъ, идущимъ мимо его 12 дѣвиць, онъ рече къ нимъ: окаянныя дьявольницы, что есть вы и къ кому идете? Изъ нихъ рекоша: мы тресавицы, идемъ отъ Ирода царя мучить вашъ родъ человѣческій. И сталъ просить святой отецъ Сисевій: Господи Боже! Избави родъ человѣческій отъ таковыхъ дьявольницъ! Господь посла святаго архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ: Матея, Марку, Луку и Іоанна Богослова. Они же ихъ поймаша и начаша мучити тремя дубцами желѣзными и даша имъ множество ранъ. Онѣ, окаянныя дьявольницы, начаша молитися: Святой отецъ Сисевій и св. архистратигъ Михаилъ и четыре

евангелиста Матѣей, Марка, Лука и Іоаннѣ Богословѣ, не мучте насъ! Мы, гдѣ имена ваши слышимъ, того ради мужеска и женска пола будемъ бѣгать за три поприща. И рече св. отецъ Сисевій и св. архистратигъ Михаилъ и четыре евангелиста Матѣей, Марка, Лука и Іоаннѣ Богословѣ: окаянныя дьявольницы, (что) есть имена ваши? И рече одна: 1-я, мнѣ бо есть имя *Тресовица*, како печь распалаетъ дрова, тако распалаяю у челоуѣка вси кости; 2-я, мнѣ бо есть имя *Медія*, зноблю у челоуѣка всѣ уды и тотъ челоуѣкъ въ печи согрѣться не можетъ; 3-я, мнѣ бо имя *Чемія*, ложусь у челоуѣка въ головѣ и закладываю уши и тотъ челоуѣкъ бываетъ глухъ; 4-я, мнѣ бо есть имя *Прустоша*, ложусь у челоуѣка подъ ребромъ; тяжело тому челоуѣку вздыхать; 5-я, мнѣ бо есть имя *Кародія*, ложусь у челоуѣка подъ вздыханіемъ, аще что вкусить, съ души скиветъ; 6-я, мнѣ бо есть имя *Коржуша* отъ всѣхъ проклятая, ручныя и ножныя жили свожу; 7-я, мнѣ бо есть имя *Ломія*, ломлю челоуѣка всѣ кости; 8-я, мнѣ бо есть имя *Желтодія*, какъ желтыя въ полѣ цвѣты, такъ челоуѣкъ желтѣетъ; 9-я, мнѣ бо есть имя *Пухлія*, пускаю въ челоуѣка пухоль; 10-я, мнѣ бо есть имя *Нелюбія*, ночью сна не даю и къ себѣ никого не допускаю и съ ума спшибаю; 11-я, мнѣ бо есть имя *Сернуша*, всѣми проклятая, смыкаю жили въ одно мѣсто; 12-я, мнѣ бо имя *Несвія*, всѣми проклятая и старѣйшая тресовица, при Иродѣ царѣ усѣкнувъ главу Предтечи, и не имать челоуѣкъ живъ быти отъ той болѣзни.

«Аще кто хоцетъ сію молитву читать на здравіе тѣла и отогнаніе проклятыхъ тресовицъ, свце да творитъ или читаетъ надъ главою болящаго. И ты снми съ него крестъ и положи въ воду и глаголи: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь (трижды). Окаянныя дьявольницы, заключаю (заклинаю?) васъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Пречистою Дѣвою Богородицею и всѣми святими, архистратигомъ Михаиломъ, преподобнымъ отцемъ нашимъ Сисевіемъ и четырьмя евангелистами: Матѣемъ, Маркою, Лукою и Іоанномъ Богословомъ. Окаянная ты еси тресовица, окаянная ты еси Медія, окаянная и т. дал. (до 12-ти), побѣдите отъ раба божія (имя рекъ). Аще не побѣдите, то призовемъ на васъ св. арх. Михаила, препод. отца Сисевія и четырехъ евангелистовъ: Матѣея, Марка, Луку и Іоанна Богослова, и дать вамъ по тысячѣ ранъ; отыдите, окаянныя, отъ раба божія (имя рекъ) во имя Отца и

Сына и Св. Духа, Аминь (трижды). Сія вода дается рабу Божию (имя рекъ) на здравіе тѣла и отогнаніе проклятыхъ тресовицъ. Аминь (трижды)».

Въ народѣ есть еще средство отъ лихорадки — *завязать ее*: для этого цепятъ въ лѣсу молодой дубокъ и въ разщепъ вкладываютъ тряпку; кто затѣмъ коснется до нея, схватитъ непременно эту болѣзнь. Въ народѣ употребляются отъ лихорадки почки *благословенной вербы*, раздаваемой мірянамъ въ церкви на заутреню вербнаго воскресенія; почку эту закатываютъ въ шарикъ хлѣбнаго мякина и даютъ проглотить больному. Въ Балашовскомъ и Аткаревскомъ уѣздахъ крестьяне лѣчатся слѣдующимъ домашнимъ средствомъ. Въ маѣ стригутъ ржаную озимь, рѣжутъ ее на мелкія части и затѣмъ наставляютъ въ продолженіи 12 дней въ хорошей очищенной водѣ; настой этотъ пьютъ по рюмкѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ; утверждаютъ, что онъ помогаетъ лучше хіны; настойка эта употребляется и въ Саратовскомъ уѣздѣ, по противу ломоты, отъ лихорадки же наставляютъ на водкѣ и пьютъ цвѣты ландышей, а такъ же полынь. Когда младенецъ боленъ грижей, то народъ очель часто употребляетъ у насъ слѣдующее средство: отецъ и мать несутъ его въ лѣсъ, отыскиваютъ два рядомъ растущихъ молодыхъ дубка и становятся другъ противъ друга, три раза передавая ребенка одинъ другому въ прогалъ между ними, потомъ снимаютъ съ него рубашенку и целенку, оставляютъ ихъ въ лѣсу, обвязывая ими дубокъ. Этого способъ лѣченія называется мѣстами *относъ* и употребляется въ разныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ, въ особенности собачьей старости (родъ сухотки у ребенка). *Жабу* (горловую опухоль) знахарки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: «бабушка» три раза обводитъ больное мѣсто пальцемъ, причемъ шепчетъ заговоръ и затѣмъ три раза давитъ больное мѣсто о приступокъ печи. При заушницѣ, или синкѣ, берутъ теплый павозъ изъ-подъ свиньи (*свиное нѣздо*) и этимъ припариваютъ заушницу; болѣзнь какъ увѣряютъ, проходитъ. Если ребенокъ боленъ собачьей старостью, то сажаютъ его вмѣстѣ съ кутенкомъ (щепкомъ) въ натопленную печь *), куда влѣзаетъ бабка и вѣвникомъ хлещетъ разъ по ребенку, разъ по кутенку, до трехъ разъ, приговаривая: «возьми

*) Русская печь такъ велика, что у насъ крестьяне парятся въ ней вмѣсто бани.

мою старость, отдай здоровье». Если куенокъ затѣмъ околѣетъ (на второй или третій день), то ребенокъ непремѣнно выздоровѣетъ, въ противномъ случаѣ *засохнетъ* (с. Полчапповка, 1883 года). Если ребенокъ очень плохъ и ему не помогаютъ никакія средства, то крестьяне прибѣгаютъ въ слѣдующему средству: когда водходитъ къ окну вищій проситъ милостыню, то ему подаютъ черезъ окно больного ребенка, тотъ обходитъ съ нимъ нѣсколько дворовъ и затѣмъ возвращается къ той же пзбѣ, гдѣ мать *покупаетъ* у него свос дитя, подавъ ищему нѣсколько копѣекъ и принимая его отъ него, тоже черезъ окно. При рожденіи ребенка, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и другихъ сословіяхъ, существуетъ въ Саратовской губерніи обычай заворачивать младенца при его появленіи на свѣтъ въ отцовскую рубашку, причемъ послѣдняя имѣетъ здѣсь символическое значеніе связи ребенка съ отцомъ.

Много символическихъ значеній предметовъ и существующихъ еще обрядовъ забыты теперь нашимъ народомъ: такъ пзчезъ у насъ въ Саратовской губ. очень древній символъ *порога*, хотя и до сихъ поръ ни куонецъ, ни крестьянинъ, не подаютъ руки гостю черезъ порогъ, «чтобы не поссориться». Сохранился также у знахарокъ и бабушекъ слѣдующій способъ лѣченія: когда болитъ поясница, то больного ставятъ нагнувшись надъ порогомъ, или кладутъ на порогъ, на поясницу накладываютъ чистый (новый) березовый вѣнчикъ; затѣмъ старуха (бабушка) беретъ топоръ и слегка три раза *счелетъ* (рубитъ) по этому вѣнчику; при этомъ больной спрашиваетъ: «что бабушка рубишь?» та отвѣчаетъ: «рублю *типунъ*». Больной говоритъ: «руби хорошенько». Вопросы и отвѣты повторяются три раза. Когда женщина долго мучится родами, то бабушка проводитъ ее три раза черезъ порогъ; это облегчаетъ роды: «Богъ ее прощаетъ», и она скоро затѣмъ рождаетъ. Это и теперь водится у всѣхъ русскихъ бабушекъ *).

Нѣмцы саратовскихъ колоній (Ягодно-Полянская волость, Саратовскаго уѣзда) тоже не лишены предразсудковъ и суевѣрій, преимущественно при лѣченіи больныхъ и припадочныхъ, причемъ часто прибѣгаютъ къ колдовству. Они лѣчатъ *водобоязнь* (бѣшенство) особыми

*) Въ Бѣлоруссіи, послѣ крестивъ, отецъ кладетъ ребенка на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется «освятить дитя черезъ порогъ».

билетками, испсаванными какими-то таинственными знаками, прише-
сенными къ нимъ въ старину, которые они даютъ съѣдать большому
человѣку или животному. Въ «Саратовск. Губ. Вѣдом.» за 1859,
№ 15, есть свѣденіе, что пѣщцы Камышинскаго уѣзда давно уже
лѣчатъ билетками людей и скотъ, укушенныхъ бѣшенными жи-
вотными, а также падежъ скота, давая ихъ съѣдать больному.
Такіе же билетки употреблялись ими и отъ лихорадки. Слова на
такихъ запискахъ не имѣютъ никакого смысла, какъ: «Was, Das,
Einas» или «Bel, Vore, Nazel, Kazel», также «Pacus» или «Pakas».

Для прекращенія падежа рогатаго скота, народъ въ Саратов-
скомъ уѣздѣ употребляетъ слѣдующее средство. Въ 1860 году въ
дер. Ивановкѣ (Полчанновской волости) былъ сильный падежъ,
мужики навалили въ баракъ (оврагъ) хворосту и, потушивъ всѣ
огни въ селеніи, жгли на томъ кострѣ кости палыхъ животныхъ,
а черезъ дымъ гнали скотину. Падежъ былъ и въ дер. Федоровкѣ
(той же волости): крестьяне по совѣту знахаря прорыли мость
между верхами Грунпа Барака, гдѣ крестьянка Аграфеза зарыла
своихъ палыхъ коровъ, и прогнали скотицу по этому корридору;
приглашенный священникъ стоялъ въ это время на верху и
окроплялъ животныхъ святою водою; пока длилась эта церемонія,
огонь во всей Федоровкѣ былъ затушенъ и послѣ того его добы-
вали посредствомъ тренія деревяшекъ; утверждаютъ, что падежъ
тотчасъ же прекратился. — Для предохраненія домашняго скота
отъ заразы существуютъ въ Аткарскомъ уѣздѣ (с. Бѣдняковка)
слѣдующія повѣрья. На Пасху, по время служенія пасхальнаго мо-
лебна въ домѣ, подъ *столешникомъ* (скатертью) на столъ, шпенно
въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны лежать крестъ и евангеліе, насыпаютъ
нѣкоторые соли, другіе — проса и пшена, смотря по надобности
домохозяйива; солью затѣмъ кормятъ домашній скотъ, чтобы не
хворалъ и болѣе плодился, а просомъ и пшепомъ — куръ, чтобы
болѣе неслись и разводились. Выгоняя домашній скотъ на паст-
бище, прогоняютъ его черезъ «курево» (дымъ), напередъ развѣ-
денное въ концѣ селенія, чтобы не приставала зараза. Съ тою же
цѣлью, выгоняя въ первый разъ стадо въ поле, сгоняютъ со двора
скотъ *благословенной вербой*, которая раздается въ церкви у за-
утрени на вербное воскресенье *).

*) Въ Новгородской и Псковской губерніяхъ выгоняютъ въ первый разъ

церыш траву и кормятъ ея домашній скотъ, что по убѣжденію крестьянъ предохраняетъ отъ падежа. *Опахиваніе* селеній сохою, въ которую впрягаются дѣвки, ночью, для предохраненія селенія отъ падежа скота, встрѣчалось въ Колѣнской волости (Аткарскаго уѣзда) еще въ 1860 годахъ; теперь о немъ не слышно.

Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, чтобы предохранить свой домъ отъ *стѣдучовъ*, мордвинъ вѣшаетъ черезъ заборъ на улицу лапотъ съ оборками.

Во многихъ селеніяхъ Саратовской губерніи какъ у русскихъ, такъ и мордвы, распространены рукописныя апокрифическія сказанія, которыя крестьяне чтутъ наравнѣ съ священными книгами, а нѣкоторые носятъ постоянно при себѣ, вѣря въ ихъ чудодѣйственную и цѣлебную силу отъ всякой павасти. Многие съ этой же цѣлью заучиваютъ ихъ навзустъ и убѣждены, что эти списки сняты съ рукописей, полученныхъ *свыше*. Это — религіозно-фантастическія сказанія изъ Ветхаго и Новаго заветовъ: сказанія объ Адамѣ и Евѣ; о древѣ крестномъ; о Раѣ; плачъ Адамовъ; о рукописаиіи Адамовомъ; о главѣ Адамовой; о имени Адамоу; Соупъ Бого-родницы; Свитокъ Іерусалимскій; Хожденіе Богородицы по мукамъ; списокъ 12 пятницъ; списокъ дней, которые слѣдуетъ храничь всякому человѣку **). Эти апокрифическія сказанія перешли въ Россію еще въ старшну изъ Византіи и хотя церковь строго за-

весною скотъ благословенной вербой, служатъ при этомъ общій молебенъ и кропятъ его святою водою.

**) Въ Тамбовской ученой архивной комиссіи хранятся рукописныя и печатныя апокрифы: 1) *Сказаніе о чудесахъ Богородицы* (написана въ г. Олопецкѣ въ 1660 году), гдѣ между прочимъ говорится о рожденіи Спасителя: «Яко лучъ солнца чрезъ стекло проникаетъ, не нарушивши стекла, тако и Христосъ родился отъ пречистыя Дѣвы, проникнувъ сквозь тѣло Ея, дѣвства ключа не вредиль, по словеси пророка Іезекиила: та врата заключена будутъ и не отверзутся и никто же пройдетъ ими, яко Господь Богъ Израилевъ ввидеть ими». (Журн. Тамб. Архивной Комиссіи, 1885, № 46). 2) Печатанная въ Почаевской типографіи апокрифическая книга: *«Сказаніе о вольномъ страданіи и о тайной вечери Господа нашего Іисуса Христа, какъ волею своею нашего ради спасенія страсть претерпѣ, и о благовѣстіи Іоанна Предтечи во адѣ, и о сшествіи Господа нашего Іисуса Христа во адъ, и о радости праведныхъ, и о воскресеніи Господни и о введеніи праведныхъ въ рай»*. (Журналъ Тамбовской Архивной Комиссіи, 17 февраля, 1886).

прещала чтеніе и распространеніе этихъ сказаній, онѣ читались и переписывались съ жадностію.

Болѣе всего распространенъ въ Саратовской губерніи *Сонъ Богородицы*, обыкновенно крайне искаженный переписчиками; ветхозавѣтные апокрифы встрѣчаются очень рѣдко и я приведу въ пересказѣ сказаніе о предсмертныхъ часахъ жизни Адама:

Сказаніе о вѣ Адамѣ. Проживъ 900 и 30 лѣтъ и родивъ 30 сыновей и 30 дочерей, Адамъ впалъ въ смертную чрепую болѣзнь, отъ которой пришелъ въ ужасъ, такъ какъ до той поры не зналъ, что такое болѣзнь, почему велѣлъ собраться всѣмъ своимъ потомкамъ, которые сошлись и стали на три стороны. На вопросъ Сива, отъ чего приключилась эта болѣзнь и не можетъ ли онъ для утолсвія ея принести чего-либо изъ райа, Адамъ разсказалъ имъ исторію своей жизни, о сотвореніи Богомъ райа и порученіи на храненіе Адаму восточной и сѣверной сторопъ, а Евѣ—западной и южной; объ искушеніи Евы отъ дьявола и бѣдствіи, постигшемъ ихъ обонхъ послѣ паденія: въ сторопѣ райа, порученою охраненію Евы, появился дьяволъ, принявшій видъ ангела, и разговаривалъ съ Евой, оторвалъ отъ запрещенной смоковницы вѣтвь съ плодами и подалъ Евѣ; лишь только она вкусила отъ запрещеннаго плода, врагъ исчезъ и всѣ деревья райа сбросили съ себя листья. Ева почувствовала свою наготу и заплакала, но въ это время увидала смоковницу, на которой только и оставались шпрокіе листья и скрылась подъ нею. По паденіи Адама изъ этихъ листьевъ они сдѣлали себѣ одежду; въ это время раздался звукъ трубы архангела Михайла, созывающій ангеловъ въ рай, чтобы услышать судъ божій надъ Адамомъ. Посреди райа, подъ древомъ жизни, возвышается престолъ, на который, при словословіи ангеловъ, ешелъ съ неба самъ Богъ: мгновенно, съ величайшей пышностію, снова разцвѣли всѣ деревья райа. Когда ангелы стали изгонять изъ райа осужденныхъ, Адамъ просилъ ихъ помедлать, чтобы умолять милость Божію; но Богъ укорилъ ангеловъ и отказалъ въ милости. Семь (по другимъ спискамъ 15) дней сидѣли изгнанные прародители у воротъ райа и, прикинувъ къ землѣ, горько плакали; наконецъ, Ева изнемогла и вмѣстѣ съ Адамомъ отправилась искать по землѣ «свѣднаго», но обошедши всю землю и вичего не сыскавши, они возвратились къ раю и

снова стал горько плакать: «Рая, мой рай!—воскликнул Адамъ,— красота неизреченная, меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ; Милостиве, помилуй мя надшаго!» И Господь умилился, послалъ ангела Юиля, который отдѣлилъ имъ седьмую часть рая, гдѣ они поѣли сначала плода терноваго, но потомъ явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и «наставилъ ихъ на дѣла ручныя». Адамъ занялся земледѣліемъ, но дьяволъ явился къ нему и сказалъ: «Небеса и рай суть Божіи, а земля моя; если хочешь быть Божій—иди въ рай, а хочешь быть помпъ—дай мнѣ рукописаніе за себя и родъ свой, и дѣлай землю». Адамъ отгѣтилъ: «чья земля, того и я», и далъ рукописаніе дьяволу *); но послѣдній все еще продолжалъ преслѣдовать прародителей. Чтобы избавиться отъ него, Адамъ и Ева наложили на себя 40-дневный постъ: «Ева вошла по шею въ рѣку Тигръ, положивъ одинъ камень подъ ноги, а другой ва голову, каялась я молилась тамъ; а Адамъ отправился къ Иордану, въ струяхъ котораго молился 40 дней, — сюда собрался къ нему звѣри и птицы, явились съ небесъ ангелы и стали молиться за него. Дьяволъ же, пріпявъ видъ ангела, отправился къ Евѣ и уговаривалъ ее выйти изъ воды, потому что Богъ услышалъ ея молитву; но Ева осталась въ водѣ, пока пришелъ за нею Адамъ.—Далѣе въ апокрифѣ разсказывается о поселеніи прародителей въ Мадіамѣ, о рожденіи Каина и Авеля, объ убіеніи Авеля и рожденіи Сива; но Адамъ не успѣлъ окончить разсказа и позвалъ Еву, сказавъ ей, что «душа его исходитъ изъ него», и пожелалъ получить изъ рая маслячную вѣтвь. Ева съ Сивоомъ отправились за нею; на пути звѣрь горгонтій бросился на Сива, но тотъ поразилъ его. Долго плакали они, подойдя къ дверямъ рая; наконецъ, явился ангелъ и объявилъ, что отъ болѣзни Адама нѣтъ лекарства, такъ какъ

*) Въ другихъ апокрифахъ сказано, что Адамъ далъ рукописаніе, напуганной темнотою ночи, когда дьяволъ обѣщалъ ему возвратитъ дневной свѣтъ. Въ иныхъ же говорится, что онъ далъ оное за то, что дьяволъ освободилъ Каина отъ 12-ти «змѣиныхъ головъ», съ которыми тотъ родился. Рукописаніе это, данное на камиѣ, дьяволъ скрылъ въ Иорданѣ и вслѣлъ змѣинымъ головамъ оберегать его; но Христосъ, при крещеніи своемъ, поразилъ змѣй и разрушилъ камень, а потомъ, сошедши въ адъ, окончательно уничтожилъ и остатки этого рукописанія, скрыты тамъ дьяволомъ.

приблизилась его смерть, а далъ три вѣтви: *пѣва* *), *кедра* и *кипариса* (по другимъ сказаніямъ: далъ вѣтвь отъ дерева, изъ-за котораго Адамъ изгнанъ изъ рай). Изъ этихъ вѣтвей Адамъ сдѣлалъ *вѣнецъ* и положилъ его на голову; въ это время онъ увидѣлъ простертую къ нему руку Господню и съ отверзтыхъ небесъ лилась кадиланица съ ладаномъ и три ангела со свѣщами. Для духа Адамова Господь назначилъ пребываніе на третьемъ небѣ, а тѣло приказалъ арх. Михайлу отнести въ рай. Когда ангелы принесли тѣло, то съ неба раздался гласъ Божій: «земля еси и въ землю пойдешь»; на это земля отвѣтила: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще отъ всѣхъ».

Послѣ Адама скоро скончалась и Ева; арх. Михаилъ научилъ Сива похоронить ея тѣло близъ тѣла Адама и Авеля. Затѣмъ начинается въ вѣдѣмыхъ изданыхъ апокрифахъ сказаніе — о крестномъ дровѣ, миѣ не встрѣчавшееся въ народѣ.

Привожу далѣе рукописныя статьи, часто встрѣчаемыя у русскихъ и мордвы Саратовской губерніи:

Сонъ Богородицы. «Во пмя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Сонъ Пресвятыя Владычицы и Присно-Дѣвы Маріи. Во градѣ во Внолсемѣ Иудейскомѣ уснула Пресвятая Богородица на одрѣ своемъ; увидѣла сонъ о сынѣ своемъ Исусѣ Христѣ и возстала отъ сна своего, и приде къ ней Господь нашъ Исусъ Христосъ и рече къ ней: мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спала еси во святомъ градѣ во Внолсемѣ Иудейскомѣ, что по спѣ видѣла? И рече ему Пресвятая Богородица: сынъ мой возлюбленный, сладчайшее мое чадо, Исусъ Христосъ. Спала еси **) въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ Внолсемѣ Иудейскомѣ и увидала сонъ дивенъ: архангела Гавріила безилотныхъ силъ... (дальше въ разборчиво). Глаголаша: правду видѣла еси сонъ зѣло страшенъ. Тебя Господа моего Исуса Христа жидове поймали и связали и привели къ Понтійскому Пилату Игемону, ко древу кипарису распяли, руцѣ и нозѣ гвоздьми пригвоздили, и терновъ вѣнецъ на главу твою снятую возложенъ, и по главѣ ударенъ и оплеванъ и ребра твоя святыя ковилами прободоша, и абіе изыде кровь и

*) Должно быть: «пѣва».

**) Т. е.: есмь, есмь.

вода на изцѣленіе христіанамъ и на спасеніе душамъ нашимъ. И Пикодимъ старецъ тѣло твое со креста снялъ и благообразный Иосифъ плащаницею чистою обвивъ и во гробѣ новомъ положенъ. Въ третій день воскресъ еси изъ мертвыхъ и всему міру даровалъ животъ вѣчный и разодра рукописание Адамово. И рече смилъ Божій: мати моя, Пресвятая Богородица, во истину сонъ твой положенъ и праведенъ.—Аще кто его въ пути съ собою носитъ, тому человѣку не прикоснется дьяволъ, ни золь человѣкъ, ни отъ мечнаго посѣченія скорое избавленіе получитъ. Аще кто сонъ твой содержитъ въ чистотѣ, къ тому дому ни огнь, ни разбойники не прикоснутся, здравіе скотамъ, прибытокъ и по подамъ пристанище будетъ. Который человѣкъ сонъ твой при смерти помянетъ, или кого заставитъ прочитати, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ гѣхпой муки, огня неугасимаго, червя неусыпающаго, гѣмы кромѣшней и тартарары преподней, и ангели Божіи возьмутъ душу честно и понесутъ до царствія небеснаго и отдадутъ Аврааму въ рай. Амввъ». «Сей листъ Божій былъ у гроба Господня въ Іерусалимѣ; напа Римскій, о славіи Господа нашего Іисуса Христа, послать его брату своему королю, на противъ непріятель. Тотъ листъ такую имѣетъ силу: кто его хочетъ чтати и слушати, такому человѣку на 40 дней отпущеніе грѣховъ будетъ, и породитъ отроча легко, и стережетъ таконого во дни и пощи отъ каждой гадины и отъ дьявола искаріотскаго. И прошу тебя, Господа моего, черезъ муку твою святую, которую претерпѣлъ за насъ грѣшныхъ, Іоанна пророка и Предтечу Крестителя Господа нашего Іисуса Христа, остереги меня раба Божіи отъ огня и меча, стремленія соблуди мои и отъ казненія избави».

«Сей листъ найденъ въ землѣ греческой на горѣ Елеонской, предъ образомъ Архангела Михаила; листъ писанъ золотыми литерами. И рече Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго: мати Божества моего, ежели бы день недѣльный читали... (пропускъ, неразборчиво *); я вамъ далъ 6 дней рабогати, а седьмой день пѣ недѣли освятитиша. Ежели повелѣніе мое не будете хранишь, папущу на васъ, и возставутъ царь на царя, король на короля, отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, сосѣдъ на

*) Приводя здѣсь бывшіе у меня въ рукахъ апокрифы, я не помѣняю чтенія, исправляя только безобразныя искаженія писавшаго.

сосѣда, и будетъ между вами великое кровопролитіе на землѣ. И всѣхъ васъ оскорблю (?) и пищу отъ васъ отиму. Еще васъ наказывать буду громомъ и снѣгомъ, и вауицу на васъ птицѣ летающихъ, начнутъ летать и кусать, и будетъ злое похѣтріе восходитъ. Еще приказываю вамъ, дабы въ субботу по вечеру не работали для Матери Мося, Пресвятой Богородицы, и ежели бы она за васъ не молилась и ангели ваши хранители, уже бы вы давно погибли горькою смертію. Въ Воскресенье Христово, въ недѣлю дабы каждый человѣкъ, старшій и младой, съ женами и дѣтьми своими до церкви Божьей ходили и воспоминали о грѣхахъ, что согрѣшили за эту недѣлю, и всякихъ работъ не работали бы и злыхъ дѣлъ не творили бы. Да еще вамъ приказываю ради Матери Мося Пресвятой Богородицы, ради ангеловъ вашихъ хранителей, не клянитесь небомъ и землею; гнѣвъ не держите другъ на друга; святителей чтите, нищимъ и убогимъ милостыню подавайте, не гордитесь, отца и мать чтите, то дамъ вамъ царствіе небесное и отпущу грѣхи ваши и дамъ покой вѣчный. Последнее вамъ приказываю, дабы вѣрили сему листу и ежели который человекъ сему листу вѣрить не будетъ, тотъ человекъ безъ причастія за грѣхи свои умретъ злой смертію. Ежели который человекъ сему листу вѣрить будетъ и сей листъ при себѣ имѣть будетъ отъ дому до дому читать, или писать и списавши отсылать по дальнѣйшимъ странамъ, и тотъ человекъ, если бы что имѣлъ то (какъ) на небеси звѣзды, или какъ песокъ въ морѣ, или какъ листь на деревѣ, отпущеніе грѣховъ будетъ в царствіе небесное получить. Ему же честь и слава паче присно и вѣки вѣковъ, аминь». (У мордвы с. Оркина, Саратов. уѣзда, 1880 года).

Сонъ Пресвятыя Богородицы Дѣвы Маріи (какъ заговоръ). «Почивала Марія матушка Пресвятая Богородица во святомъ градѣ во Внолеемѣ Іудейскомъ и прійде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече Ей: Мати моя возлюбленная, снала еси во снѣномъ градѣ во Внолеемѣ Іудейскомъ, что ты во снѣ видѣла? Она же рече: крестъ, аггеловъ изва, со мною рабою Божіей колесница и сила съ херувимами и серафимами и небесными силами, архистратигами. Михаилъ архангелъ и Уриилъ архангелъ оградите меня съ кандидатами (?) своими святыми, закройте ризами своими нетлѣнными и да благословите меня во всякомъ времени, отъ

стрѣлы и пули защитите меня ризами своими нетлѣнными, и отъ колдунѣвъ и отъ колдунѣвъ, и отъ всякихъ притоковъ, всякихъ заговоровъ и отъ всякаго глаза печистаго, отъ ружьенъ и пистолетовъ, отъ мушкетеновъ, отъ стрѣлъ летящихъ: свинцовыхъ, желѣзныхъ и пуль чугуныхъ, каменныхъ и всякихъ злыхъ вещей не были бы на менѣ раба Божія (имя рекъ), или падите въ сыру землю, падите и оглушите неприятелей пули и стрѣлы и страхъ нестерпимый, аки стрески (стрѣлки?) огненной, уже по повелѣнію Господню небо и земля потрясется, вся та суть ужасошася, которая меня раба хочеть стрѣлою убить, кровь мою пролить. Лихіе люди, супостаты, воры, разбойники, таковы противъ меня раба Божія (имя рекъ) сопротивниковъ и злыхъ людей, тѣхъ изъ сердца жплѣе в суставы и горячую кровь, и потресеся, и ужаснулсь-бы Господа Іисуса Христа, Сына Божія. Помилуй мя грѣшнаго раба своего! Ты Господи — Богъ, я рабъ твой, а Ты заступникъ и всякому дѣлу помощникъ, меня раба Божія (имя рекъ) на семь свѣтѣ утверди, тѣло и душу, сердце съ печенью, кости съ жилами, суставы, горячую кровь, и не сотвори булату крѣпкому отъ злыхъ людей, отъ пуль острыхъ и отъ всякаго смертнаго побойца, и защити ризами своими нетлѣнными. Ты Господи терпѣливый... (неразборчиво) всякому душу непоиную. Спаси всякаго челоука, Ты Господи, терпѣливый грѣхамъ нашимъ темнымъ, пожди раба Божія на покаяніе, и сохрани того и съ душею отъ смерти, Владыко многомилостиве Создателю, сотворивый небо и землю, аминь». (Списано у Мордвы с. Оркипа, въ 1880 г.).

Сонъ Богородицы (*какъ стихъ*). Князь Ѡ. С. Голицынъ записалъ со словъ 80-лѣтней старухи, Анны Яковлевны, изъ с. Одосвицы, Хвалынскаго уѣзда, «стихъ» о свѣ Богородицы («Саратовскій Сборникъ», т. I, 1881):

Матушка Марія,

Ты гдѣ спала, припочивала?

— Во городѣ Виолеемѣ,

Въ Божьей Церкви на престолѣ;

Мало почивъки спалѣся,

Много во свѣ видѣлося;

Во-вторыхъ Христа породила,

И во пелены пелсвала,

Да и въ полсъ совивала;
Во Иорданѣ Христа искушала,
И на той святой рѣкѣ, на Иорданѣ,
Выросло святое дерево кипариса;
На тѣмъ святымъ деревѣ кипарисѣ
Явился чуденъ крестъ животворящій,
И на тѣмъ чуднымъ крестѣ животворящемъ
Быть Иисусу Христу распятому.
На крестѣ Христа распіяли,
Руки, ноги гвоздьми прибивали,
А тутъ копьемъ ребро прибрюшали,
Торпозъ вѣнозъ набивали,
Святую кровь проливали,
Уста кровью помазали.
На крестѣ Христосъ возопиулся,
Во сыру землю опустился,
Пескамъ засыпался,
И камнями заложался,
И приставили къ Иисусу Христу
Иудеи полки — полками.
Какъ полки во кругъ свершулись,
Такъ истиннаго Христа
Святымъ Духомъ не взвидали,
И вознесся самъ Господь
Ко Матушкѣ ко Маріи.

И сталъ Иисусъ говорить
— Матушка Марія, спишь али не спишь,
Али на меня Христа вдвое зришь?
— «Сладкое Мое сыне, Иисусъ Христосъ,
И сплю и не сплю,
И на тебя Христа вдвое зрю;
Привидима мнѣ страшѣнъ совѣ
И грозенъ и милосливъ».
Да кто этотъ совѣ понимасть,
Рабъ или рабыня,
Во очищеніи пребываетъ,
И по трѣжде на день

Проговаривать станетъ,
Тотъ человѣкъ
Сохраненъ будетъ, помплопаль;
Сохранить его Господь
Отъ огня отъ палищаго,
Отъ смолы кипучей,
Отъ мукъ вѣчвой,
Отъ тьмы кромѣишой;
И сохранить Господь
При путѣ при дорогѣ,
При чистыимъ полѣ,
При свиимъ морѣ;
Сохранить его Господь
На водахъ, на моряхъ
И на потопахъ.

Слава Отцу и Сыну и Св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

По народнымъ попятіямъ стихъ этотъ обладаетъ цѣлебными и чудесными спойствами и читается для исцѣленія больныхъ, а также въ видѣ заговора, при встрѣчѣ съ дикимъ человѣкомъ: въ последнемъ случаѣ въ концѣ стиха, послѣ словъ «и на потопахъ» прибавляютъ:

Сохрани меня Господи
Отъ пуговицы отъ мѣдной (отъ пули)
И отъ обука желѣзнаго (топора).

Вариантъ. Слѣдующій вариантъ «Сна Богородицы» самый распространенный въ Хвалынскомъ уѣздѣ, списанъ княземъ Голицынымъ съ рукописи:

«Спала еси матеръ наша, Пресвятая Богородица, во слятомъ градѣ во Виелсемѣ Иудейскомъ и приде къ ней Господь нашъ Иисусъ Христосъ и рече ей: О мати моя, пречистая Богородице! спши ты или нѣтъ? Рече къ нему пречистая Богородице: возлюбленный сыне, Боже мой, сладчайшее мое чадо и сердце! заснула я на малъ часъ въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ Виелемѣ и видѣла сопь весьма страшень: какъ-бы тебя Господа Бога моего Иисуса Христа, у жидовъ пойманнаго, руди и нози твои отъ беззаконныхъ жлдовъ связана и приведеннаго къ Понтійскому Пи-

лату Игемону, осужденнаго на смерть крестную и на гору Голгоу за святую выю цѣлью влеча; въ лице твое святое плсваху, руки и позн ко кресту пригвоздиша, терновъ вѣпецъ на главу твою святую возложиша, тростію по главѣ твоей ударяху, оцтомъ съ желчью напоиша; отъ воинъ коіемъ ребра твоя святая прободена, изъ нихъ изыде кровь и вода. Рече къ ней Господь памъ Исусъ Христосъ: во истину сонъ твой не ложенъ, а праведенъ есть, потому что глаголемое тобою сбудется,—что буду отъ беззаконныхъ жидовъ поруганъ и на крестѣ распятъ, и въ третій день воскресну, всѣмъ мертвымъ животъ даруя, сущихъ изъ ада съ собою возведу и на небеса вознесу, и тебя, Пречистая Матерь, поученіемъ своимъ возвеличу; на небеса вознесемъ со мною во вѣки вѣкомъ, аминь.

«Аще кто человекъ сей Сонъ Богородицынъ въ домѣ своемъ держитъ, къ тому дому не прикоснется ни огнь, ни воръ и ни какой злой человекъ. Аще который человекъ сей Сонъ Богородицынъ при себѣ въ чистотѣ держать будетъ и холить, тотъ человекъ избавленъ будетъ вѣчной муки, или кто въ путь свой съ собою носить, къ тому человеку не прикоснется всякое бѣсовское навожденіе, звѣрми съѣденъ не будетъ и отъ разбойниковъ ограбленъ не будетъ—архангелъ Михаилъ путь указываетъ. Аще который человекъ и въ судъ пойдетъ, и тотъ человекъ оправится предъ судомъ и отъ людей прощенъ будетъ. Аще который человекъ сей Сонъ при смерти своей помянетъ и ангелы божьи спадутъ на душу его и примутъ въ царствіе небесное, во вѣки вѣковъ, аминь.

«Рече Господь матери своей: аще кто сей Сонъ и страсти мои ставеть въ дому своемъ держать, тотъ домъ сохраненъ будетъ отъ злыхъ супостатовъ и нечистыхъ духовъ. Аще рабъ божій (имрекъ) пойдетъ предъ царя или вельможу и сей сонъ возьметъ съ собой, и онъ, рабъ божій (имрекъ), отъ царя помилованъ будетъ, отъ вельможъ пожалованъ, на судъ кривымъ не будетъ осужденъ. Аще рабъ божій (имрекъ) пойдетъ въ путь и сей Сонъ съ собою возьметъ, и тотъ рабъ божій (имрекъ) избавленъ будетъ отъ тлетворныхъ и смертоносныхъ язвъ, отъ напрасныя смерти деннаго, полуденнаго, ночнаго и полуночнаго бѣса, отъ семидесяти притокъ, денныя, ночныя, подяныя и вѣтряныя. Аще рабъ

божіи (пирекъ) пойдеть въ бесѣду и сей Сонъ съ собою возьметъ, и въ пиру избавленъ будетъ отъ злыхъ еретиковъ и отъ колдуновъ. Аще пойдеть въ лѣсъ, избавленъ будетъ отъ деревяннаго лому и отъ ядовитаго гада. Аще рабу божію и смерть случится и сію молитву въ чистотѣ сохранить, и сохранить душу его Богъ: бѣсы ея не возьмутъ, а возьмутъ святые ангелы Господни, отнесутъ къ Аврааму въ рай.

«Сіе святое письмо писано чудеснымъ образомъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, писано собственною его рукою золотыми литерами еврейскимъ языкомъ; найдено въ верстахъ отъ града Іерусалима во изображеніе честнаго креста Господня. Письмо сіе было пестолковано семилѣтнимъ мальчикомъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ до сужденнаго онаго письма. Письмо сіе должно носить при себѣ и давать оное каждому христіанину, кто только пожелаетъ и попроситъ оное списать у тебя; оно писано моею собственною рукою и произнесено моими устами; будутъ прокляты тѣ, которые будутъ скрывать его въ своихъ домахъ и не будутъ объявлять о семъ никому—любящимъ мя; посрамлены они будутъ въ день страшнаго суда Божія, а кто пожелаетъ прочесть или списать — будетъ мною благословляемъ отнынѣ и до вѣка, хотя бы они сдѣлали столько грѣховъ, сколько на небѣ звѣздъ. Всѣмъ тѣмъ, которые будутъ носить письмо сіе или имѣть на домѣ своемъ, то никогда ни злой духъ, ни громъ, ни огонь, ни язва, ни другія же подобныя бѣды не прикоснутся ямъ и тому дому будетъ слава Божія и честь отъ людей во вѣки вѣковъ, аминь».

Свитокъ Іерусалимскій. «Во Святомъ градѣ бысть явленіе предивно: въ церковь Божию палъ съ небеси камень, малъ бѣ и студень и тяготы ему не могутъ вѣдать. И падъ тотъ камень въ 3-мъ часу дня. Патріархъ Іерусалимскій со всѣмъ соборомъ молебень имѣлъ три дня и три ночи; въ четвертый день камень тотъ распадася на 4 части. Этотъ свитокъ Богомъ написанъ, и въ немъ пишеть: тако глаголетъ Господь, послушайте, людіе мои, челоуѣколюбиваго моего писанія и словесъ моихъ: Азь Богъ вашъ пишу къ вамъ, первую и вторую и послѣднюю мою заповѣдь, а словеса мои никогда не прендуть. Уже вамъ, окаянныи, много времени и лѣта ваши скончаваются и страшный судъ готовится, Престолъ

Господень содѣвается, книги судей разгибаются и дѣла ваши обличаются; Азъ, Господь вашъ Иисусъ Христосъ, прїяду судити живыхъ и мертвыхъ, воздамъ каждому по дѣламъ вашимъ. Безумные человѣки, поживите въ совѣтѣ и любви между собою, дѣлайте правду, Воскресеніе мое чтите честно и духовно, такожде и праздни-ки Господни почитайте, среду и пятокъ постытесь, (ибо) сотворилъ Богъ перваго человѣка Адама на земли, въ ту же пятницу меня жидове ко вресту гвоздьми пригвоздили, и копїемъ въ ребро прободоша за ваши беззаконїя, а въ Воскресеніе Христово изъ мертвыхъ воскресъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ съ собою; въ то же Воскресеніе Христово начатокъ вашего спасенїя.

«Аще который человѣкъ Воскресеніе Христово на трудъ помогаетъ и хочетъ себѣ прибытку получить, и тотъ человѣкъ собираетъ на главу свою огнь и погубить себя всю седмицу; а Воскресеніе Христово далъ Богъ человѣкамъ рабамъ и рабынямъ и скотамъ на покой. Праздники Господни празднуйте съ любовью, не объяденїемъ и не пьянствомъ; другъ друга любите и прославляйте имя мое. Сиротъ и вдовицъ не брежете и не милуете, за то и сами не получите; нищимъ и убогимъ милостыню не творите и не милуете, за то и сами не помилованы будете. Безумные человѣцы! посмотрите, какъ невѣрные языка вашего не знаютъ, а Бога знаютъ, нищимъ и убогимъ милостыню подають по своей вѣрѣ. Вы, безумные чело-вѣцы, по моему закону жить не хотите и меня не слушаете. Азъ есмь Господь вашъ, Творецъ небу и земли, долготерпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣвался на васъ окаянныхъ и жду вашего обращенїя ко мнѣ. За влїя дѣла ваши послалъ бы васъ всѣхъ окаянныхъ сгубить до конца, да еще молится за васъ окаянныхъ Пресвятая Богородица и Ангелы ваши хранители. И еще умилосердюсь на васъ окаянныхъ, жду вашего обращенїя къ себѣ; и еще на покаянїе Азъ на васъ окаянныхъ напущу мѣлїю, невѣрные языки, и пролію кровь вашу за ваши беззаконїя; напущу на васъ мразъ и огнь и моръ и жажду, не дамъ воды, и рѣки и источники, за злыя дѣла вашы, за неправду, изъякнуть; не дамъ вамъ дождя на землю, теплоты солнечной во время (созрѣванїя) плодовъ земныхъ. И Азъ на васъ, безумные человѣцы, аще не покаетесь, отверзну уста свои и пущу на васъ камни горящїе, воду кипящую и не можете укрыться отъ крѣпкія руки Мой и отъ все-

видящаго ока моего. И еще пуцу на васъ звѣрей двуглавыхъ, крылатыхъ, и поѣдятъ сердца ваши и плоть нашу. Еще пуцу на васъ звѣрей лютыхъ: главы у нихъ львины, а крылья орлины, а власы у нихъ женскія; и пуцу на васъ тьму велику. Окаленные, восколеблетесь аки черви, проподающе (sic) въ землѣ, начнете раскапывать гробы мертвыхъ своихъ, речете отцамъ и матерямъ, братьямъ и сестрамъ и сродникамъ своимъ: «примите насъ къ себѣ отъ гнѣва божія и сильныхъ лютыхъ звѣрей, не можемъ мы терпѣть и укрыться». Тогда отвращу лице свое отъ васъ и не послушаю гласа вашего и плача и рыданія; вы бо слѣны сердцемъ, душегубцы и лукавцы: братъ брату, другъ другу завидуете, немилостивые. Какъ оставили свѣтъ и не взлюбили? Земля не пожретъ (?) за ваши беззаконія и неправду и непослушаніе, ограбители чужаго пмѣнія! — Милостивно нищимъ не творите, какъ можете отвѣтъ дать въ день судный предъ праведнымъ Судією? Пишу вамъ спасеніе въ наказаніи, а кто сему листу не вѣритъ, и тотъ чловѣкъ будетъ проклятъ и горе тому чловѣку, что о правдѣ глаголетъ, а неправду творитъ. Честь и слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Сказаніе о мукахъ. «Рече Мати Пресвятая Богородица архангелу Михаилу: веди меня, гдѣ многіе народы мучатся, гдѣ тьма кровѣшная. И приведе Ее арханг. Михаилъ ко древу желѣзному, на немъ вѣтви желѣзныя и огненныя, и тутъ мнози народы мучатся. И рече Пресвятая Богородица: сіи люди о какихъ грѣхахъ мучатся?—Рече архангелъ: кто вздоръ смутилъ, того ради мучаются. И рече Пресвятая Богородица: поведи ко иной мукѣ. И приведе Ее къ палатамъ желѣзнымъ, тутъ мнози люди мучаются. «О какихъ грѣхахъ мучаются?» Рече архангелъ Михаилъ: судъ неправедно судяте, правыхъ виноватыми, а виноватыхъ правяте, мздомцы. Рече Пресв. Богородица: поведи къ иной мукѣ. Приведе Ее архангелъ къ рѣкѣ огненной; течетъ рѣка отъ востока къ западу; въ ней многіе народы мучаются за то, что по воскреснымъ днямъ блудъ творили; еще которые отцовъ духовныхъ бранили, оныя стоятъ по уста въ рѣкѣ огненной. Рече Пресв. Богородица: поведи ко иной мукѣ. И приведе Ее въ рѣкѣ темной, въ пей вой и визгъ, и рече архангелъ: жида, неправедно Христа распявшие. Рече Богородица: о горе богохульникамъ, отступникамъ

проклинающимъ Бога! И приведе Ее архангелъ Михаилъ къ червію неусыпающему и рече: поста не знали, среду и нитокъ не соблюдали, на покаяніе къ отцамъ духовнымъ не ходили, тѣло и крови Христовой не принимали. И рече Богородица: что въ рѣкѣ огненной стоятъ въ бѣлыхъ ризахъ, за что люди эти мучаются? Рече архангелъ: патріархи, митрополиты, архіепископы, игумены, иоцы, діаконы и весь причтъ церковный, видя свѣтъ возлюбила тьму, заповѣдь не наблюдали, дѣтей своихъ духовныхъ страху божію не научали, царство небесное затворили, злыя дѣла дѣлали,—о томъ мучаются. И приведе Ее архангелъ ко злымъ зубамъ (sic), скрываютъ тѣло человеческое, и рече: мпlostыню не подавали, страниихъ и вдовицъ не принимали, того ради мучаются. И приведе Ее, гдѣ скрежетъ зубами лютъ, и рече: за то мучаются, о горе, князи и бояре, что неправедно судили своихъ подданныхъ... (пропускъ). И рече Пресвятая Богородица: сіи люди за какіе грѣхи мучаются? Идоламъ служители. Прослезися Пресв. Богородица, видя гибель рода человеческого. Аминь». (Село Орѣино, 1880 г.).

Въ словъ о видѣніи Апостола Павла разсказывается слѣдующее. Вся природа жалуется Творцу, на беззаконія людей, объясняя, что вся тварь повинется Богу, только одно человѣчество согрѣшаетъ. Солнце, луна, звѣзды и особенно земля постоянно вопіютъ и просятъ Бога дать имъ власть отмстить людямъ за ихъ беззаконія, но долготерпѣливый Судія постоянно удерживаетъ тварь отъ такого отомщенія, ожидая, что грѣшники обратятся на путь истинный. Ангѣлы являются передъ Престоломъ Божіимъ съ добрыми и злыми дѣлами людей и огорченные беззаконіями и несправностью людей, приставленные къ грѣшникамъ ангелы съ плачемъ и рыданіемъ спрашиваютъ: нужно-ли имъ служить грѣшнымъ людямъ. Милостивый и долготерпѣливый Судія велитъ имъ продолжать ихъ служеніе.—Затѣмъ въ апокрифѣ разсказывается *видѣніе* Апостола. Сопутствуемый ангеломъ, апостоль Павелъ осматриваетъ мѣста святыхъ и праведныхъ, гдѣ они пребываютъ, и затѣмъ сходитъ въ бездну, гдѣ тьма и адъ и куда уносятся души грѣшниковъ. На путь, подъ твердію небесной, апостоль видѣлъ страшныхъ и немилосердыхъ аггеловъ, лица которыхъ исполнены ярости, зубы выше рта, глаза свѣтятся какъ звѣзды, изъ устъ выходитъ пламень огненный. Эти грозныя существа посылаются за душами

невѣрныхъ людей; на небѣ же находились другіе ангелы, лица которыхъ свѣтились какъ солнце, чресла препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ они держали печать Божію и свитокъ съ написаннымъ на немъ именемъ божіимъ: это—ангелы, посылаемые за душами праведныхъ. Ангелъ показалъ апостолу души праведныхъ и грѣшныхъ, отходящихъ отъ міра: въ часъ смерти праведника, предстаютъ предъ нимъ всѣ добрыя дѣла, и добрые ангелы, взявши душу его, несутъ ее къ престолу божію, гдѣ она получаетъ назначеніе идти въ «рай пшци» до дня Воскресенія. Далѣе ангелъ показываеъ апостолу мѣста праведныхъ и возвелъ его на третье небо, у воротъ котораго стояло два золотыхъ столпа съ скрижалями и написанными на нихъ именами работающихъ Богу всѣмъ сердцемъ, бывшихъ и сущихъ въ мірѣ. Вошедши во врата, апостолъ увидѣлъ «землю, текущую медомъ и млекою и свѣтящуюся паче серебра», со множествомъ деревьевъ, покрытыхъ обильными плодами, появляющимися 8 разъ въ годъ; здѣсь Исаія встрѣтилъ и облобызалъ его. Потомъ Ангелъ повелъ его къ Херусійскому озеру, на которомъ находится градъ Христовъ; явился золотой корабль и, соутствующимъ пѣніемъ ангеловъ, апостолъ вступилъ въ чудный градъ, «свѣтъ котораго паче свѣта міра сего». Градъ окруженъ 12 стѣнами съ 1000 столповъ внутри каждой стѣны; въ градѣ протекали чудныя рѣки: на западѣ рѣка медвяная, съ юга молочная, съ востока — съ виномъ и елеемъ, а съ сѣвера — масляная. У высокаго алтаря, что посреди града, стоялъ царь Давидъ съ псалтырю и гуслями и своимъ пѣніемъ наполнялъ весь городъ, а находящіеся на столпахъ вратъ громко возглашали: «аллилуя», отъ чего потрясались основанія града. Отсюда ангелъ перенесъ апостола на западъ солнца за океанъ, обходящій вселенную, въ то мѣсто, гдѣ пребываютъ души неувѣрныхъ и грѣшныхъ, гдѣ «тьма, скорбь и туга», гдѣ течетъ рѣка, пылающая неугасимымъ огнемъ и, обходя съ нимъ эти ужасныя мѣста, объяснилъ, за какія беззаконія мучатся здѣсь грѣшники; затѣмъ подвелъ его закрытому кладезю, откуда исходилъ невыносимый смрадъ и куда ввергаются души не исповѣдавшихъ воплощенія Господа Иисуса. Осмотрѣвъ всѣ муки грѣшниковъ и ужасы этого мѣста, апостолъ Павелъ, съ арханг. Михаиломъ и небесными силами, сталъ молить Господа помиловать свое созданіе; отъ воплей молящихся колебалось небо и

явившійся Сынъ Божій изрекъ опредѣленіе: «дать покой сущимъ въ мукѣ въ ночь и день святаго педѣли». Въ заключеніе всего ангелъ показалъ апостолу «Эдемскій рай» съ четырьмя рѣками и древомъ, отъ котораго выходили эти рѣки. На древѣ почивалъ Духъ Божій, который когда «дыхалъ», то шли воды. Здѣсь же апостоль видѣлъ древо познанія добра и зла и древо жизни, Пресв. Богородицу, сопровождаемую въ прогулкѣ 200-ми ангеловъ, Авраама Исаака, Иакова, Илію, Елпсея и Ноя, съ которымиъ разговаривалъ о потопѣ.

Списокъ дней. «Аще кто въ таковыя мѣсяцы и въ объявленныя числа станетъ жениться, тотъ человекъ не обрадуется; кто заблѣетъ въ тѣ дни — живъ не будетъ, и ежели родится въ человекѣцѣхъ или скотѣхъ—своей горести не избудетъ; кто домъ новый поставитъ, то не будетъ въ немъ жить; кто въ путь пойдетъ — разбойники убьютъ, или потонетъ, во всемъ смерть является; кто чѣмъ посѣтетъ, то не взойдетъ. Подобааетъ всякому православному христіанину таковыя дни хранить: Сентябрь — 2 и 26 числа. Октябрь—19 и 21. Ноябрь—2 и 24. Декабрь — 2 и 27. Январь—2 и 19. Февраль—2 и 24. Мартъ—3 и 25. Апрѣль—3 и 12. Май—7 и 8. Іюнь—2 и 21. Іюль—6 и 28. Августъ—6 и 18. Аминь».

Въ декабрѣ 1887 года крестьянинъ с. Вязовки (Саратовскаго уѣзда) А. Ф. Кузнецовъ, бывшій волостной старшина, доставилъ мнѣ рукописную тетрадку славянскаго письма, какъ видно не очень дапно списанную: на оберткѣ изображенъ осьмиконечный крестъ, съ копіемъ, тростью и подписями, внизу два деревца. Тетрадь эта содержитъ опять «Сонъ Богородицы», малограмотный варіантъ уже приведеннаго текста, а затѣмъ «Хожденіе по мукамъ» и «Сказаніе о пятницахъ», которые привожу дословно, пополняя лишь титла и исправляя грубѣйшія ошибки и описки.

Слово отъ хожденія пресвятой Богородицы *узрити, идъ муки вѣчныя, и видѣти мѣста мученія грѣшникомъ*. «И взыде на гору Сіонскую и помолися. 1-й судъ. И поведе Михаилъ архангелъ открыти западную страну и видѣ пресвятая Богородица народу множество, мужей и женъ, кипящіе во озерѣ огненномъ, и рече Михаилу архангелу пресвятая Богородица: согрѣшеніе какимъ людямъ *)?

*) Т. е.: какое согрѣшеніе этихъ людей?

—То суть патриархи, попы, и князи, и черницы, которые не учили страху Божию дѣтей своихъ. 2-й судъ. И тогда пондоша на иное мѣсто и тамо много мужей и женъ и дѣтей плачущихъ съ великимъ рыдаиёмъ, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу: какое согрѣшеніе ихъ?—То суть, (кто) не вѣровали во святую Троицу. 3-й судъ. И тогда пондоша на иное мѣсто и видѣ рѣку огненную болѣе въ 2-й тѣмы (?), и много народу мужей и женъ аки въ Черномъ морѣ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—Оный судъ жидовъ, которые Христа распинали отъ тебя тѣлу оскорбляли... глаголя: буди имъ по дѣломъ ихъ. 4-й судъ. Тогда пондоша на иное мѣсто и видѣ пресвятая Богородица тѣму кромѣшную и во оной много мужей и женъ. Пресвятая Богородица вопросы: что согрѣшеніе ихъ?—То суть тати, которые крали и не покалясь, буди имъ во вѣки мучиться. 5-й судъ. И рече Михаилъ архангель: куда, госпожа пресвятая Богородица, хочещи итти на северъ или на востокъ? И приступиша къ ней херувимы и серафимы всего... *) ангеловъ и пондоша на полуденную страну, и видѣ пресвятая Богородица и прослезися и рече Михаилу архангелу: что согрѣшеніе ихъ?—Что по груди стоятъ во огненной рѣкѣ, родителей не слушали своихъ; сверхъ головъ горять, то суть кумоложествовали и скверпословили, и блудницы. 6-й судъ. Тогда пондоша на иное мѣсто и тамо много мужей и женъ висящія за уши. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть божественнаго писанія не хотѣли слушать и ближняго своего слыша добру ученія во зло превращали. И тутъ произгласила пресвятая Богородица и рече: лучше бы не родиться тѣмъ чловѣкомъ. 7-й судъ. И тогда пондоша на иное мѣсто и увидѣ пресвятая Богородица много висящихъ за ноги и червіи ихъ ядоша, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То разбойники и душегубцы. 8-й судъ. И рече Михаилъ архангель пресвятой Богородицѣ: пойдемъ на западную страну, и приступиша къ ней херувимы и серафимы всего... **) ангеловъ, и пондоша на западную страну, и увидѣ тамо облакъ простертой, на томъ облацы постели огненные съ хитростію, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—

*) Въ рукописи неясно: кажется у съ титломъ, т. е. 400.

**) Буква ѡ съ титломъ, вѣроятно писавшій хотѣлъ означить 4.000 ангеловъ.

То суть не вставали къ заутрени и литургіи въ недѣль дни и господніи празники и лежали. И рече пресвятая Богородица: немощенъ и есть бо немощнымъ мученіе. 9-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица на ономъ мѣстѣ столбы огненные и на тѣхъ столбахъ сидѣша много мужей и женъ, горящихъ пламенемъ огненнымъ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ? И рече Михайлъ: то суть священники, что не вставали во время литургіи въ церкви святой. 10-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица множество лютыхъ мукъ и вельми страшныя муки и рече: что согрѣшеніе ихъ?—То суть пентуны *), язычники и блудники и сквернословцы и сквернонѣспословцы, которые на божественное пѣніе и нехотятъ читать и ругаяся о немъ. Буди имъ по дѣломъ ихъ. 11-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица много людей висящихъ и по тѣлу ихъ кровь текуще, языки ихъ связанные, и помолися пресвятая Богородица: о коихъ грѣхахъ мучаются?—То суть священники, что службу божию нерадѣніемъ служили. 12-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица много мужей и женъ, звѣріе терзающе тѣла ихъ: то суть окалнныя жидове, кои Исуса Христа мучили и распяли, копіемъ били и... плевали, и трость въ руки давали, и желчію во уста его вливали, и терновъ вѣнецъ на главу возложиша, и копіемъ в... бодоша, и камень великій ко гробу привалиша и...

И восплавася пресвятая Богородица. 13-й судъ. Еще видѣ пресвятая Богородица людей, висящихъ за языки, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То судъ тѣмъ, которые квити читаютъ, а зло творять. 14-й судъ. Еще видѣ пресвятая Богородица мужей и женъ, изъ устъ ихъ пламенемъ пылаеть сердца ихъ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То судъ нянницамъ и тѣмъ мужьямъ, кои женъ своихъ (покинули) и чужихъ имѣли или жены своихъ мужей покинули за другаго мужа. 15-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица множество женъ, лежащихъ во огнѣ, и червіе ихъ ядоша и зубами желѣзными терзаютъ тѣло ихъ. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть чловѣцы въ блудъ впадаютъ и не покаялись. 16-й судъ. Тогда пондоша на пное мѣсто и видѣ пресвятая Богородица озеро огненное, изъ него изходитъ рѣка огненная аки кровь, и въ той рѣкѣ множество мужей и

*) Шептуны?

женъ. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть прелюбодѣи, немилосердїи сребролюбцы и не покаявшїи во грѣхахъ своихъ. 17-й судъ. И рече пресвятая Богородица: поидемъ, Михаила архангелъ, на другую (страну), и приступиша къ ней 4000 ангеловъ, и увидѣ пресвятая Богородица рѣку огненную, въ той рѣкѣ много мужей и женъ въ котлѣ кипящїе и червіе ихъ ядоша. И рече пресвятая Богородица: что ихъ согрѣшеніе?—То суть христіанне смертоубійцы и отрекались отъ Христа и отъ святаго духа и блудствовали съ ... сестрами и разбойники младенцевъ губили. И рече пресвятая Богородица: буди имъ по дѣломъ ихъ; покрылась рѣка огненная. 18-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ: поидемъ, пресвятая госпожа Богородица, поведе ся... прошеніе оныхъ страждущихъ къ царю и Богу нашему, и тогда гласъ невидимъ бысть: Маріе, сіе мученіе, не будетъ имъ конца ихъ. И рече пресвятая Богородица: не молюся тебѣ, Господу моему, за живовъ, но за грѣшныя христіанскїи души. Потомъ рече Господь нашъ Ісусъ Христосъ: за иствореніе моеи воли и за несоблюденіе вѣры христіанской и за непослушаніе заповѣдей моихъ и евангелїя моего по отступленїи отъ вѣры. И рече пресвятая Богородица: пощади, Господи, созданіе свое, христіанскїи души, и пзведи отъ муки вѣчныя. И рече Господи: азъ сотвориля перваго человѣка Адама и Еву и они заповѣди мои преступиша, но за миръ христіанской воплотися и бысть мученъ за искупленїе ихъ ниже отъ вѣры мол любви и надежды: ко спасенію буди имъ по дѣломъ ихъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

Двѣнадцать пятницевъ годовые.

«1-я пятница на первой недѣли великаго поста: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ незанною смертію не умретъ.

2-я пятница предъ Благовѣщенїемъ пресвятой Богородицы: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ непрїятеля сохраненъ будетъ.

3-я пятница на Страшной недѣли великаго поста: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ воревъ сохраненъ будетъ.

4-я пятница предъ Вознесенїемъ Господнимъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ потопленїя по водамъ сохраненъ будетъ.

5-я пятница предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка сохраненъ будетъ.

6-я пятница предъ Сшествіемъ св. Духа: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ остраго меча сохраненъ будетъ.

7-я пятница предъ Пророкомъ Іліею: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ убіенія громомъ сохраненъ будетъ.

8-я пятница предъ Успленіемъ пресвятой Богородицы: кто сію пятницу будетъ поститься, тотъ человѣкъ отъ сушенія трясовицы сохраненъ будетъ.

9-я пятница предъ Кузьмою Доміаномъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ смертнаго грѣха избавленъ будетъ.

10-я пятница предъ Михаиломъ архангеломъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидитъ имя свое написано будетъ у пресвятой Богородицѣ на престолѣ.

11-я пятница предъ Рождествомъ Христовымъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ при смерти своей увидитъ пресвятую Богородицу.

12-я пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидитъ имя свое у Господа нашего Іисуса Христа въ животныхъ книгахъ.

Аще кто въ назначенные пятницы дѣласть суевѣрія, приближается къ своей женѣ на блудъ, отъ того человѣка народится у нихъ дѣтища слѣпъ, или нѣмъ, или глухъ, или воръ, злонравникъ; того ради всякому человѣку таковыя дни блюсти должно во вѣки вѣковъ, аминь».

Въ той же рукописи помѣщенъ еще другой варіантъ *Хожденія пресвятой Богородицы по мукамъ*.

Хранитель Саратовскаго Радищевскаго музея А. Л. Кущъ доставилъ мнѣ (въ 1887 г.) прибрѣтенную имъ въ г. Саратовѣ не большую тетрадку, не очень стариннаго славянскаго письма, содержащую *псалмы*: Іисусу прелюбезному; Іисусу сладчайшему; Святому Духу; Богу Саваоѳу; псалма Каплуновской Богородицѣ; Ахтирской Богородицѣ; Іоакиму; Іисусу, когда ишелъ на вольную страсть; Воскресенію Христову; Адаму; Всѣмъ христіанамъ; Онуфрію святому; архидіакону Стефану; псалма монаху и проч. Книжка эта была въ большомъ употребленіи и сильно обветшала.

Эти псалмы, известнаго типа, рюмованныя, обязаны своимъ происхожденіемъ школьному стихотворству. Въ настоящемъ спискѣ, видимо очень употреблявшемся, они крайне безграмотны, и это указываетъ на степень образованія церковниковъ, въ средѣ которыхъ и черезъ которыхъ они должны были въ особенностъ распространяться.

Строй жизни духовенства въ прошломъ столѣтіи стоялъ на низкой ступени: неприглядную картину положенія сельскаго духовенства въ XVIII и первой четверти настоящаго столѣтія, рельефно рисуютъ архивныя дѣла того времени. Въ Трудахъ Саратовской Архив. Комм. 1888 г., Т. 1, вып. 2-й, помѣщены дѣла бывшаго Вольскаго духовнаго правленія съ 1772 года. Изъ нихъ мы видимъ, что священно-церковно-служители въ некоторыхъ епархіяхъ, больше запрещенные и бѣглые попы, ходятъ по петербургскому тракту въ синодъ съ просьбами объ опредѣленіи ихъ на праздныя мѣста, и въ Москву, называя себя на карантинахъ и заставахъ, обманно, разными именами помѣщичьихъ людей (1772 г.). Сельскіе священники и діаконъ, прїѣзжая въ епархіальный городъ (указъ казанской консисторіи 1781 г.), шатаются по улицамъ, являются къ преосвященному и въ консисторію въ неприличной сану одеждѣ: въ мужицкихъ кафтанахъ, шапкахъ и въ лаптяхъ, не отличаясь ли мало отъ простолюдина, почему предписано, кромѣ «работныхъ случаевъ», въ особенностъ же въ церкви, ходить священникамъ въ чистой и «отмѣнной» одеждѣ. Многие священники теряютъ побой отъ свѣтскихъ лицъ, даже имѣя при себѣ въ дароносицѣ св. дары (1777 г.). Въ срединѣ еще XVIII вѣка духовенство наказывали розгами; указамъ 1767 и 1771 г. синодъ воспрещаетъ тѣлесныя наказанія священниковъ и дьяконовъ въ «духовныхъ командахъ», а предписываетъ исправлять ихъ отрѣшеніемъ отъ дохода и прихода; между тѣмъ казанская консисторія (въ 1773 г.) усматриваетъ, что въ некоторые изъ нихъ продолжаютъ вести себя непорядочно, въ особенностъ пьянствуя и впадая къ безчестію, почему синодъ приказалъ за тѣ проступки, за которые они прежде были наказываемы тѣлесно, теперь, не дѣлая этого, запрещать имъ священнослуженіе и представлять къ лишенію священства и дьяконства, а церковнослужителей исклю-

чать изъ причта и отсылать въ свѣтскія команды для опредѣленія въ военную службу, или на поселеніе, или въ крестьянство. Изъ документовъ 1783 г. видно, что духовное начальство (*заказники*) ваказываютъ еще тѣлесно церковно-служителей и ихъ жепъ, а священниковъ и дьяконовъ сажаютъ въ цѣпи, держатъ въ желѣзѣ и колодкахъ, а въ случаѣ неявки въ консисторію привозятъ священниковъ изъ селя за карауломъ. Въ 1783 — 1788 г. встрѣчаемъ жалобы прихожанъ на вымогатѣльство причтовъ; въ 1776—1783 г. указывается лѣность и перадѣніе многихъ духовныхъ лицъ: священники часто въ воскресные дни не служатъ литургій и часго отъѣзжаютъ въ отдаленные города для промысловъ на долгое время. Главнымъ порокомъ духовенства того времени было пьянство; нѣкоторые священники у «новокрещенъ» вели жизнь пьяную, развращенную и озорную (1789 г.), подавая дурной примѣръ пнородцамъ. Въ 1800 году духовное начальство изыскиваетъ средства къ прекращенію пьянства въ средѣ священства и причта; въ 1808 г. подтверждаетъ духовенству, чтобы они изъ дома въ домъ по своимъ прихожанамъ для гульбы не ходили. Въ 1819 и 1821 г. отбираются отъ духовныхъ лицъ подписки сохранять себя въ трезвости и благонавіи, гнущаться пороковъ, въ особенности пьянства; въ 1827 г. пензенско-саратовскій архіерей Ирней указываетъ, что при служеніи праздничныхъ молебновъ, за священноцерковно-служителями ходятъ ихъ жены, часто въ нетрезвомъ видѣ, бражничаютъ и просятъ платы; архіерей строго воспрещаетъ подобное «тасканіе». Въ 1838 г. предписываются мѣры къ улучшенію нравственности духовенства, для чего епархія дѣлится на благочинническіе округа. Низкій нравственный уровень духовенства того времени зависѣлъ отъ незавиднаго положенія, въ которомъ оно стояло, и необразованности: самые храмы божіи въ селахъ до 1800 г. были преимущественно деревянные, невзрачные, грязные, мы подимъ въ нихъ полный недостатокъ необходимыхъ церковныхъ книгъ (1778 г.). При обзорѣніи епархія въ 1783 г. казанскимъ архіерейскономъ Антоніемъ, во многихъ церквахъ одежды на престолахъ и жертвенникахъ были изъ простой, самой визкой набойки, погнившіе съ нижняго конца, антиминси пзчервлые, сосуды оловянные, полы и кровли въ церквахъ погнили, оконницы безъ стеколъ. Въ 1788 г. епархіальное начальство обратило вниманіе на то,

что некоторые священники жепаты на простых крестьянцахъ, съ которыми вступали въ бракъ и дѣти ихъ и церковники, а дочери духовенства, по бѣдности, выходили за крестьянъ. Наме духовенство было тогда почти безграмотно; мы видимъ, что въ 1786 г., въ казанской епархіи оказалось изъ священно-церковно-служителей «неисправныхъ въ чтеніи и неумѣющихъ совѣмъ читать по книгѣ, писать и пѣть» — 381 человекъ, «ученыхъ» священниковъ было очень мало; въ 1789 г. не всѣ священники звали катихизисъ; въ 1811 г. въ Вольскомъ уѣздѣ у 274 лицъ духовенства показано дѣтей лишь 32, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, и 207, жившихъ при отцахъ своихъ; въ Хвалынскомъ — у 175 лицъ: дѣтей, обучающихся въ заведеніяхъ, 17, и живущихъ при отцахъ, 132; въ 1823 г., по вѣдомостямъ Вольскаго дух. правленія, оказалось дѣтей духовенства, праздно живущихъ при родителяхъ, 64 человекъ отъ 8 до 20 лѣтъ. Въ 1828 г. изъ числа священниковъ были: въ городахъ — половина, а въ деревняхъ лишь $\frac{1}{4}$ часть кончившихъ курсъ въ семинаріи. Въ 1797—99 г. въ причетники и попомари, на мѣста умершихъ, нерѣдко зачислялись 9 — 12-лѣтніе сыновья ихъ; въ 1804 году видимъ случай зачисленія въ с. Барановкѣ попомарскаго мѣста за сыномъ умершаго попомаря, пмѣвшаго отъ роду $\frac{1}{2}$ года, «для прокормленія сиротъ». Лишь въ 1806 г. послѣдовалъ указъ синода о разборѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, живущихъ праздно при отцахъ, съ тѣмъ, чтобы таковыхъ обращать въ военную службу. Въ 1799 году истрѣчаемъ большую неурядицу въ распредѣленіи самихъ епархій: въ Вольскомъ округѣ церкви состояли въ 3-хъ епархіяхъ — Казанской, Астраханской и Тамбовской, а въ одномъ селеніи — двѣ приходскія церкви принадлежатъ разнымъ епархіямъ! Лишь съ 1800 г. Вольскъ и Хвалыпскъ съ уѣздами причислены уже къ Саратовско-Пензенской епархіи преосвященнаго Гаія; въ томъ же году дѣти духовенства стали поступать въ саратовскую семинарію, состоявшую въ Пензѣ; до того же они обучались въ семинаріяхъ: астраханской, тамбовской и воронежской, что было крайне тяжело для бѣднаго духовенства. До 1832 г. многіе изъ духовныхъ лицъ не имѣли фамиліи (изъ 66 членовъ духовенства въ Вольскомъ уѣздѣ лишь 28 были съ фамиліями), почему имъ предивсапо было брать себѣ таковыя по желанію. Въ Вольскомъ архивѣ есть интересный документъ с.

Бѣлый Ключъ 1802 г., указывающій, сколько въ то время духовенство брало за требы: крестины по 5 коп., заказная обѣдня—1 р. 20, свадьба — 25 коп., похороны — отъ 5 до 25 коп. и молебенъ 7 и 10 коп.

Мнѣ случалось очень рѣдко въ Саратовскомъ краѣ встрѣчать прошеніе милостыни пѣснью. Въ 1887 году мною записана въ с. Полчаниновкѣ такая пѣсня страннаго нищаго:

«Господи Иисусе Христе!
Всемирный потопъ былъ;
Господи Иисусе Христе!
Страшный судъ будетъ;
Ожидать намъ грѣшникамъ
Страшнаго суда:
Въ чемъ захвачу, судить буду.
Заблужденнаго, спящаго,
Душа во вѣки вѣковъ пропала!
Иже я тебя, раба, захвачу на молитвѣ,
Душа въ царствіи небесномъ
Во вѣки вѣковъ будетъ вѣчно.
Предъ послѣднимъ концемъ загремѣю,
Двѣнадцатью громами ударю!
А гдѣ ты, Господь нашъ,
Святой Духъ, будешь судить?
Ни на райскихъ земляхъ,
А на израильскихъ,
На престолѣ сидящемъ.
Грѣшники прокляты,
Въ огонь вѣчный отойдите,
А праведники
Къ престолу Божію подойдите!

Въ народѣ распространено, далѣе, множество рукописныхъ *заговоровъ*; приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, доставленные мнѣ изъ села Озерокъ, Саратовскаго уѣзда (1886 г.).

Заговоръ мужнины на женщину, чтобы тосковала о немъ и не могла безъ него жить: «Ложусь помолясь, встану благословясь,

умываюсь не водою, но божьей росою, утираюсь бѣлымъ полотномъ; иду изъ двери въ двери, становлюсь среди двора широкаго. Ночи вы мои, ночи темныя! Зори вы мои бѣлыя! Соберитесь, зорьки въ одинъ сугласъ, подумайте, какъ тошно и грустно черному вору на сухомъ дубу сидѣть безъ рукъ, безъ ногъ, безъ своихъ когтей, такъ было бы тошно рабѣ (имя) безъ раба (имя). На морѣ на океанѣ, на островѣ Буяпѣ, лежитъ бѣль-горючъ камень, на этомъ камнѣ стоитъ пѣза, въ этой избѣ лежитъ доска, по этой доскѣ мечется тоска. Подойду къ доскѣ, спрошу тоскѣ: что ты, тоска, мечешься, что ты кидаешься? Какъ мнѣ не метаться, какъ мнѣ не кидаться! куда мнѣ дѣваться? Соберись, тоска, со всего вольнаго бѣлаго свѣта, бросься въ рабу (имя) и затоскуй, и загорюй объ рабѣ бежіемъ (имя) и денно и полуденно, и полуночно, и часно, и получасно, ежеминутно, полуминутно, и на їдѣ-то не заѣдала бы, и на поїлѣ не запиала бы, во снѣ бы видѣла; ѣла бы — не заѣла, пила бы — не запила, спала бы — не заспала; вся кровь бы въ пей выгорѣла, ретивое сердце — выболѣло, па ломъ выломило объ рабѣ (имя).

Этотъ заговоръ надо читать по зарямъ утромъ и вечеромъ, передъ печною трубою, не менѣе 27 разъ.

Заговоръ на припрепіе мужа съ женой. «Ложусь помолись, встаю благословясь, умываюсь не водою, а Божьей росою, утираюсь бѣлымъ полотномъ; иду изъ дверей въ двери, изъ воротъ — въ ворота. На полѣ — на востокѣ, тамъ стоятъ зеленая дуброва; за зеленой дубровой — золотая риза, за золотой ризой Моисей старецъ Богу молится. Отъ дѣла-ли ты лытаешь? — нѣтъ, я не отъ дѣла лытаю, больше того — дѣло пытаю: хочу поновататься работою или рабомъ (имя) тѣломъ и бѣлымъ и чернымъ печеньемъ. Беру булатную сѣкиру, руби дубовыя дрова, коли-выкалывай дубовое сердце, клади въ муравую печь, зажпгай огнемъ-пламенемъ; какъ въ печи дрова горять жарко, такъ бы было рабѣ (имя) жалко раба (имя); какъ передъ огнемъ не можно стоять, такъ бы она не могла безъ этого раба терпѣть; какъ огонь неугасимый — сердце неутонимое (неутолимое?), вся кровь выгорѣла, ретивое сердце выболѣло, па ломъ выломило объ рабѣ (имя).

Читать этотъ заговоръ слѣдуетъ также какъ и первый.

«Двое молодцовъ дрова рубятъ. Зачѣмъ вамъ дрова? — землю

жечь.—Идетъ баба безхвоста, песеть беремя дровъ: заѣмъ тебѣ, баба, дрова? — Иду рабѣ (имя) зажигать сердце на мѣсяць, кровь бы выгорѣла, а сердце болѣло о рабѣ (имя).

Этотъ заговоръ можно читать когда угодно, по три раза; за каждымъ разомъ должно дунуть въ руку и потомъ ударить ладонью легонько въ грудь, чтобы рука не могла отскочить обратно, иначе заговоръ возвращенъ и не можетъ дѣйствовать.

Заговоръ о томъ, чтобы мужъ не вилъ свою жену. «Ложусь помолясь, встаю благословясь, иду я въ поле, тамъ лежатъ усоншіи: ногами не ходитъ, руками не машеть, глазами не глядитъ, устами не говоритъ. Такъ бы рабѣ (имя) передъ рабою (имя) стоялъ недвижимый: ногами бы не ходилъ, руками бы не махалъ, весь-бы вѣкъ на рабу (имя) руки не подымались».

Этотъ заговоръ должно читать тоже по зарямъ въ домѣ, у печной трубы.

Заговоры о пчелахъ. Крестьянинъ д. Федоровки, Подчаниновской волости, Саратовскаго уѣзда, Опекуновъ доставилъ мнѣ старую рукописную тетрадку начала нынѣшняго столѣтія: «*Формальное свидѣніе о пчелахъ*, принадлежатъ сельца Еленина дворовому челоуѣку Матвѣю Варламову». Почеркъ очень четкій, годъ не означенъ, но рукопись, какъ видно, была въ большемъ употребленіи и обветшала; текстъ весьма испорченный.

1. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! На морѣ океляѣ, *островѣ* *), лежитъ камень Алтаря **), отъ конца до вѣка и яко престолъ стоитъ на престолѣ Спасовъ образъ со веѣмъ соборомъ, со ангелы и архангелы, со святою дѣвою Божію Матерію, Изосимомъ и Савватіемъ, соловецкими чудотворцами, со архангеломъ Гавріиломъ, посланы были въ татаринскую землю, крымскія горы, зошлою пчелинами поймши изосимомъ (?) матку и поднявъ со земли архангелъ Господень силу пчелиную, какъ восходятъ облацы, поднимаются, такъ и поднялась сила пчелная со святыми отцами Изосимомъ и Савватіемъ, соловецкими чудотворцами, и Духомъ святымъ, и догнавши и взыскаши по надлежащему пути и потр...лѣ и благословн архангелъ Гавріилъ Изосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ: вы есте посланники

*) Неразборчиво; конечно: «Буяѣ».

***) Т. е. «алатырь».

божіи, возьмите матку пчелиную въ жезль на знаменіи дороги за вами учинится погоиъ велика, вы бросьте въ правую сторону ко мнѣ, рабу Божию (имреку), въ вотчину п па пчельникъ со всею своею молитвою и Духомъ святымъ. И догнаша и внесоша по надлежащему путь и по травамъ. И рече отецъ Медогоръ: вы есте посланники Божіи, Изосима и Савватій, возьмите жезль свой, благословите и наградите путь свой дороги у меня, раба (имрека); въ вотчинѣ, во дворѣ и пчельникѣ, пчель во всякомъ дровѣ крестомъ и жезломъ, съ востоку и до западу, до скончанія вѣка сего. Приведоша Крѣпичка и Матку со всею силою пчелиною къ тому же собору божію и приведоша къ позѣмъ Спасителевымъ; и рече святыи отцы Изоспмъ и Савватій: Господи, пришелъ еси отъ вышед седми (?) и десницею сохрaнены и помплованы вашими святыми молитвами; ты еси Богъ нашъ, ты еси Спаситель нашъ по всякій часть и во всякое время, и приведоша къ позѣмъ твоимъ крѣпичика и матку со всею силою пчелиною, куда дѣвать и сажать. Господъ же благословилъ и освятилъ и передалъ Изосимѣ и Савватію, соловецкимъ чудотворцамъ, повелѣлъ пустить отъ востоку и до западу несъ свѣтъ и Русь земли въ темныя лѣса, въ угодныя древа, всѣмъ православнымъ христіанамъ, такожде и ко мнѣ, рабу божію имреку. Создай, Господи, милость свою, награди и надѣли во пчельники пчель молитвами преподобныхъ Изосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, какъ введена повелѣнію твоему, Господи, изъ невѣрныхъ страны во святую русскую землю на капуиъ, на воскъ и на финіанъ, и на всяку утварь церковную, укрѣплено и утверждено до скончанія вѣка сего. Такожде, Господи, и укрѣпи и утверди у меня, раба божія имрека, во дворѣ, въ вотчинѣ, въ лѣсу, на пчельникѣ, пчель молодыхъ и старыхъ водитися до скончанія вѣка сего Духомъ святымъ преподобныхъ отецъ и молитвами Изосима и Савватія: вы сохраните и помилуйте у меня, раба божія имрека, на пчельникѣ пчель молодыхъ и старыхъ, на выставкѣ во всякомъ году, и мѣсяцѣ, и въ четверти, полчетверть. Около ограды моей обойду Духомъ святымъ, и окурю ладопомъ со всякаго глазу мужеска и жеспка, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ колдуновъ, отъ лихова чловѣка, отъ печистаго духа, и отъ всякой злоби чловѣческой, и чтобъ палетныя пчелы дабы въ городьбу мою вальтиса не должны, а мон отъ пчельника моего не отлетали,

какъ молодыя равно и старыя до окончанія вѣка сего. Всему дѣлу замокъ — земля, небо — ключъ. Аминь».

2. «Милостивъ Господь Вседержитель, Царь небесный, Богъ великій, на престолѣ херувимствѣхъ, небесный и страшный твой престолъ, отъ него же трепещетъ небо и земля, твоя сила небесныя и неизреченныя ужасаются, поютъ херувимы и серафимы: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣхъ и исполни небо и земля славы Твоея, и челоуѣцы непрестанными гласы взываютъ и всякая тварь ужасается отъ страсти Твоей. Твоимъ святымъ промышленіемъ сотворилъ еси четыре времени, кругъ лѣта вѣнчалъ еси, Тебѣ трепещутъ умныя силы небесныя, тебѣ слушаетъ святой ликъ, тебѣ работаютъ звѣзды, моря, рѣки, источники и потоки. Ты простерлъ еси море пескомъ *) и ангельскія силы тебе слушаютъ и архангельскія лица тебѣ кланяются, многоочитыя херувимы и шестикрылатіи серафимы окрестъ престола твоего облетаютъ со страхомъ. Аминь».

3. «Господи, Царь небесный, Собезначальный, удиви на мнѣ, рабѣ божіемъ имрекѣ, милость свою во вѣки, какъ ты, Господи, повелѣлъ стоять отъ единаго слова своего, пчеламъ моимъ запрети отъ древесъ не отлетати и народити молодымъ и старымъ; твоимъ повелѣніемъ, Господи, стоитъ небо и земля и отъ единаго слова твоего тамъ же запрети пчеламъ не отлетати; какъ море не пересыхаетъ, также не переводиться пчеламъ моимъ у меня раба Божій имрека во дворѣ, въ лѣсѣ и на пчельникѣхъ до окончанія вѣка сего. Аминь».

4. «Господи, не дай моимъ пчеламъ проити невидимо ненавидчику, ни колдуну, ни колдуницѣ, ни еретягу, ни еретицѣ липкамъ; не дай, Господи, не навидѣтъ пенанистнику, и сохрани отъ всякаго глаза звѣря, ползующи гадовъ на земли и летучихъ, отъ нечистаго духа, отъ лихона челоуѣка, отъ чернеца и отъ черницы, вора, разбойника, и не переводиться меду и соту на воскъ и на фиміянъ до скончанія вѣка-сего. Аминь».

Заговоръ противъ стрѣль, ядеръ и пушекъ. «Слава Христова на мнѣ, рабѣ божіемъ (пмярекѣ), замѣами и молитвами Господа нашего Іасуса Христа и Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы

*) Нѣсколько словъ смутано.

Маріи и всѣхъ святыхъ отецъ нашихъ всегда, выпѣ, присво и во
вѣки вѣковъ, Амнь! Молитвами Господа нашего Ісуса Христа и
Пресвятыя Богородицы Присводѣвы Маріи, отъ ружья псакаго
благослови, отъ стрѣль и отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ:
стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Черезъ мп-
лостиваго Господа нашего Ісуса Христа и пресвятую Богородицу
Присводѣву Марію, презъ Благовѣщеніе Господа нашего Ісуса
Христа отъ стрѣль, отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ, стойте
и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Черезъ Воскресеніе
Господа нашего Ісуса Христа, стрѣлы, пушки и пушечныя
ядра — стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ).
Молитвами святаго, славнаго пророка Предтечи и Крестителя
Господа нашего Ісуса Христа—Іоанна; молитвами великаго сви-
тителя, архіепископа и чудотворца Николая, отъ стрѣль, отъ пу-
шекъ и отъ пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ, рабу
божію (имярекъ). Молитвами четырехъ святителей: Петра, Алексѣя,
Іоны и Филиппа, московскихъ чудотворцевъ; молитвами св. пророка
Іліи, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, — стойте и не ходите на
меня, раба божія (имя). Молитвами св. двѣнадцати апостоловъ и
600 мучениковъ, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, всякому по
одному оружію, азъ, рабъ божій, загорожденъ всѣми святыми апо-
стольскими силами. Молитвами святыхъ ангелъ и всѣхъ небесныхъ
силъ, св. архангеловъ Михаила и Гавріила, грозныхъ воеводъ, и
св. отцевъ и мучениковъ, которые кровь свою за Христа проливали,
и св. Тихона, услыши, Господи, святаго Платона усердное моленіе,
а вы, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, вѣрныхъ и невѣрныхъ
человѣкъ, отойдите отъ меня, раба божія (имя). Святые четыре
евангелиста: Матсей, Маркъ, Лука и Іоаннъ Богословъ, сойдите
съ небесъ и снесите замокъ со всѣхъ четырехъ сторовъ: отъ во-
стока и до запада, отъ запада до юга, отъ юга до сѣвера и отъ
небесъ замкните на мнѣ, рабѣ божіемъ (имя), слово Христово
крѣико. Амнь! Амнь! Амнь!» (Доставлено мнѣ въ 1886 году
тѣмъ же крестьяниномъ д. Федоровки Опекуновымъ).

Въ маѣ 1888 г. земскій докторъ М. И. Шмукверъ доставилъ
мнѣ тетрадку, славянскаго письма, которую носилъ на груди въ

ладонѣ больной крестьянинъ с. Широкаго, Саратовскаго уѣзда. Въ ней заключаются молитвы отъ разныхъ болѣзней и золь:

Молитва отъ лихихъ враговъ. «На горѣ Фаворстѣй шелъ Господь со учениками своими съ апостолами и преобрази Господь лице свое; какъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ воскресъ пзъ мертвыхъ, воскресилъ отъ древа крестнаго изъ гроба живоначальнаго, исчезли кнѣзники и фарисей жидовскіе, такъ чтобы исчезли отъ рабовъ божіихъ имрекъ все злые и лихіе люди; и напусти, Господи, на злыхъ враговъ страхъ и ужасъ нестерпимъ. Мати наша Владычица Пресвятая Богородица, Ты наша заступница отъ злыхъ враговъ, и кто на насъ думаетъ лихо, то чтобы одервенилъ и окаменилъ, и языкъ въ тѣмя (?) запечатлѣнъ во вѣки вѣкомъ, аминь».

Молитва отъ напастей. «Помяни, Господи, царя Давида и кротость его и крѣпость его, какъ царь и пророкъ Давидъ лежатъ на мѣстѣ своемъ ни въ чемъ невредимъ и непоколебимъ; такъ чтобы ни въ чемъ невредимы и непоколебимы были рабы божіи имрекъ и отъ всехъ враговъ и напастей избавлены во вѣки вѣкомъ, аминь».

Молитва отъ грыжи. «Спаси, Господи, и помилуй раба своего имрекъ отъ грыжной болѣзни, нашедшія наль въ прискорбномъ случаѣ. Мати Владычица Богородица скорбящая всехъ радостей, и святая великомученица Варвара, сохраните ихъ своими молитвами, укройте святыми ризами, защитите целенами. Богородица Дѣва радуйся, о всепѣтая скорбящая Богородица, сохрани во вѣки вѣкомъ, аминь». (Двѣнадцать разъ читать Богородицу надъ водою и потомъ пить).

Молитва отъ лихорадки. «Въ началѣ святой пророкъ и предтеча Креститель Христовъ Іоаннъ, и святые отцы Зиновій, Филиппъ, и четыре евангелиста: Лука, Марко, Матѣй и Іоаннъ, шли на горѣ Синайской, встрѣтили двѣнадцать жепъ простоволосыхъ, вопросивша ихъ святые отцы: что за жены и куда идете? Мы—проклятыя Ирода царя дщери, идемъ въ христіанскій родъ мучить и сушить и зубы скрежетать. И вопросивша святые отцы: что есть ваши имена? Первая Синяя, вторая Сиронія, третія Сушея, четвертая Колея, пятая Скучая, шестая Дулея, седьмая Огнея, осьмая Зубнея, девятая Матушея, десятая Ломея, одиннад-

цатаи Знобея, двѣнадцатая Трясея. И взяша святые отцы по тридцать прутьевъ желѣзныхъ и начаша ихъ бить мучить по тридцать разъ. Тогда треклятыя возмолились святымъ отцамъ Зиновію, Филиппу и четыремъ евангелистамъ: Луки, Марку, Матѣю и Іоанну, аще мы услышимъ въ которомъ домѣ вспомянетъ ваши святія имена рабы божія имрекъ, или сію молитву на крестѣ носить будетъ, то мы отъ него бѣгать будемъ отнынѣ и до вѣка занимать не будемъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Молитва Кресту. «Крестъ Господень погружается, а сатана связанъ молитвами святаго мученика Кипріяна (и) Устинія, спасите и сохраните раба божія имракъ, отъ трисовичной болѣзни, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Молитва Богу Отцу. (Еще варіантъ молитвы отъ трясавицы, очень спутанный и смѣшанный съ разными церковными изреченіями. Начинаясь: «Въ началѣ бѣ слово, слово бѣ къ Богу» и пр.).

Молитва во имя Господне. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Шель святыи Авраамъ съ сыномъ своимъ Исаакомъ, встрѣтилъ еретическихъ дочерей и спросилъ ихъ: куда вы идете? мы идемъ въ христіанскую вѣру христіанскія крови пить и жильныя кости ломати. И новелъ Авраамъ сыну своему Исааку: возьми прутья желѣзныя, побей и потопчи семьдесятъ семь еретическихъ дочерей, чтобы они не шли въ христіанскую вѣру, христіанской крови пить, жильныя кости ломати. Аще кто сію молитву рано утромъ и вечеромъ будетъ чтати, то того и отныня и до суда Божія занимать не будемъ. во вѣки, аминь».

Молитва отъ виннаго запойства. «Святыи великомученикъ Вонифатій, спаси и помилуй раба божія имракъ отъ виннаго запойства, злаго змѣя во вѣки, аминь».

Молитва, аще кто возненавидитъ, мужъ жену или жена мужа. «Святыи Гурій, Самоймъ и Авива, спасите и сохраните и помилуйте раба божія имракъ, ссоры и драки, зависти и злыхъ дѣлъ вашими молитвами, соедините во одну мирну жизнь, аки мертво тѣло лежитъ, такъ чтобы рабъ Божій имракъ ни въ чемъ невредимъ былъ, рабе божій имракъ, во вѣки вѣкомъ. Аминь».

Молитва отъ падежа скота и лошадей и отъ съяденія звѣрей. «Святыи мученикъ Никита, священномученикъ Власій, преподобный Флоръ и Лаверь, Георгій Побѣдоносець, спасите и сохраните и

помилуйте скотскій и конскій падежъ отъ стяденія звѣрей у раба Божія ивракъ; вы помощники и заступники ему во вѣки, аминь».

Молитва отъ зубной боли. «Господи Боже нашъ, Царю безначальный, пошли, Господи, рабу своему ивракъ помощи избавиться отъ болѣзни зубной, и Ты, Царица Госпожа Пресвятая Богородица, закрой своею ризою раба своего ивракъ; къ тебѣ прибѣгаю святому великомученику Антипію; прошу, защити раба божія ивракъ отъ зубной болѣзни, аминь».

«Батюшка младъ мѣсяцъ, золотыя рога твои, какъ рога твои золотыя, такъ чтобы у раба Божія ивракъ зубной болѣзни не было во вѣки, аминь».

Многіе праздники и извѣстные дни въ году изстари нашъ народъ обставляетъ разными обрядами; они довольно извѣстны и общи на Руси, поэтому я назову тѣ, которые рѣже встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ.

Въ с. Колѣпѣ, Аткарскаго уѣзда (въ 1860 годахъ), вечеромъ наканунѣ *новаго года* дѣти собираются толпою на улицѣ и, подходя подъ окна, затягиваютъ монотонную пѣсню *таусень*:

Таусень дуда,

Ты гдѣ была?

— Коней пасла.

Что выпасла?

— Коня въ сѣдлѣ,

Въ золотой уздѣ.

А гдѣ кони?

— За воротами стоять.

Гдѣ ворота?

— Водой снесло.

Гдѣ вода?

— Быки выпили.

Гдѣ быки?

— За горы ушли.

А гдѣ гора?

— Черви выточили.

А гдѣ черви?

— Гуси выклевали.

А гдѣ гусп?
— Въ тростникъ ушли.
А гдѣ тростникъ?
— Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
— Замужъ ушли.
А гдѣ мужа?
— На палатяхъ сидятъ,
Одни лапотки плетутъ,
Другіе шапочки пушатъ,
Перепушиваютъ;
Одна шапочка пропала
Знатъ, татарочка украла.

* *
*

Въ переднее окошко — блинъ, да лепешку,
А въ заднее окошко — поросячью ножку!

Таусень ноютъ различно. Привожу еще образчикъ (с. Колѣно):

Среди Москвы,
Среди площади,
Таусень!

Стоять три терема
Златоверхіе;
Таусень!

Какъ во первомъ терему
Свѣтлый мѣсяцъ молодой,
Православный царь;
Таусень!

Во второмъ терему
Часты звѣздочки,
Малы дѣтушки.
Еще новый годъ,
Таусень!

* *
*

Не пора ли вамъ, хозяйка,
За таусеня платитъ:
Либо каши горшокъ,
А то блюдо вишокъ

Или денегъ мѣшокъ!»
Третья поютъ слѣдующимъ образомъ:
Василій Звѣздникъ *)
Таусень!
По морю ѣздилъ,
Таусень!
Уронилъ перстень,
Таусень!
Красная дѣвица, подай!
Таусень!
Я бы рада подала:
Таусень!
На перинѣ свяжу,
Таусень!
Тебѣ жемчугъ шжу.
Таусень!

* *

Пышки, лепешки, свиная ножка,
Таусень!
А вы не скупитесь и намъ подѣлитесь.
Таусень!

Во время святокъ, во многихъ деревняхъ Саратовской губерніи, парни и дѣвки наряжаются и ходятъ по дворамъ; ряженые называются «святошниками». На Рождество въ с. Колѣнѣ (въ 1860 г.) мальчики ходили «славить Христа», расцѣпывая по домамъ молитву: «Христосъ рождается, славите»... и т. д.

Наканунѣ Рождества, въ мордовскихъ селеніяхъ Хвалыпскаго уѣзда пекутся въ честь *коляды* небольшіе сдобные пироги, имѣющіе видъ коника (коня); во время святокъ молодежь собирается въ особую вѣзбу, гдѣ проводятъ вечера въ игрищахъ, начиная съ того, что сожигаютъ нарочно взготовленное соломенное чучело; затѣмъ идутъ пѣсни и пляски. У мордвы с. Оркипа (Саратовскаго уѣзда) дѣти колядуютъ подѣ Рождество и имъ подають лепешки, называемыя «колядашками»; утромъ на рождественскій

*) На новыи годъ *Василія Взмикаю*; таусень поютъ подѣ *Васильевъ день*.

сочельникъ мордовскіе мальчки и дѣвочки, лѣтъ 10, колядуютъ ,
подъ окнами избъ и, выстроившись въ рядъ, поютъ:

Калѣда!

Га чіза сюрисъ

Калѣда!

Ажійшки олгѣза,

Калѣда!

Чіръки пашна колэзыза

Калѣда!

Калѣдашка зѣрнѣза!

Калѣда!

Лѹнушки, лѹнушки,

Дайте намъ пирожки!

* *
*

Калѣда!

Цізна прѣса каша гавишъ

Калѣда!

Мольць кискѣсь салѣэза

Калѣда!

Кискѣсь ковъ молць?

Калѣда!

Покшъ вірій воргѣтъ

Калѣда!

Покшъ вірисъ-ковъ молць?

Калѣда!

Пшчи ўзирисъ кярнзи

Калѣда!

Пшчи ўзирисъ ковъ молць?

Калѣда!

Ини вяць ваясь

Калѣда!

Ини вѣдись ковъ молць?

Калѣда!

Якстиря бѹкасъ салызи.

Калѣда!

Якстиря бѹкасъ ковъ молць?

Калѣда!

Раш то ванинъ пячкининъ

Каляда!

Авины ала иидипкы

Каляда!

Кустима ала бзнспекъ

Каляда!

Говаръ ала савиникъ

Каляда!

Лупушки, лапушки

Дайте намъ пирожек!

* * *

Довай урингъ сѣкыра!

Каляда!

Бидя амаксать сѣкыра

Каляда!

Частать черыня!

Каляда!

Тузувъ — тазувъ улпа,

Каляда!

Лавца — ланга, чий низа;

Каляда!

По́на — паркесъ прѣза,

Каляда!

По́на — паркста бѣка ланкесъ

Каляда!

Бука ругатъ — вѣзжанза,

Каляда!

Бѣканъ пѣла лѣкмеза!

Каляда!

Лупушки, лапушки,

Дайте намъ пирожки!»

Пѣсня эта, въ буквальномъ переводѣ значитъ: «Каляда! Родился бы хлѣбъ соломой съ оглоблю, съ дугу колосомъ, съ колядковую лепешку зерномъ! Лупушки и проч. пришѣвъ. Каляда! на горнушкѣ горночекъ ваши, пришла собака и украла. — Куда дѣвалась собака? въ большой лѣсъ убѣжала. Куда дѣвался большой лѣсъ? Вырубилъ острый топоръ. Гдѣ же острый топоръ? Утонулъ

въ водѣ. Куда же дѣвалась вода? Воду красный быкъ выпилъ. Куда же дѣвался красный быкъ? Къ Рождеству зарѣзали, въ овины сварили; подъ лѣтвицей молились; подъ ступой сѣли. Припѣвъ... Каляда! Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына—паршивый будетъ, по полкамъ бѣгать будетъ, съ полки упадетъ въ лукошко для мочекъ, а изъ лукошка на быка. Бычачьи рога—возжи, бычачій хвостъ—кнутъ!» и проч.

Въ Оркинѣ, на Крещевье, мордва печетъ лепешки, называемыя *конями* и имѣющія форму полумѣсяца.

Въ сочельникъ, ваканнъ Рождества, малороссы (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда, 1886) варятъ *свару* и *кутью*; въ этотъ день они ничего не ѣдятъ до вечерней зари; лишь взойдетъ звѣзда, они ставятъ кутью и свару ва столъ, зажигаютъ передъ образами свѣчу, всѣ становятся на колѣни и просятъ Бога о ниспосланин имъ хорошаго урожая хлѣбовъ, благополучія скоту и здравія себѣ; затѣмъ садятся за столъ и ѣдятъ приготовленную кутью и свару оставшееся же ставятъ подъ образа, подставлявъ предварительно сѣна; кутья и сваръ стоятъ такъ до крещенскаго сочельника *); въ этотъ день малороссы сѣдаютъ все; сѣно же, бывшее подъ сваромъ и кутьею, разстилаютъ по столу. Хохлы увѣряютъ, что въ этомъ сѣнѣ является, неизвѣстно откуда, шерсть разнаго цвѣта, которую разбираютъ по мастямъ и раскладываютъ ва нѣсколько кучекъ, по цвѣту: въ которой кучкѣ шерсти больше, то этой масти слѣдуетъ держать и скота больше. Сѣно отдаютъ потомъ коровамъ, чтобы вѣдьмы не могли ихъ доить. Малороссы съ рождественскаго сочельника до крещенскаго метутъ свои хаты, начиная отъ дверей (порога) къ переднему углу, подъ образа, и все это время сора не выкидываютъ; въ крещенскій же сочельникъ жгутъ этотъ соръ, и золу отъ него оставляютъ до весны, и когда выѣзжаютъ пахать, то смѣшиваютъ эту золу съ хлѣбными сѣменами, для того, чтобы не было пустыхъ волосевъ и сорныхъ травъ.

На первый день Рождества Христова малороссiянки с. Сокура,

*) Въ 1854 г. встрѣчая Рождество въ Купянскомъ уѣзд. Харьков. губ., въ домѣ помѣщика-малоросса Пеунова, я встрѣтилъ такой же обычай: вечеромъ въ Рождественскій сочельникъ положено было подъ образами сѣно, поставлена была свѣча, изображавшая Спасителя, и дары: кутья, взваръ и пироги, поданные за тѣмъ къ ужину.

жеспцаны и дѣвицы, ходятъ велеромъ подъ окнами и поютъ слѣдующую *коляду* (колядуютъ):

Нова рада стала,
Якой небувало:
Надъ вертіпомъ звѣзда ясна
Весь свѣтъ осіяла *).

* * *

Гдѣ Христосъ родився,
Зъ Дѣвы воплотився
Тамъ человекъ предъ Богомъ
Пеленами повився.

* * *

Пастушки зъ ягпѣткомъ
Передъ тѣмъ Дптѣткомъ
На колѣны припадали
Богамъ величѣли.

* * *

Ой ты Боже, нашъ Царю,
Небесный шахмѣрю,
Пошли лѣто счастливое
Семѣ господѣрю.

* * *

Давидъ милосѣрдий,
Выгравъ дивно,
На все струны ударяе,
Бога величѣе.

Притѣв: Яко царю рождѣнну
Богу пресвѣтчу.

При этомъ хозлева дома выносятъ колядующимъ хлѣбъ (паланицу), кренделъ, пироги, колбасу и иногда деньги; колядованіе продолжается съ 5 до 8 часовъ вечера, несмотря на какую погоду. Вотъ еще другая коляда, распѣваемая на второй день:

Папъ господарѣ!
Богъ тебе кличе,

*) *Коляда* эта переложена на погы Н. П. Кондратьевымъ и передана въ Ишпер, Георг. Общество.

Даромъ даруе —
Три теремѣчки:

* *

Въ первомъ теремѣ
Сыповъ жениги,
Въ другомъ теремѣ
Дочь отдавати,

* *

Въ третьемъ теремѣ
Вамъ старымъ жить,
Вамъ старымъ жить,
Медъ, вино пять.

Притѣс: «О дай Боже, святый вѣчоръ!»

Подъ новыи годъ вечеромъ малороссіянс поють:

Мпланна ходіла,
Васілка просила:
Тымъ мене, батько,
Пусти къ себѣ въ хатку.

* *

Я живно не жала
Честный хрестъ держала,
Честный хрестъ держала,
Золоту кадильницу: —

Притѣс: «Радуйтеса люди,

Къ памъ Христось буде!»

Раннимъ утромъ 1 января являются мальчики съ разнымъ лѣбомъ (пшеницей, розжю и проч.) и обсылаютъ имъ избу, приговаривая: «на жыто, на горохъ (пошли Господи урожай), на пшевицу, чечевицу; доброму хозяину на хорошее здорovie». За тѣмъ идетъ поздравленіе съ праздникомъ, при чемъ поздравителямъ даютъ деньги.

Крестьянинъ Т. Кузьминъ (Сарат. губ. Вѣдом. 1888, № 61) сообщаетъ, что въ слободѣ Руднѣ, Камышинскаго уѣзда*), у малороссовъ, на первый и второй день Рождества поется коляда, а

*) Слобода Рудня населена русскими государст. крестьянами и солевозцами малороссами изъ Воронежской и Полтавской губ. въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

подъ Новый годъ—щедрикованье, толпами молодежи и «дівчатъ», съ позволенія хозяевъ, которые дарятъ ихъ хлѣбомъ, саломъ, деньгами и водкой. Вотъ образчики этихъ пѣсенъ (первая—вариантъ приведенной выше):

Коляда.

Нова рада стала,
Якъ на небі хмара,
Надъ вертепомъ звізда ясна
Весь світь осіяла.
Дѣ Христось родився,
Съ Дівой воплотився,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
У се ризами уповився.
Пастушки съ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ
На колінцы упадають,
Бога - Царя величають:
Боже нашъ Царю,
Небесный *шатиру* *),
Пошла літо счастливос
Нашему господарю.

* *

Давидъ милосердый
Грає, выгравас,
На всі струны ударе,
Бога-Царя величає.
Цари приходили,
Не то срібло, не то злато,
Чімъ Господа дарувати.

Приговорка:

Дай Боже вечеръ добри,
А намъ перигъ (калачъ) довгій,
Хочь маленькій,
Та ціленькій.

* *

*) Объяснить значеніе этого слова мажоросси не могутъ.

Еще поютъ такъ:

Кто, кто Миколая любе,
Кто, кто Миколаю служе,
Святый отче Миколае
На всякій часъ помогае.

Миколаю (2 раза).

Богородиця Сына породила,
Всіхъ ангеливъ до себе зазвала.
Стали думать и гадать,
Якъ ему имя дать.

Миколаю (2 раза).

Дали ёму имя святого Петра,
Богородиця Петра не злюбила,
Всіхъ ангеловъ посмутила.

Миколаю (2 раза).

Кто, кто Миколая любе,
и т. д.

Другой вариантъ:

Богородиця сына породила,
Всіхъ ангеливъ до себе забрала;
Стали думать и гадать,
Якъ ему имя дать.

Миколаю (2 раза).

Дали ему имя святого Илья,
Вона имя не злюбила
Всіхъ ангеливъ позмутила.

Миколаю (2 раза).

Кто, кто мене любе, и т. д.....

Богородиця Сына породила,
Всіхъ ангеливъ до себе забрала;
Стали думать и гадать,
Яке имя дать.

Миколаю (2 раза).

Дали ему имя Исуса Христа,
Исуса она возлюбила

Всіхъ ангеливъ взвеселила.

Миколае (2 раза).

Кто, кто мене любе, в т. д.....

* * *

Шла Діва Марія

Изъ монастыря.

Аллилуя! Аллилуя!

Изъ монастыря.

Встѣлы іи

Трое жидовья.

Аллилуя! Аллилуя!

Трое жидовья.

Чи не вы, жида,

Христа мучили?

Аллилуя! Аллилуя!

Христа мучили.

Ни, не мы Его мучили,

А наши предковья.

Аллилуя! Аллилуя!

А наши предковья.

Шла Діва Марія

На Сіонску гору.

Аллилуя! Аллилуя!

На Сіонску гору.

А на Сіонской гори

Мастры маструють,

Церкву будують.

Аллилуя! Аллилуя!

Церкву будують.

А въ той церкви

Три гроба стоять.

Аллилуя! Аллилуя!

Три гроба стоять.

Первый гробъ —

Исусъ Христосъ.

Аллилуя! Аллилуя!

Исусъ Христосъ.

А второй гробъ —
Иванъ Христытель.
Аллилуя! Аллилуя!
Иванъ Христытель.

А третій гробъ—
Діва Марія.
Аллилуя! Аллилуя!
Діва Марія.

Надъ Иисусомъ Христомъ
Свѣчи пылають.
Аллилуя! Аллилуя!
Свѣчи пылають.

А надъ Ивановомъ Христытелемъ
Евангель читають.
Аллилуя! и т. д.

А надъ Дівой Маріей
Рожа (роза) розцвітае.
Аллилуя! и т. д.

Якъ стой (стою) разъ
Вылѣтѣвъ птахъ.
Аллилуя! и т. д.

Тай полѣтѣвъ птахъ
По нидъ небесахъ.
Аллилуя! и т. д.

Небеса растворяются,
Всі свѣты ему поклоняюся.
Аллилуя! и т. д.

Нѣмцы Ягодной-Поляны (Саратов. уѣз.) всю ночь подъ Рождество (die heilige Nacht), до разсвѣта, звонять въ церковные колокола. Молодежь, на святкахъ, по вечерамъ и ночью ходитъ по домамъ наряженная, преимущественно выворачивая шубы; эти святошники называются у нихъ «Pelz-nickel». На новый годъ молодежь и старики ходятъ толпой въ гости къ знаемымъ, угощаютъ другъ друга ѣдой и виномъ, и стрѣляютъ изъ ружей; въ этотъ день, обыкновенно, русскіе крестьяне изъ сосѣднихъ селеній навѣ-

щаютъ своихъ знакомыхъ нѣмцевъ, на что колонисты отвѣчаютъ въ свою очередь, прїѣзжая къ нимъ въ русскія селенія на масляницу. Последняя празднуется у крестьянъ Саратов. губерніи съ четверга, блины же пекутъ еще съ воскресенья и понедѣльника; къ этому времени готовятъ брагу. Отличительная забава этихъ праздниковъ—катанье по улицѣ, теперь больше парой и даже въ одну лошадь: бабы, дѣвки в ребятившки насядутъ въ сани челоуѣкъ пять и больше, такъ что подъ часть бѣдная лошаденка едва тащить эту кладь. Пьянство на масляницу превосходитъ даже бывающее на «престоль» (храмовой праздникъ). *Пировая* (гульба) продолжается иногда въ понедѣльникъ великаго поста *до бани*; въ этотъ день многіе доѣдаютъ и допиваютъ остатки *широкой и честной* масляницы, но послѣ бани считается уже за грѣхъ дотропнуться до скоромнаго и хмѣльного. Вечеромъ, въ воскресенье масляной, наканунѣ великаго поста, въ такъ называемый *прощennyй день*, крестьяне ходятъ къ священнику и другъ къ другу (прежде, бывало, къ господамъ) «прощаться», т. е. просить прощенья, причемъ кланяются въ ноги. Мужъ, *прощаясь* съ женой, никогда не дѣлаетъ сѣ земного поклона, она же обязательно выполняетъ это.

Великимъ постомъ, 9 марта наступаетъ праздникъ весны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саратовской губерніи (с. Колѣно, въ 1860 годахъ) пекутъ «жаворонковъ» изъ тѣста, при этомъ мальчишки и дѣвчонка взбираются на крыши избъ и кричатъ:

Жаворонки, жаворончки!

Прилетите къ намъ,

Привнесите намъ

Лѣто теплое,

Унесите отъ насъ

Зиму холодную;

Намъ холодная зима

Надосучила,

Руки, ноги отморозила!

На *Благовѣщеніе* (25 марта) русскіе считаютъ за большой грѣхъ работать, такъ какъ «и птица не вѣтъ гвѣзда въ этотъ день»; въ народѣ (с. Колѣно) есть разсказъ про птицу, которая свила нѣ этотъ день гвѣзду и удувилась въ немъ. На Благовѣще-

піс крестьяне берутъ за обѣдней просфоры и берегутъ ихъ до времени сѣва: выѣзжая въ первый разъ сѣять, каждый закусываетъ этой «благовѣщенской» просфорой, оставляя отъ нея кусочки, которые разбрасываютъ при сѣвѣ на пашнѣ *).

Какъ русскіе, такъ и малороссы, выходя на *Великій четвертокъ* (на страстной недѣлѣ) отъ стоянія, стараются донести въ свои дома «огонь евангельскій» (зажженные свѣчи) и по приходѣ коптятъ ими или выжигаютъ на матицѣ (бревнѣ, поддерживающемъ потолокъ) кресты, чтобы «не угасла благодать Господня въ домѣ».

У малороссовъ, въ с. Широкомъ-Уступѣ (Аткарскаго уѣзда, въ 1860 годахъ) заведено «со старины» (изъ ихъ родины) приносить при освященіи пасхи, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, всю свою провизію или уже непремѣнно поросенка и свиное сало, въ добавленіе къ куличу и сыру, вмѣсто приносимыхъ русскими лишь кулича, пасхи и яиць. Православный народъ съ четверга страстной недѣли начинаетъ готовиться къ Пасхѣ: варятъ брагу, ставятъ куличи, дѣлаютъ пасхи, красятъ яйца; малороссы дѣлаютъ «писанки» (узорчато раскрашенные разноцвѣтными полосами, угольниками и другими фигурами яйца). По окончаніи заутренн, подходя къ кресту, всѣ хрестосуются съ духовенствомъ, подавая каждому въ священниковъ и причту по одному и болѣе яиць, которыя опускаются тутъ же въ стоящія подлѣ нихъ кошѣлки, кадушки или иную посуду. Послѣ обѣдни, на полу церкви и съ наружи, около нея, вытягиваются длинныя вереницы куличей, пасохъ и яиць, которые святитъ священникъ; отъ каждого кулича и пасхи попы отрѣзаютъ части въ свою пользу и берутъ по нѣскольку яиць, все это сваливается имъ въ особныя посуды и за тѣмъ дѣлится съ причетниками, при чемъ прежде не обходилось безъ споровъ и ссоръ. На другой день Пасхи жители слободы Широкаго-Уступа, какъ малороссіяне, такъ и русскіе, обходятъ съ иконами и хоругвями, взятыми изъ церкви, кругомъ села, для охраны его отъ всякихъ несчастій и пожара; тотъ же обычай ведется издавна и въ с. Полчаниновкѣ (Саратов. уѣзда) и нѣкоторыхъ другихъ се-

*) Въ Тамбовской Архивной Коммисіи хранится уставная грамота 1652 г., указывающая, что и въ то время держали *благовѣщенскія просфоры* для хлѣбнаго засѣванія.

леніяхъ. Духовенство вею святую недѣлю ходитъ по приходу съ молебнами (славить Христа), за ними слѣдуютъ *богоносцы* съ хоругвями и иконами, которыя ставятся въ домахъ на приготовленный въ посудахъ разный зерновой хлѣбъ; послѣдній мѣшаютъ затѣмъ съ сѣменами, идущими на посѣвъ полей. Отличительное увеселеніе на Пасху составляютъ въ нашемъ народѣ, въ большинствѣ селеній, *рели* (качели) и катанье яицъ на улицѣ. Нѣмцы Ягодно-Полянскихъ колоній, Саратов. уѣзда, усвоили себѣ тоже обычай, празднуя первые три дни Пасхи, ставить качели, на которыхъ качается молодежь, парни и дѣвушки.

На лѣвомъ берегу Волги, противъ Саратова, лежитъ большая малороссійская слобода Покровская, Самарской губ. Она населена послѣ указа 1763 г. солезовцами, выходцами изъ Украйны, и имѣла уже въ 1770 г. деревянную церковь; теперь ихъ въ слободѣ пять. Покровскіи «живки» гуляютъ на Фоминой недѣлѣ, выпроводивъ своихъ «чоловіковъ ораты у поле», справляя свой бабій праздникъ *ловить Хому*; для этого «живки» устраиваютъ складчину и затѣмъ собираются въ какой-либо хатѣ, гдѣ хозяйкою является «сама стара» хотя бы она была совсѣмъ молодой женщиной. Подвыпивъ здѣсь самымъ основательнымъ образомъ, хохлушки цѣлою толвою открываютъ далеко нескромное шествіе по селу съ пѣснями и пляскою. Завидѣвъ мужчину, онѣ гурьбой бросаются за нимъ: это собственно и значить «ловить Хому». Попавшійся въ ихъ руки, въ особенности «москаль», не скоро отдѣлается отъ разгулявшихся бабъ—и во всякомъ случаѣ не иначе, какъ заплативъ имъ носильную лепту на выпивку. Дѣвушки, которымъ перевалпло за 25 лѣтъ, подвергаются той же участи; каждую изъ такихъ пьяная толпа тащитъ за собою, пришѣвая:

Черезъ греблю Микитину
Ведутъ Гапку пидтыкану...
Кричитъ Гапка, репетуе,
Никтожь Гапці не ратуе!»

Заканчивается процессія новой выпивкой; подобнаго обычая въ другихъ малороссійскихъ селеніяхъ, кажется, не водится («Сарат. Листокъ», 1887).

При первомъ весеннемъ выгонѣ скота въ поле во многихъ селахъ Саратов. губерніи (с. Полчаниновка и др.) существуетъ

изстари слѣдующій обрядъ: стада собираются утромъ на площади, около церкви, и священникъ, отслуживъ молебенъ съ водосвятиемъ, обходитъ ихъ съ образами и хоругвями, причемъ кропитъ животныхъ святой водой; при этомъ ставятъ тутъ же столъ и на немъ хлѣбъ и соль, а затѣмъ бабы раздаютъ пастухамъ лепешки и яйца.

На *Преполовене* (24 дня послѣ Пасхи) во многихъ селахъ существуетъ обычай, что священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, хоругвями, образами и весь народъ идутъ на рѣку или ридникъ, гдѣ ставится столъ съ хлѣбомъ и солью; здѣсь служитя молебенъ съ водосвятиемъ.

Наканунѣ Вознесенія бываетъ «отданіе Пасхи»: въ этотъ день у обѣдни послѣдній разъ поютъ «Христось воскресе» и затѣмъ только въ заутреню на Вознесеніе. Народъ празднуетъ этотъ день лишь до обѣда.

Еще недавно въ с. Озеркахъ (Саратов. уѣзда) былъ обычай, на концѣ Вознесенія, печь «блинцы» и изъ того же тѣста — «лѣсенки»; вечеромъ клалъ ихъ на столъ и зажигали восковую свѣчу, которую не тушили всю ночь: лѣсенки должны были служить Иисусу Христу «для взлѣзанія на небо», а блины — подобіемъ онучъ, для обвязыванія ногъ, «чтобы не потереть ихъ». Обычай этотъ недавно вывелся въ Озеркахъ, но блинцы и до сихъ поръ называются *Христовыми онучками*. На Вознесеніе, существовалъ въ с. Колѣнѣ (Аткарскаго уѣзда) въ 1860 годахъ обычай, что женщины и дѣвушки пекли блины и яйца, дѣлали изъ тѣста «лѣстницы» и послѣ обѣда шли въ поле, гдѣ посѣяна розь, входили на средину десятины, клали принесенные запасы на землю, пѣли пѣсни и валялись во ржѣ, при этомъ кидали яйца къ верху и ловили ихъ; киданіе имѣло свое значеніе: какъ высоко взвилось яйцо, такъ должна была вырасти розь; послѣ того все принесенное съѣдалось тутъ же. Теперь обычай этотъ намъ не встрѣчался.

Троицынъ день — одинъ изъ праздниковъ, который сохранилъ въ народѣ свой особенный нарядный типъ и обычай завивать вѣвки. Въ этотъ день всѣ дѣвушки украшаются зеленью *), молодежь

*) Распоряженіе начала 1880 годовъ не срубать и не втыкать деревъ на Троицу, плохо и не охотно исполняется народомъ. Имѣя самъ лѣса, я могу положительно сказать, что эта мѣра охраны лѣсовъ бесполезна, такъ какъ лѣсъ вовсе не страдаетъ отъ незначительной вырубки мелочи на Троицу.

идеть въ лёсъ «ломать сучья», изъ которыхъ плетутъ вѣнки; разсыпавшисъ по лёсу въ праздничныхъ ярвихъ нарядахъ, шумная толпа поётъ:

Вы радуйтесь, березоньки,

Веселитесь, сырые дубки,

Подъ васъ идутъ красныя дѣвицы и т. д.

или другую пѣсню:

Мы вѣночки завивали,

На головку надѣвали,

Подъ кустъ сѣли, приустиали,

Зли собаки набѣжали,

Меня младу испужали....

Послѣ того вѣнки надѣваютъ на головы и идутъ вереницей къ рѣкѣ; впереди паренъ или дѣвка пляшутъ подъ хороводную пѣсню, кругомъ съ шумомъ и крикомъ бѣгаютъ ребятишки. Подходя къ рѣкѣ, всякій загадываетъ про себя или родню: долго-ли проживеть, скоро-ли женится или выйдетъ замужъ; при этомъ бросаютъ вѣнки въ воду; ежели вѣнокъ утонетъ, то это предвѣщаетъ смерть или неисполненіе желаній; въ это время хороводъ поётъ:

Всѣ вѣночки на верху воды,

А мой внизъ потонулъ;

Всѣ мужья изъ Москвы пришли,

А мой не пришелъ.

Потомъ всѣ идутъ на улицу и до поздняго вечера раздаются пѣсни, плясъ и веселый говоръ хоровода.

Въ дер. Озеркахъ, Дивовской волости (Аткарс. уѣзда, 1885), съ издавна сохранился дольно оригинальный обрядъ *кумовства* между женщинами: когда замужнія женщины и взрослые дѣвицы идутъ по улицѣ на Троицу, съ пѣснями и плясками, составляя на концѣ деревни хороводъ, то каждая женщина выбираетъ себѣ по душѣ другую, онѣ цѣлуются, дарятъ одна другой яйца, и затѣмъ называютъ другъ друга кумой. Обычай кумовства повторяется ежегодно на Троицу и встрѣчается до сихъ поръ во многихъ селеніяхъ Аткарскаго и Саратовскаго уѣздовъ, гдѣ молодыя женщины, преимущественно дѣвушки, «кумятся», цѣлуясь черезъ силеенные вѣнки, которые потомъ съ пѣнями бросаютъ въ воду *).

*) Въ Новгородской губ. тоже встрѣчается кумовство на Троицу у дѣвокъ и бабъ — личкомъ черезъ березку.

Мордовскія дѣвушки въ с. Оркянѣ, собравшись на Троицу хоро-
водами, идутъ, какъ и русскія, въ лѣсъ: рвутъ цвѣтки, вьютъ изъ
нихъ вѣнки, убираютъ цвѣтами головы, втыкая ихъ въ волосы
надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ
кпсточками, вилетаютъ въ этотъ день красныя ленты; дѣвки вхо-
дятъ въ село шерейгой, взявшись рука съ рукой или обнявшись,
идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Подобно русскимъ, пѣмцы-коловнети (Ягодно-Полянская вол.)
вытываютъ на Троицу передъ окнами и дверями своихъ жилищъ
молодая деревца (Maibäume); въ этотъ же день, еще съ ночи, каж-
дый женихъ тайно ставитъ около дома своей возлюбленной сруб-
ленную имъ березку *).

Духовъ день считается тяжелымъ въ народѣ и многіе даже не
купаются въ этотъ день, боясь утонуть.

Въ воскресенье на заговѣще передъ *Петровками* (постъ Петра
и Павла) бываетъ *Русалское Воскресенье*; въ этотъ день изстари
установились въ нашемъ народѣ *проводы русалки*. Происходить
это, мѣстами, такъ (с. Колѣво, 1863): пообѣдавъ послѣ обѣдни
молодежь собирается на улицѣ и пачинаются пѣсни и плясъ; не-
много погодя принимаются за русалку, для чего наряжаютъ чу-
чело. Къ вечеру является и русалка: это—конь, сдѣланный изъ со-
ломы, на немъ сидитъ мальчикъ лѣтъ 15, *юворокъ* (т. е. разбит-
ной), и смѣшитъ народъ своими прибаутками; у этого коня ноги
замѣняютъ два дюжіе парни, закутанные въ торпиче; конь весь
увѣшенъ разноцвѣтнымъ тряпьемъ и бубенчиками; за нимъ валитъ
народъ, преимущественно бабы, дѣвки и дѣти, гремятъ трещетви,
бьютъ въ тазы и заслоны; неидеть онъ прямо по улицѣ, а мечется
въ стороны, разгоняетъ и давитъ народъ и тѣхъ, которые сидятъ
около избъ и неидутъ «проводить русалку»; такимъ образомъ вся
толпа валитъ къ рѣкѣ, съ пѣснями, приплясываніемъ, хохотомъ и
бросають чучело въ воду.

Дѣвушки-малороссіянки почитаютъ очень деңь *Ивана Купали-
нова* (Рождество Іоанна Предтечи, 24 іюня). Наканунѣ этого дня
(с. Сокуръ, Саратов. уѣзда) онѣ берутъ «сѣкпру» (топоръ) и идутъ
въ лѣсъ, гдѣ срываютъ кленовыя листья (по-малороссійски: чи-

*) *Майская березка* въ обычаѣ и у Чеховъ: она ставится тайкомъ въ
ночь на 1-е Мая парнями передъ домами молодыхъ дѣвушекъ.

бытки) и вырубаютъ длинную палку черноклена; все это приносятъ домой; тутъ часть дѣвушекъ плетутъ изъ «чибытковъ» вѣнокъ, а другія лѣпятъ изъ глины человѣчью фигуру въ видѣ женщины, выдѣлывая ей носъ, ротъ, глаза и груди, румянятъ щеки и одѣваютъ въ женское платье, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ чибытковъ и живыхъ цвѣтовъ, и оставляютъ ее до утра у которой-либо изъ дѣвчинъ. Утромъ, въ день Ивана Купалы, матери пекутъ блины, сносятъ ихъ къ той хатѣ, гдѣ почевала слѣпленая фигура, и кладутъ принесенное на завалину; сюда собираются старухи и ѣдятъ эти блины; дѣвчины идутъ въ хату къ глиняной чучелѣ, которой даютъ имя *Морынка* (вѣроятно искаженная Морана), сажаютъ ее на скамью, берутся за руки и, составляя кругъ ходятъ возлѣ «морынки» и поютъ слѣдующія пѣсни:

Маланичка, петривочка,
Да не выспалась наша дівочка,
Къ череди шла да дримала,
Па сныцы очи новыдырала.
Гдижъ ты, *Морынко*, ночь почивала?
Яжъ почивала видъ вірбою кудрявою,
Индъ холодною водою.

По окончаніи этой пѣсни берутъ Морынку, насаживаютъ на прежде приготовленную палку черноклена и идутъ къ рѣкѣ съ пѣснями слѣдующаго содержанія:

Гой, Катерино, биль билила,
Да съ своей билью говорила:
Гой биль, моя биль, тонка ни біла,
Якъ я пиду за нелюбого,
Яжъ тобі биль въ чірні изношу.

* * *

Ойжъ ты моя вірба кучерява!
Такъ Катерино биль билила,
Съ тою билью говорила:
Ой биль моя, и тонка и біла,
Якъ я пиду за милого,
Яжъ тебе, моя биль,
За праздыкъ изношу.

По приходѣ къ рѣкѣ, бросаютъ Морынку въ воду, а вѣнокъ

съ ея головы берутъ домой; малороссы вѣрятъ, что цвѣты и листья изъ вѣнка Морынки отгоняють нечистую силу изъ того дома, гдѣ хранится хотя одинъ изъ этихъ цвѣтовъ; они помогаютъ также въ педугахъ, для чего ихъ паставляютъ въ водѣ и послѣдней поить большого; кромѣ того цвѣты и чибытки (листья) изъ вѣнка Морынки спасаютъ отъ громоваго удара *).

Десятая пятница считается въ народѣ преимущественно женскимъ (бабынымъ) праздникомъ. Въ 10-ю пятницу послѣ праздника Пасхи чествуется память *Параскевы-пятницы*; въ г. Саратовѣ, въ Кресто-Воздвиженскомъ женскомъ монастырѣ имѣется особый придѣлъ Параскевы-пятницы; въ этотъ день, кромѣ горожанъ, собирается сюда огромная масса богомольцевъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень, преимущественно жепщины, такъ что не только монастырское подворье, но и сосѣднія съ нимъ улицы бываютъ запружены народомъ. Есть повѣрье въ Саратовскомъ уѣздѣ, что около 10-й пятницы бываетъ обыкновенно дождь.

На 1-е августа, *Происхожденіе древа Креста Господня* или *Первый Спасъ*, заведенъ издавна, во многихъ мѣстахъ губерніи, обычай ходить крестнымъ ходомъ съ образами и хоругвями на рѣку или родникъ и служить тамъ молебень, при чемъ освящаютъ сѣмена ржи для предстоящаго посѣва. Въ этотъ же день освящаютъ въ церкви, послѣ обѣдни, медъ, принося его въ чашкахъ

*) Въ «Древностяхъ» Моск. Архолог. Общества, 1868, т. I, приведено указаніе на этотъ обычай въ Малороссіи: тамъ изстари дѣвки подъ Ивана Купалу срубають дерево *чернокленъ*, вбиваютъ его въ землю, затѣмъ дѣлають чучело (ляльку) изъ соломы, одѣваютъ его по-женски въ юбку, очипокъ и пр., навѣшиваютъ намиста и другія украшенія и сажаютъ подъ дерево; чучело это называется: *марена*, *мареночка* или *марина* (мара означаетъ смерть); въ другихъ мѣстахъ *мареной* называется чернокленъ, а чучело — *Купалюмъ*. Вечеромъ на Ивана Купалу снимають съ этаго чучела всѣ украшенія и съ пѣснями несутъ топить вмѣстѣ съ чернокленомъ; мѣстами же его облачиваютъ соломою и крапивою и сожигаютъ. Въ Бѣлороссіи, въ ночь подъ Ивана Купалу жгутъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлають чучело въ видѣ жепщины, вокругъ которой пляшутъ дѣвушки и поютъ. Предъ разсвѣтомъ Иванова дня бѣлорусскія дѣвушки выбираютъ самую красивую, раздѣваютъ ее до вага и голое тѣло опутываютъ цвѣтами и обвѣшиваютъ вѣнками; послѣ чего, окруженная хороводомъ, она (дѣвушка-Купала) идетъ въ лѣсъ, гдѣ заготовле ны вѣнки; здѣсь ей завязываютъ глаза, дѣвушки пляшутъ вокругъ нея, а она раздаетъ имъ вѣнки: которой достанется свѣжій — будетъ счастлива, напротивъ — увядшій, предвѣщаетъ все дурное. (Киркоръ, «Живоп. Россія», т. III, 1882).

или вновь наломанный, сотами, часть котораго удѣляютъ священнику; день этотъ называется также «медовымъ Спасомъ».

Съ 1 по 15 августа (Успеніе Богородицы) продолжается двухнедѣльный Успенскій постъ, называемый въ народѣ *Спожинки* (оспожинки) и который онъ чититъ наравнѣ съ Великимъ постомъ. Малороссы называютъ этотъ постъ «Госпожинки», отъ Госпожи Пресвятой Богородицы; у русскихъ названіе это искажено въ «спожинки» и примѣняется къ житву, которое въ это время приходитъ къ концу, почему есць у нихъ и поговорки: *«спожинки-обжинки»*.

6-го Августа—*Спасъ Преображеніи*, въ который освящаютъ въ церкви яблоки; народъ зоветъ его «яблочнымъ Спасомъ». Бабы, у которыхъ умирали дѣти, не ѣдятъ яблокъ до этого Спаса, увѣренныя, что въ противномъ случаѣ умершимъ дѣтѣмъ не дадутъ на томъ свѣтѣ «райскихъ» яблокъ.

18-го Августа, день *св. Флора и Лавра*, покровителей домашняго скота, собираютъ около церкви всѣхъ лошадей селенія и проводятъ между хоругвями и образами, при чемъ священникъ крошитъ ихъ святою водою.

29-го Августа читается нашею церковью день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ народѣ — *Иванъ Постный*; крестьяне не ѣдятъ въ этотъ день ни яблоковъ, ни арбузовъ, ни картофеля, вообще ничего круглаго, напоминающаго отсѣченную голову, чтобы не сдѣлаться сообщниками Иродіады.

Съ 8-го Сентября, *Рождества Богородицы*, начинаются *посидѣлки*: дѣвушки съ пряхей собираются въ одну избу, къ нимъ приходятъ парни съ гармонкой и угощеніемъ, поются пѣсни *).

Время съ 1 Сентября до *Воздвиженія*, т. е. 14 сентября, называется «бабье лѣто»; есть примѣта, что если бабье лѣто ненастное, то осень будетъ хорошая, если же оно сухое, то осень дождливая. Народная поговорка гласитъ, что «Вздвиженье кафтаиъ съ плечъ сдвинетъ, а тулупъ надвинетъ». Въ «бабье лѣто» баба отдыхаетъ послѣ труднаго житна, хотя молотба тоже не

*) Осеннія вечеринки или посидѣлки встрѣчаются не у однихъ русскихъ и малороссовъ; мы видимъ ихъ не только у болгаръ (*сиденки*), но въ Венгріи и Франціи, при чемъ крестьянскія дѣвушки, собираются съ работой или пряхей, а къ нимъ приходятъ молодые парни съ пѣніемъ, музыкой и другими забавами.

легкій трудъ; другіе объясняютъ названіе бабьяго лѣта тѣмъ, что съ этого времени начинаютъ бабьи работы: трепка пеньки, пряжа и проч. Иныя считаютъ бабье лѣто съ 1 до 8 сентября.

Лѣтъ тридцать назадъ, у *мордвы* с. Оркина справлялся на *Шокровѣ* (1 октября) дѣвками в парняхъ праздникъ называвшійся *ссыпчинами*, для котораго дѣвки, сговорившись заранѣе, спимали неподалеку вѣсколько квартиръ; сюда привосили они куръ, гусей, мяса и другіе припасы; предъ самымъ праздникомъ варили они брагу, въ продолженіи же ссыпницъ ежедневно пекли пироги и приготавливали разныя кушанья; затѣмъ прями, шѣли пѣсни и плясали подъ обычный свой припѣвъ: «да или-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней: брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и пряниковъ. На ссыпчинахъ дѣвки одѣвались въ самые лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную одежду—*покай*, весь вышитый мишурой, блестящими и увѣшенный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погромками, звонкими блясками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ, во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ нарядѣ. Затѣмъ парни приводили ихъ, для катанія верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непременно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попоу; дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штавахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, при чемъ навѣшенные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздицъ. На ссыпчины, продолжавшіяся недѣлю, пріѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики, и даже «господа» изъ г. Петровска, при чемъ холостые гуляли здѣсь наряду съ парнями. Последняя ссыпчина была въ концѣ 1850-хъ годовъ; годъ отъ году неурожай и обѣдненіе заставили оставлять этотъ нарядный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; «покай», въ который рядились дѣвки, нельзя уже ни в како

встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы, остатки отъ бывшихъ на покаѣ украшеній.

26-е Октября—*Дмитріевъ день*; суббота передъ этимъ днемъ называется «Дмитрова субота»; въ этотъ день установлено поминаніе «убіенныхъ на брапи», въ память Куликовской битвы при Дмитріѣ Донскомъ, при чемъ поминаютъ и всѣхъ усопшихъ. Въ русскомъ народѣ, у малороссовъ и мордвы Дмитрова субота называется «Родительской» (см. ниже *родительскія поминки*).

Ежегодно въ началѣ октября, взрослые дѣвнцы малороссіянки (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда), собираясь группами отъ 3 до 5 паръ подругъ, снимаютъ, преимущественно у вдовъ, хату для ночныхъ *посидѣлокъ* (вечерницъ), куда собираются съ вечера и сидятъ далеко за полночь, при чемъ занимаются разнаго рѣда рукодѣльемъ: шитьемъ, прядевоиъ, вышиваньемъ и т. под.; въ то же время поютъ пѣсни. На вечерницы приходятъ молодые паробки (холостые ребята) и ведутъ съ ними пляску, «гопака», подъ скрипки, сопѣлки и балалайки. Къ концу вечерницы паробки спрашиваютъ дѣвчнцъ, оставятъ-ли онѣ ихъ ночевать? и всегда получаютъ утвердительный отвѣтъ; послѣ чего каждая дѣвка стелетъ для себя и оставленнаго ею паробка постель, на которой и ложатся спать попарно (*женихаются*); утромъ, какъ разсвѣтаетъ, расходятся по домамъ. Бываетъ, разумѣется, не безъ грѣха, но не было случая, чтобы согрѣшившіе нарушили клятвенное обѣщаніе о бракѣ. Опрошенныя мною пожилыя малороссіянки утверждаютъ, что дѣвки, *женихаясь* съ избранными паробками, дозволяютъ лишь цѣловаться, до грѣха же допускаютъ очень рѣдкія; то же самое я слышала въ другихъ мѣстахъ.

На *Козьму и Демьяна* (1-го ноября) въ русскихъ селеніяхъ *ломаютъ кочетовъ* (рѣжутъ пѣтуховъ): всякій почти дворъ считаетъ обязанностью имѣть въ этотъ день зажаренаго пѣтуха или курицу; при этомъ заготавливаютъ брагу. Въ этотъ день дѣвки справляютъ *Кузьминки*, собираясь куда-нибудь въ одну избу, приносятъ съ собою жареныхъ пѣтуховъ и куръ, поютъ пѣсни и играютъ; къ нимъ собираются и парни. Куръ и другихъ птицъ для «кузьминокъ», по заведенному обычаю, дѣвки крадутъ накануне вечеромъ у своихъ родителей и родныхъ, при чемъ необходимо, чтобы никто не видалъ похищенія; понятно, что никто не

преслѣдуетъ этой кражи. На Козьму и Демьяна бабы приносятъ въ с. Озеркахъ (Саратов. уѣзда) въ церковь, къ концу обѣдни, мотки нитокъ и, прикладываясь къ кресту, кладутъ ихъ на амвопъ въ пользу священника; обычай этотъ существуетъ по поводу того, что у нихъ въ это время начинаются *запрядки* (новая пряжа).

Сверхъ обыкновенныхъ праздниковъ, каждое село празднуетъ престольный праздникъ, день святого или праздника, въ честь котораго построенъ храмъ, и кромѣ того *престолъ*, вынесенный переселенцами нашего края изъ *старины* (прежней родины, изъ старыхъ приходоу); послѣдній продолжается три дня и отличается страннымъ пьянствомъ.

Русскій народъ строго соблюдаетъ до сихъ поръ *посты*: воръ, рѣшающійся безъ зазрѣнія совѣсти на кражу, сочтетъ страшнымъ грѣхомъ оскоромиться въ постный день. Въ послѣдніе годы, при упадкѣ религіозности въ молодежи, являются, хотя еще и довольно рѣдкіе, случаи несоблюденія постовъ, но это исключенія, которыя встрѣчаются чаще въ мѣщанскомъ и городскомъ населеніи. Крестьяне строго блюдутъ посты и также среду и пятницу; въ Рождественскій сочельникъ (24-го декабря) многіе, въ особенности старухи, не ѣдятъ ничего *до звѣзды*; въ Крещенскій сочельникъ (5 января) не ѣдятъ *до воды*, т. е. до того времени, какъ принесутъ послѣ вечерни освященную воду изъ церкви; въ недѣлю *масляницы* (сырную), не ѣдятъ мяснаго, зато пьютъ много вина. Далѣе слѣдуетъ: Великій постъ; Петровъ постъ (*Истровки*), отъ двухъ до шести недѣль передъ Петровымъ днемъ (Св. Петра и Павла—29 іюня)—продолжительность этого поста зависитъ отъ времени Пасхи: ежели она бываетъ ранняя, то Петровъ длиннѣе и наоборотъ; Успенскій постъ (*Оспожинки*) съ 1 по 15 августа; 20 августа день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи — *Иванъ Постный*; 14 сентября—одинъ день поста на праздникъ Воздвиженія; Рождественскій (*Филмоуки*) съ 15 ноября до Рождества, — всего около 200 постныхъ дней въ году, причемъ въ нѣкоторые воспрещается и рыба. Многіе изъ православныхъ не ѣдятъ горячаго (*сухоядніе*) въ первую недѣлю Великаго поста до субботы, первые три дня страстной недѣли, пятницу той же недѣли и на Воздвиженіе. Нѣкоторые крестьяне, въ особенности бабы, кромѣ этихъ постовъ, часто накладываютъ на себя еще обѣтъ *понедѣль-*

ничать, т. е. постыться по поведѣльникамъ: я знаю одну старуху, которая паложила на себя подобный постъ съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла, и исполняетъ его 35 лѣтъ.

Мордва бывшей Казанской губерніи, въ составъ которой вошла и сѣверная часть нынѣшней Саратовской, были язычники и крещены силою въ 1743 и послѣдующихъ годахъ. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что въ 1743—45 годахъ повсемѣстно пестрѣялись мордовскіе капища и моляны; мордву заставляли креститься насильно, при этомъ билл, заковывали въ кандалы, или связанными окупали въ купель и надѣвали кресты *); тоже было и въ Оркинѣ, гдѣ, по преданію, тамошнюю мордву крестилъ священникъ Андрей Антиповъ, около середины прошлаго столѣтія. Крестились они неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и поплъ съ причтомъ, то мордва пряталась, ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками. Разсказываютъ, что одинъ мордвинъ, подговяемый такимъ образомъ, бросился на попа и потащилъ его съ собою въ воду. — Моляны, какъ мѣста общественнаго языческаго богослуженія, были запрещены, капища (избы въ лѣсу на молянахъ) не разъ разрушали; ходившихъ тайно глухими лѣсными тропами на моляны кланяться своимъ прежнимъ богамъ, ловили и строго наказывали. Мало-по-малу мордва бросила свою старую вѣру и стала переносить прежніе обычаи на праздники и обряды православной церкви **); такимъ образомъ являются у

*) Мордву и татаръ заставляли креститься и раньше. Такъ въ журналѣ Тамбовской Архивной Комиссіи 19 августа 1885 г. есть описаніе смерти архіепископа рязанскаго и муромскаго Мисаила, пріѣхавшаго въ 164 г. (1656 г.) крестить мордву Шацкого уѣзда въ дер. Амбуревой: мордва, вооруженная луками и копьями, на лыжахъ (это было по спѣгу), напала на него и оныъ былъ убитъ стрѣлою.

**) Много своеобразнаго и языческаго крѣпко держится еще до снхъ поръ въ религіозныхъ представленіяхъ этихъ инородцевъ; такъ князь Ф. С. Голицинъ, въ своемъ очеркѣ Хвалынской Мордвы («Сарат. Сборникъ», т. 1), говоритъ, что по понятію уже крещеной мордвы путь въ загробный міръ пролегаетъ по *хрустальному своду*, столъ скользкому, что безъ помощи ногтей нельзя по немъ взбираться; этимъ повѣрьемъ объясняется обычай отращивать ногти, еще недавно существовавшій у мордвы. Впрочемъ тоже представленіе мы встрѣчаемъ и у русскихъ: новгородцы вѣрятъ, покойнику не нужно стричь ногтей, чтобы было чѣмъ цѣпляться, взлѣзал по *хрустальной горѣ* на небо. У насъ въ Саратовскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ недавно еще всякій крестьянинъ при жизни, когда стригъ ногти, завязывалъ ихъ въ тряпочку;

христіанской уже мордвы моляпы на Петровъ день, Троицу, Успеніе и Покровъ *). А. Л. Леонтьевъ (учитель Орьянской школы) передалъ мнѣ описаніе двухъ молянъ христіанской мордвы села Оркина: *Пурѣскъ* и *Саразъ-аль-оскъ*. *Пуря* значить медовый квасъ; отъ него произошло названіе моляна, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ. *Пурѣскъ* посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжалъ молебное шествіе, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготавлился *Пурѣскъ*: здѣсь на открытой лужайкѣ стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и вадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудями лежали пироги (*пръка*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ надъ ручьемъ или родникомъ молебенъ, садился потомъ за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него: пѣли, плясали, вечеромъ раскладывали костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки. Молянъ *Саразъ-аль-оскъ* (*саразъ*, сокращенное отъ *саразысь*—курица, *аль*—яйцо), на которомъ ѣли тутъ же рѣзанныхъ куръ и яйца. Моляны эти были еще не такъ давно у христіанской мордвы. О языческихъ молянахъ мордвы интересныя свѣдѣнія заключаетъ между прочимъ донесеніе пресов. Іакову отъ природнаго мордвина Тимофея Леонтьева, «изъ ясалныхъ кантониста», въ 1840 году, — о Хвалынскомъ уѣздѣ. Выше всѣхъ божествъ у языческой мордвы почитался *Верс-назъ*, *Шокиз-назъ*, т. е. вышній, большой богъ; кромѣ другихъ боговъ ова поклонялась Керемяти (злomu началу). Тимофей Леонтьевъ, въ сказанномъ донесеніи, сообщаетъ слѣдующее о такомъ молянѣ: Въ октябрѣ на праздникъ Покрова, или за нѣсколько дней до него, мордва исполняетъ молянъ, называемый *Салтанъ-Керемять*, не далеко отъ деревни, около оврага, гдѣ растетъ завѣтный священный дубъ *Ини-чимъ-тума* (святаго дня дубъ), къ которому они соби-

егда челоѣкъ умираетъ, утлоетъ этотъ кланъ съ нимъ въ гробъ, чтобы покойникъ могъ на томъ свѣтѣ влѣзть на *стеклянную гору*; теперь дѣлаютъ это еще старики, но у молодежи собраніе ногтей выводится.

*) Изъ указа св. синода 1828 г. по Пензенско-Саратовской епархіи видно, что въ обѣихъ губерніяхъ у всѣхъ новокрещенныхъ мордвовъ еще не истребились суевѣрныя поклоненія и празднества, чему причиною необращеніе вниманія и корыстолюбіе духовенства.

раются; каждая семья привозитъ съ собою какой-нибудь напитокъ: брагу, цура (медовый квасъ), водку и въ большомъ количествѣ съѣстные припасы: вареную баранину, куръ, гуся, сдобные пироги и проч. По косоюру оврага, вокругъ дуба, разстилаются полотняные полога, на нихъ раскладывается все, что предназначено выпить и съѣсть въ честь *Салтанъ-Керемята*; каждая семья занимаетъ отдѣльное мѣсто около кушаній и напитковъ. Избранные руководителями моляна старики надѣваютъ чистыя холщевыя рубахи и одинъ за другимъ обходятъ три раза кушанья каждой семьи, поочередно дотрогиваясь до каждого кушанья и приговаривая: «Бѣлы ноги, Керемять! По лѣу ходя, Керемять! По полю ходя, Керемять! Мы тебя почитаемъ и ты насъ берегай». — Обойдя все, старики становятся на колѣни и кланяются до земли дубу, что дѣлаетъ и остальной народъ. Затѣмъ старики берутъ каждый по хлѣбу, отрѣзываютъ отъ него горбушку, кладутъ на послѣднюю по кусочку отъ разныхъ кушаній, отвѣдавши каждого куска на своей горбушкѣ, передаютъ для того же другъ другу; несъѣденные остатки зарываютъ въ землю. Все это дѣлается и остальной мордвой. Куски кушаній кладутся также на дубъ, а если онъ душлистъ, то и въ дупло; въ него же бросаютъ гроши съ цѣлю умилостивить великаго и грознаго Салтана-Керемята; приношеніе даровъ сопровождается поклонами дубу и молитвами. Молянкъ заканчивается пиршествомъ, на которомъ истребляются привезенныя кушанья и напитки, остатки которыхъ выливаются и складываются въ ямки, выкопанныя около дуба, въ даръ Керемяты. Рубахи, въ которыя были одѣты старики-руководители моляна, передаютъ другимъ, желающимъ быть руководителями на другой годъ. Священному дубу приписывается чудодѣйственная сила, почему многія мордовки приносятъ съ собою куски холста, прикладываютъ ихъ къ дубу и уносятъ домой; случится съ кѣмъ болѣзнь—на больного накладываютъ этотъ кусокъ холста, въ надеждѣ, что онъ дастъ изцѣленіе. Такіе куски холста хранятся въ семьѣ по нѣскольку лѣтъ и затѣмъ отдаются на рубахи старикамъ-руководителямъ моляна *).

*) Поклопеніе священнымъ деревьямъ, какъ извѣстно, существовало въ древности у кельтовъ, литовцевъ и многихъ другихъ старыхъ народовъ Европы и въ видѣ остатка старины сохранялось еще до очень недавняго времени.

Русская простонародная свадьба хорошо известна; я приведу образчики свадебнаго обряда, взятые съ натуры у четырехъ главныхъ этнографическихъ группъ врая: русскихъ, малороссіянян, нѣмцевъ и мордвы.

Большую часть свадебъ русскіе крестьяне *играютъ* осенью, когда уберутся съ полевыми работами, а также между Крещеньемъ и масленицей. Въ 1860-хъ годахъ родители не спрашивали желанія сына и дочери, лишь бы невѣста пришлакъ имъ по *ндраву*: старики лично и черезъ сваху усватають невѣсту, условятся о *кладкѣ*, выговаривающейся съ жениха—отъ 5 до 30 рублей деньгами, пудъ или болѣе мяса, отъ 1/2 ведра и больше водки, ржаной муки, солоду, салныхъ свѣчей, полушубокъ и коты (башмакъ) невѣстѣ (с. Колѣно въ 1860 годахъ); при этомъ уговариваются и о приданомъ невѣсты. Позднѣе, въ 1880 году, мы встрѣчаемъ въ Саратовскомъ уѣздѣ (с. Полчаниновка) кладку отъ 15 до 40 рублей. — Во время сватовства назначаютъ дни *смотрины*, *осмотра уголковъ*, *запой* и *свадьбы*. Смотрины — родъ знакомства, ежели сватья мало знакомы, и попойки, когда знаютъ другъ друга: собирается близкая родня жениха и всѣ ѣдутъ «смотреть невѣсту», причеиъ бываетъ сильная выпивка. «Осмотръ уголковъ» — тѣже смотрины, только съ невѣстиной стороны; въ это время осматриваютъ хозяйство жениха. «Запой» (помолвка) — окончательное сватовство: женихъ беретъ съ собой подки, собираетъ родныхъ и ѣдутъ «запирать» невѣсту; когда за столомъ подносятъ отцу невѣсты первый стаканъ водки, то невѣста начинаетъ «вопить» («вопь» состоитъ изъ причитаній на распѣвъ, протяжнымъ голосомъ): «Не примай ты, батюшка, винну чарочку; выпна чарочка обманчива, да проманчива. Заключили мою головушку да молодѣхоньку, зелепѣхоньку!» Тоже самое «вопить» она матери и крѣстнымъ (крѣстные отецъ и мать очень почитаются въ пародѣ). Ежели невѣста—сирота и ее выдаетъ тетка, то она вопить: «что это у тебя тетушка за пирь—за гости, всѣ мои сроднички собрались, солетѣлись, однихъ нѣтъ—моего батюшки и родной матушки!» Ежели отдастъ братъ, то: «Любезный мой братецъ! куда ты меня собираешь, куда ты меня снаряжаешь? во путь, во дороженьку, къ матушкѣ къ божьей церкви!» — Подругамъ и всѣмъ вообще женщинамъ невѣста вопить: «ты подп-ва, моя подруженька, ко моему горю великому; не про-

гибѣйся, моя подруженька, что я тебя не встрѣтила среди двора широкаго, у крыльца высокаго; не за спѣсью не за гордостью, а за моимъ горемъ великимъ: заключили мою головушку молодѣховку, еленѣховку, не дали мнѣ и на ноги подняться, съ умомъ-разумомъ собраться!»

За двѣ или за три недѣли до свадьбы женихъ катаетъ по праздникамъ дѣвицъ и невѣсту, которыя (невѣста стоя) съ нѣснями и трещетками ѣздятъ по селу. Въ Аткарскомъ уѣздѣ невѣста гуляетъ цѣлую недѣлю до свадьбы съ подругами, наряжаясь въ лучшия платья и украсивъ голову лентами, а у малороссіянъ вѣнками, часто изъ искусственныхъ цвѣтовъ; при этомъ дѣвки поютъ пѣсни. Два за три до свадьбы начинаютъ готовиться: пекутъ пироги, хлѣбы, варятъ брагу и запасаются водкой. Наканунѣ свадьбы вечеромъ собирается у невѣсты дѣвичникъ, причемъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Аткарскаго уѣзда подруги невѣсты нерѣдко ловятъ курицу и наряжаютъ ее въ нарочно сшитое для нея женское платье; курица эта называется *обрядною* и означаетъ будущую домовитость и плодовитость молодой. Въ Саратовскомъ уѣздѣ (с. Полчанниковка, въ 1880 году) на дѣвичникѣ, когда придетъ женихъ съ своей родней, то дѣвки садятся за столъ и *зажигаютъ ртней*, приготовленный изъ натурального ренейника, увѣшеннаго разноцвѣтными бумажками и лепточками, причемъ поютъ пѣсни (пѣсни при свадебныхъ обрядахъ помѣщены мною въ «Саратовскомъ сборникѣ», 1881—1882). Въ это время женихъ со всѣми родственниками стоитъ около стола до тѣхъ поръ, пока дружка не выкупитъ ему у дѣвокъ мѣсто, положивъ на всѣ четыре угла сколько-нибудь мѣдныхъ денегъ; тогда дѣвушки, собравъ ихъ, разорвавъ *ртней* и разбросавъ его по полу, выходятъ, сажаютъ жениха на столъ, на которомъ онъ и сидитъ до тѣхъ поръ, пока невѣста не выйдетъ къ нему и поцѣлуетъ три раза, возьметъ за руку и отведетъ съ нѣсколькими товарищами въ чуланъ, гдѣ угощаетъ ихъ всѣхъ виномъ. На дѣвичникѣ дѣвки поютъ пѣсни каждому изъ присутствующихъ, за что получаютъ по нѣскольку консекъ. Въ с. Полчанниковкѣ на дѣвичникѣ мать невѣсты раздаетъ дары жениховой роднѣ, которые каждый отдариваетъ тутъ же деньгами. Въ с. Колѣнѣ (1860 года) на дѣвичникѣ сажаютъ невѣсту въ передній уголъ, накрываютъ голову большимъ, непремѣнно ярко-краснымъ, платкомъ и дожидаются же-

ниха, котораго по приѣздѣ сажаютъ рядомъ съ ней; затѣмъ слѣдуетъ угощеніе.

Въ день свадьбы невѣсту готовятъ къ вѣнцу; въ это время она «попить»: «Спалась ли вамъ, мои подруженьки, темна поченька; а мнѣ горькой, несчастной, вся поченька не спалась, вся въ думушкѣ прошла!» При благословеніи родителей она опять обязательно причитаешь; затѣмъ садится къ столу, въ передній уголъ, подлѣ невѣсты садится за столъ меньшей ея брать или племянникъ со скалкой въ рукѣ, или съ поживцами. Въ это время подѣзжаетъ женихъ съ своими поѣзжанами и свахой: тройки и пары скачутъ во весь духъ, убранныя яркими лентами и платками; впереди всѣхъ ѣдетъ дружка: когда подѣдутъ къ запертымъ воротамъ цвѣстная двора (Колѣнская волость, въ 1860-хъ годахъ), ихъ не выпускаютъ: дружка торгуется, и за полштофъ водки ворота отворяютъ и поѣздъ въѣзжаетъ. Жениха встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью (Саратовскій уѣздъ); дружка въ это время, съ плетью въ рукѣ, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ невѣста, бьетъ плетью по столу и требуетъ, чтобы свидяціи около невѣсты мальчикъ удалился, по тотъ не уступаетъ и объявляетъ, что у его сестрицы «по рублю косица, по полтинѣ волосокъ»; начинается торгъ, стаканъ водки, 10 или 20 копеекъ рѣшаютъ дѣло, мальчикъ уходитъ и женихъ садится на его мѣсто. Этотъ обычай называется *продажсѣй невѣстиной косы*. Теперь не случалось миѣ видѣть продажу собственно косы, но прежде, въ 1850-хъ годахъ, мальчикъ сидѣлъ съ ножницами и когда дружка не соглашался съ цѣною, назначенной мальчуганомъ, то послѣдній показывалъ видъ, что хочетъ отрѣзать косу у невѣсты. Невѣста во время этой продажи вопить: «Свѣтъ ты моя коса русая, недоименная, косникъ *) шелкомъ недопошенный; воля батюшкина, нѣга матушкина» (Колѣнская волость). Жениха и невѣсту благословляютъ, причемъ невѣста вопить: «Благослови меня батюшка, родная матушка; не прошу у васъ ни злата, ни серебра, а прошу родительскаго благословенія». Если у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, то она передъ благословеніемъ вопить: «Зазвоните вы, звонки колоколами, разбудите вы мою родную матушку (или батюшку), не позстанетъ ли родная матушка (или

*) Шнурокъ или лента, которыми дѣвки заплетаютъ косу.

батюшка) меня горькую благослови въ чужіе люди!» Потомъ молятся Богу и выходятъ: дружка съ иконой и молитвой три раза обходитъ поѣздъ.

Послѣ вѣнца молодую повязываютъ тотчасъ же по-бабьи и поѣздъ отиравается къ жениху, гдѣ уже накрытъ столъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда крестьяне болѣе зажиточные просятъ священника довести молодыхъ изъ церкви въ вѣнцахъ, что тотъ и исполняетъ. Послѣ выпивки и закуски молодыхъ кладутъ спать (отводятъ «на сповой»); черезъ часъ или больше дружка съ свахой идутъ будить ихъ; послѣдняя, удостовѣрившись чрезъ осмотръ бѣлья въ честномъ поведеніи молодой, сообщаетъ о томъ всѣмъ гостямъ: веселье и попойка усиливаются, причесть бьютъ нѣсколько горшковъ; если же прошлое съ грѣшкомъ, то (Полчавинновская волость) гости срамятъ отца и мать невесты бранными словами, а въ былое время падѣвали на нихъ хомуты и били ихъ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ (Колѣнская волость) дружка въ послѣднемъ случаѣ, приготовляетъ *худой стаканъ*. Послѣ осмотра, молодые идутъ къ невестиннымъ отцу, матери и роднымъ *) звать за горшій столъ; когда соберутся горшые, то молодой кланяется въ ноги своей тещѣ, если ея *молодая* была честнаго поведенія, въ противномъ же случаѣ, дружка наливаетъ въ приготовленный *худой стаканъ* (*дырную чарку*) водки и подноситъ невестинной матери, та, взявши стаканъ, обливается виномъ и должна выпестъ песь позоръ своей дочери **).

Во многихъ мѣстностяхъ Саратовскаго и Аткарскаго уѣздовъ, послѣ вѣнца, когда молодые садятся за столъ, подають молодой

*) Если невеста взята изъ другой деревни, то они приглашаются дружкой.

***) Тоже самое рассказываетъ, въ 1743 году, Г. Ф. Миллеръ объ внородцахъ Казанскаго края: «ни Черемисы, ни Вотяки не обращаютъ вниманія на сохранность дѣтства, но Чуваши слѣдятъ за этимъ: дружка и обѣ свахи у дверей, гдѣ спятъ новобрачные, ожидаютъ пока имъ можно взойти, причесть безпрестанно поютъ и пьютъ; ежели невеста сохранина, то веселятся и пьютъ очень много, если же нѣтъ, то дружка, взявъ чарку, проверчиваетъ въ пей дыру и, зажавши послѣднюю пальцемъ, подноситъ въ ней гостямъ питье, которое и проливается на полъ; при этомъ невестѣ становится такъ стыдно, что она гостямъ глазъ не кажетъ, но мужъ споснть это равнодушно и не упрекаетъ въ томъ свою невесту».

младенца, которому она надѣваетъ шапочку и подпоясываетъ его пояскомъ, причеиъ доржитъ его нѣсколько времени на рукахъ, чѣмъ предвѣщается ей будущая плодовитость. Во многихъ селеніяхъ Саратовской губерніи, ежели молодая окажется дѣвственницей, то сваха и дружка несутъ ея сорочку къ матери и отцу ея и благодарятъ ихъ за сохранность дѣвушки.

Высшимъ оскорбленіемъ признается въ русскомъ народѣ, когда кто пымажетъ другому ворота легтемъ; дѣлается это ночью, по злобѣ, и означаетъ распутство жены или дочери хозяина, а также прв снохачествѣ.

По окончаніи горнаго стола, молодые дарятъ всѣхъ родныхъ полотенцами и платками, причеиъ дружка обращается къ гостю съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Проситъ нашъ князь новобрачный со своею княгиней: медомъ стаканомъ, сыромъ, караваемъ; медку ныкушайте, а сыркомъ закусите, блюдечко позолотите не рублемъ, не полтиной—золотою гривной; а по мочи по силѣ—положите рублика четыре, а увидите честь—положите рубликовъ шесть, не то ярочку, а не ярочку—старочку, а не то нѣтъ ли телочки. Наше дѣло на нови, намъ много надобно: ѣхать въ Ростовъ—купить холстовъ, ѣхать въ Липевъ—купить попевиъ; козла купитъ—воду возить, молодымъ баню товить; на шильце, на мыльце, на бѣлое бѣяльце». Эти прибаутки измѣняются смотря по краснорѣчію дружки.

Пошпировавши у молодыхъ, всѣ идутъ «перегуливаться по горнымъ», причеиъ во всякомъ дворѣ ѣдятъ и поютъ.—Въ крѣпостное время и даже въ первые годы освобожденія крестьянъ (Колѣиская волость, въ началѣ 1860-хъ годовъ) молодые ходили «на поклонъ» къ своимъ господамъ, принося въ даръ полотенце, курицу, кренделей и брагу; господа всегда сами выходили къ новобрачнымъ, подносили имъ вино, прихлебывая первоначально сами изъ стакана, говорили, какъ принято при этомъ: «горько», «мутно», или «кисло»; при каждомъ такомъ замѣчаніи молодые должны были «подсластить вино», цѣлуясь между собою. Баринъ и барыня отдавали молодымъ, кладя нѣсколько рублей на *блюдце*.

Въ простонародѣ жевить сыноией рано, едва они достигнутъ 18, 19 лѣтъ; дѣлается это съ той цѣлью, чтобы въ семьѣ была поскорѣ лишняя работница; возрастъ невѣсты одинаковъ съ жени-

хоямъ, иногда она старше его. Порокъ спохачества встрѣчался перѣдко, существовалъ и въ старину. Въ настоящее время, хотя и пѣтъ такихъ рапныхъ браковъ, какіе бывали прежде и вели къ этому пороку (взрослыхъ дѣвушекъ выдавали замужъ за мальчиковъ), во спохачество еще не совсѣмъ вывелось, встрѣчается однако гораздо рѣже *). Тѣтъ спохача осмѣяны во множествѣ поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ **). Подобное преступленіе рѣдко доходитъ до суда и указывается только народной молвой. Священникъ Саратовскаго уѣзда П. Е. Г.—въ (священствующій 25 лѣтъ) говорилъ мнѣ, въ 1885 году, что теперь спохачество совершенно почти исчезаетъ, такъ какъ въ народѣ пзмѣнился, за послѣднее время, строй семьи и сыновья не допущаютъ отца до подобнаго грѣха ***).

Малороссы не такъ цѣнятъ цѣломудріе дѣвушекъ, какъ русскіе; не только пезазорно, но изстари ведется обычаемъ «женнханіе» дѣвушекъ съ паробьями; у русскыхъ этого не водится. Въ отношеніи сватовства и браковъ существуетъ большая разница между русскими и малороссіянами (с. Шврокій Уступъ, Аткарскаго уѣзда, 1859 года). Русскіе обыкновенно стараются женить сыновей, какъ только выходятъ имъ лѣта, есмаясь на необходимость имѣть работницу въ семьѣ; малороссіяне же не торопятся свадьбами и сватаютъ въ совершенно зрѣломъ возрастѣ жениха п новѣсты. Въ обрядахъ малороссы придерживаются своихъ своеобразныхъ обычаевъ, напр. по вѣнчаньѣ, начивается послѣ обѣда гулянье по селу, причемъ молодой со своими «боярами» (товарищами) ѣдутъ верхами; лошадь жениху непременно должна вывести на улицу его

*) По теперешнему закону гражданское совершеннолѣтіе для вступленія въ бракъ определено: жениху—18, невѣстѣ 16 лѣтъ.

**) Ср. показанія С. В. Максимова, въ «Отеч. Запискахъ» 1869, № 5. и «Судъ присяжныхъ въ Россіи», Н. П. Тимофеева, 1882.

***) Въ Трудахъ Саратов. Архивной Коммисіи (Т. II, вып. 2-й, 1888 г.) помѣщенъ указъ Казанской духовной консисторіи 1775 г., которымъ сообщается, что сл. синодъ, усмотрѣвъ изъ вѣденія ир. сената отъ 1765 и 1766 г. объ оказавшемся «въ Бѣлградской и Воронежской епархіяхъ, между однодворцами непотребномъ обычаѣ за малолѣтнихъ дѣтей своихъ 8, 10 и 12 лѣтъ брать дѣвокъ по 20 и болѣе лѣтъ, съ которыми свекры ихъ виадаютъ въ кровосмѣшеніе, за что пѣсколько таковыхъ на украинской лепин и къ смерги приговорено,—учинилъ подтвержденіе пайкрѣпчайшее духовнымъ начальникамъ», чтобы незаконно брачившіеся «отъ суиужества были разлучены, а вѣнчавшіе ихъ браки священники были запрещены священнослуженіемъ».

мать; женихъ прежде всего отправляется съ старшимъ боярами къ церкви, объѣзжаетъ ее три раза и потомъ, сойдя съ лошади, идетъ на шперть къ церковнымъ дверямъ и цѣлуетъ три раза замокъ, какъ бы благодаря его, что онъ отперъ ему новую жизнь. Невѣста же съ своими подружками до поздняго вечера гуляетъ пѣшкомъ по улицамъ съ пѣснями, — этимъ она прощается съ вольной жизнью; тутъ выпадаетъ трудная доля брату невѣсты, или если его пѣтъ, то старшему дружкѣ, котораго посылаетъ молодой и вся компанія изъ дому невѣсты искать ее или, какъ говорятъ малороссы, *загонять*, чтобы *покрыть* ей голову жепскимъ очинкомъ; по невѣстѣ какъ бы не хочется разставаться съ своимъ дѣвичествомъ и она прячется въ какой-нибудь чужой избѣ; нерасторопному свещнику приходится долго бѣгать по слободѣ съ розыскомъ. Затѣмъ, когда уже за столомъ въ ея домѣ начинаютъ на нее падѣвать свахи жепскій очинокъ, она въ слезахъ и съ отчаяніемъ бьетъ головой о каравай хлѣба, поставленный передъ нею, и непрерывно три или четыре сбросить съ своей головы къ порогу «немилый очинокъ» и, послѣ долгихъ увѣщаній родителей и всѣхъ гостей, соглашается сдѣлаться женщиной. Послѣ того, когда она должна уже выхаты, со всѣми участвующими въ торжествѣ, въ домъ жениха, то молодой садится на коня и объѣзжаетъ три раза весь поѣздъ, готовый тронуться съ мѣста, причемъ бьетъ лошадей нагайкой и затѣмъ, какъ бы мстя молодой жепѣ за ся упорство, наноситъ ей слегка, нагайкой, три удара.

Въ с. Сокурѣ, Саратовскаго уѣзда (1885 г.), отецъ каждаго паробка, достигшаго совершеннолѣтія, спрашиваетъ сына, не пора ли ему жениться, такъ какъ въ его годы шлятся паробкомъ «погано»; можетъ быть, нашелъ уже подругу, ходя по вечерамъ, если же хочетъ вѣнчаться тайкомъ, то онъ его проклянетъ. Въ прежнее время бывали перѣдко случаи, что родители по разнымъ причинамъ не позволяли слюбившимся вступать въ бракъ, почему они и вѣнчались тайкомъ, сговорившись предварительно съ священникомъ; причемъ обрядъ вѣнчанія совершался поздно вечеромъ, при запертыхъ дверяхъ церкви; послѣ вѣнца, при такомъ *самокруть*, повобрачные скрывались и жили у знакомыхъ, подсылая къ родителямъ близкихъ пріятелей, боясь сами показаться имъ на глаза изъ страха добосвѣ и брани, что и выпа-

дало на ихъ долю; только получивъ приглашеніе, шли они съ повинной.

Сынъ указываетъ отцу на ту дѣвичку, съ которой спознался на вечерницахъ, и тотъ проситъ близкихъ родныхъ посватать въ указанномъ сыномъ домѣ; сваты берутъ хлѣбъ и, при входѣ въ домъ, отдаютъ его матери невесты, что означаетъ, что пришли сватать. Мать невесты, не принимая хлѣба, проситъ ихъ садиться, указывая на передній (подъ образами) уголь хаты, и спрашиваетъ, отъ кого пришли; тѣ заводятъ разговоръ о сватовствѣ съ хозяиномъ дома; мать въ это время спрашиваетъ дочь, которая даетъ утвердительный отвѣтъ, такъ какъ еще раньше согласилась съ парнемъ. Мать передаетъ согласіе дочери сватамъ, беретъ отъ нихъ хлѣбъ и ставитъ его на палицу; сваты вынимаютъ принесенный ими штофъ горѣлки и ставятъ на столъ; посылаютъ за женихомъ, его отцомъ и матерью, которыхъ сажаютъ на почетномъ мѣстѣ и ведутъ рѣчь о *кладкѣ*, доходившей до 5 рублей; не было случая, чтобы изъ-за кладки расходилось сватовство. Затѣмъ уговариваются о дняхъ «запой» и вѣчанія. Запой прочсходитъ обыкновенно на другой же день, причемъ собираются всѣ знакомые и родственники обѣихъ сторонъ, и обходится до 50 рублей. День вѣчанія назначается не далѣе какъ черезъ недѣлю или двѣ. Въ это время невеста запасаетъ себѣ приданое: 5 и болѣе паръ юбокъ, дюжину рубахъ, пару новыхъ черевикъ и чоботъ, два кожуха и двѣ свиты; все это время женихъ ходитъ ночевать къ невестѣ.

Въ день вѣчанія женихъ идетъ къ невестѣ, гдѣ родители ея благословляютъ обоихъ; затѣмъ ведетъ ее въ свой домъ, гдѣ благословляютъ ихъ его родители. Послѣ чего женихъ, сопровождаемый своими товарищами (боярами), невеста съ подругами, идутъ отдѣльно въ церковь для бракосочетанія, откуда тѣмъ же порядкомъ идутъ въ домъ свекра, который встрѣчаетъ молодыхъ въ дверяхъ съ хлѣбомъ и солью, посыпаетъ имъ головы хмѣлемъ и деньгами, чтобы жилось богато. Затѣмъ вводятъ ихъ въ домъ и сажаютъ за столъ, угощая обѣдомъ, послѣ котораго свекоръ на своихъ лошадяхъ отправляетъ сноху, въ сопровожденіи дѣвицъ, въ домъ ея родителей; молодой же остается дома и угощаетъ своихъ товарищей. Въ это время свахи жениха прикалываютъ къ картузамъ товарищей искусственные цвѣты и поютъ; «Всімъ боярамъ по

квітці, а молодому (такому-то) квітки нема: е у него квітка — молодая жинка (такая-то)». Послѣ угощенія, молодой вмѣстѣ съ боярами садятся верхами на лошадей и катаются.

Невѣста въ свою очередь катается съ подругами въ саияхъ или телѣгѣ парой. Катанье съ пѣснями длится до вечера; тогда молодая ѣдетъ къ своимъ родителямъ, гдѣ садится за столъ, а подруги опять поютъ ей пѣсни. Молодой продолжаетъ кататься съ своими товарищами по той улицѣ, гдѣ живетъ его тесть; дружка нѣсколько разъ предлагаетъ ему вѣхаться во дворъ и идти къ молодой для совершенія обряда «покрыванія», но молодой на это не соглашается; тогда дружка приглашаетъ двухъ товарищей (подружье), ловятъ молодого, для чего протягиваютъ посреди улицы веревку и ею схватываютъ его лошадей, берутъ ее подъ уздцы и ведутъ во дворъ тестя, ставятъ у крыльца. Тесть и теща выходятъ на крыльцо и подносятъ молодому стаканъ браги; тотъ, взявъ ее, не пьетъ, а передаетъ черезъ правое плечо старшему дружкѣ, который давитъ его объ луку сѣдла, со словами: «самъ не пью, въ гриву коню лью», брага разливается по гривѣ лошади. Молодой соскакиваетъ съ коня, идетъ въ домъ и садится за столъ рядомъ съ женою. Старшій дружка отводитъ лошадей подъ вавѣсъ, привязываетъ и остается караулить ихъ. Какъ молодые сядутъ рядомъ, свашки берутъ въ руки серпанокъ (бѣлое полотно), становятся на лавку по обѣ стороны молодыхъ и начинаютъ махать надъ головами новобрачныхъ, причемъ поютъ: «покрывалочка плаче, покрываться хоче, не такъ покрываться, якъ ноціловаться». Повторяется это три раза и послѣ каждого молодые цѣлуются; затѣмъ на молодую надѣваютъ очипокъ (родъ кокошника) и поютъ: «Білая лебедичко, ктожь тобі покривъ; покрыли мене молодиці, дві сестриці». Послѣ того родители новобрачныхъ благословляютъ своихъ дѣтей, причемъ родители молодой даютъ ей нравоученіе. «Гляди, дочка, бережи своего мужа, якъ свое десное око; хату мети, а соръ на улицу не носи», чѣмъ даютъ ей понять, чтобы домашніе дрязги не передавала постороннимъ. Родители молодого говорятъ ему: «А ты, сынку, купишь молодую матку, води подъ усокъ, а долго поводья не пускай», т. е. не давай воли женѣ. Послѣ того выводятъ на дворъ, гдѣ дружка даетъ молодымъ въ руки полотенце, берется за него самъ и три раза обводитъ вокругъ

кадушки, нарочно для этого приготовленной. Затѣмъ молодую вмѣстѣ съ приданнымъ везуть въ домъ свекра, въ сопровожденіи спашекъ, а молодой ѣдетъ къ церкви, гдѣ, слѣзивъ съ лошади, цѣлуетъ икону и возвращается къ себѣ въ домъ. Въ воротахъ, чтобы отогнать вѣдмъ и всякую злую силу, разжигается костеръ, черезъ который проѣзжаетъ молодая, а за нимъ и его жена; затѣмъ оба вмѣстѣ вводятся въ домъ, гдѣ садятся ужинать, послѣ чего отправляются спать въ отведенное имъ помѣщеніе. На другой день они ходятъ по роднымъ и знакомымъ, которые дарятъ имъ овецъ, птицъ и хлѣба. Гулянье длится около недѣли. Бываютъ случаи, что молодая послѣ вѣнчанія остается у своихъ родителей около недѣли, пока не придетъ за ней мужъ.

У хохловъ не было прежде осмотра бѣлья, но теперь вводится: дружка и сваха будятъ молодыхъ (поднимаютъ ихъ) и рубашку невесты дружка несетъ въ полѣ къ свекру и свекрови, потомъ несутъ ее къ матери молодой. Горшки бьютъ на малороссійской свадьбѣ, все равно, чѣмъ бы ни копчались осмотръ. Подача вина изъ дырявой чаркѣ, описанная выше, теперь существуетъ и у хохловъ (с. Сокуръ 1886 г.).

Въ старину малороссійски с. Сокуръ носили плахты, а головной уборъ у замужней былъ очипокъ (родъ кокошника, сдѣланнаго изъ парчи), который обвязывается преимущественно чернымъ платкомъ; такіе очипы теперь уже рѣдкость (подобный экземпляръ я подарилъ въ Саратов. Радищенскій музей); а плахть совсѣмъ не носятъ, замѣнивъ ихъ юбкамъ. Пояса носили красные, которые хохлуши сами окрашивали находимымъ около Сокура, краснымъ, круглымъ и мелкимъ какъ дробь корнемъ растенія *черныгъ*, которое не встрѣчается теперь болѣе, по словамъ старухъ, въ окрестностяхъ Сокура.

Мордва далеко не принадлежитъ къ числу племенъ вымирающихъ, она только замѣтно руссѣетъ: не далѣе какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, мордва, хотя и крещеные, справляли еще многіе языческіе обряды и почти не говорили по-русски; теперь они большею частью отличаются усердіемъ къ церкви, порядочно выражаются по-русски, кромѣ женщинъ, и допускаютъ (въ Хвалынскомъ уѣздѣ) смѣшанные браки. Мордовскія дѣвушки до замужества пользуются полною свободою; по сообщенію кн. Ѳ. С. Голи-

цина («Саратов. Сборникъ», I, стр 183), на святкахъ собираются по вечерамъ въ особую избу дѣвки и парни на игрища, причеиъ поють и пляшутъ; а въ концѣ вечера «тушатся огни и веселье кончается въ потьмахъ» (Хвалынскій уѣздъ). На этихъ игрищахъ сводятся знакомства, часто окапчивающіяся свадьбой. Мордва жепится рапо: какъ только парню исполнится 18 лѣтъ, ему отыскиваютъ невѣсту; перѣдки случаи, что они просятъ разрѣшенія жепить и 17-лѣтнихъ ребятъ. Невѣсты большею частью старше жепиховъ; мордовки рѣдко выходятъ замужъ раиѣ 22 — 24 лѣтъ, почему случается видѣть «молодого», чисто еще мальчишку, передъ пожилой бабой — женой. Въ старину за мальчика лѣтъ 10—12 *) сватали дѣвку лѣтъ 20 — 25, и случалось даже не такъ давно, идѣть пожилоу бабу, нянчавшуюся съ ребенкомъ мужемъ.

Въ настоящее время, на мордовскомъ сватовствѣ переговоры вѣдутся черезъ родственника-свата, который, по приходѣ въ домъ невѣсты, садится въ передній уголь; невѣста, замѣтивъ, зачѣмъ пришелъ гость, тотчасъ убѣгаетъ въ сѣни или прячется гдѣ-нибудь въ избѣ; ежели она и родственники ея согласны, то дѣвушка выходитъ и паливаетъ изъ принесенной сватами бутылки водку въ стаканы и подаетъ гостей; при этомъ договариваются о кладѣ **) со стороны жениха, которая состоитъ изъ денегъ (отъ 5 до 60 рублей, смотря по состоянiю), опредѣленнаго количества вина, хлѣба, мяса, тутъ же коты (башмаки), шуба, нѣсколько красныхъ платковъ и сундукъ; въ это время договариваются относительно даровъ со стороны невѣсты (Хвалынскій и Саратовскій уѣзды). Подавивъ дѣло, родители «бюгъ по рукамъ», зажигаютъ восковую свѣчу передъ иконами и молятся Богу; съ этого времени дѣло считается оконченнымъ. Вслѣдъ за рукобятьемъ созывается вси жепихова и невѣстина родня и начпнается общее угощенiе, называемое *тайтиръ симиникъ* (Хвалынскій уѣздъ)—по-русски: пропой

*) Г. Ф. Миллеръ, въ описанiи инородцевъ Казанской губ. 1743 г., говоритъ, что въ то время зажиточные Черемисы и Чуваши тоже женили сыновей 5—6 лѣтъ чтобы при домашнихъ работахъ имѣть помощнику; дѣвка же моложе 20 лѣтъ никогда не выходила замужъ. То были времена язычества и допускалось многоженство.

**) Кладъ у Эрзи называется—*тинтэ*, у мокши—*той*; у черемисъ — *олонъ*, чувашъ—*олонъ-окси*, у потяковъ—*каломъ* и у татаръ—*калымъ*.

невѣсты. Въ это время невѣста сидитъ въ чуланѣ и женихова родня обращается къ ея родителямъ: «Товаръ торговенекъ, пе втенькь кодама», т. е. товаръ сторговалц, а видать не видали, покажите, какой (Хвалинскій уѣздъ). Невѣсту выводятъ изъ чулана въ сопровожденіи двухъ подругъ; она кланяется на всѣ четыре стороны и раздаетъ дары жениховой роднѣ, затѣмъ подаетъ своему будущему свекру стаканъ вина, падаетъ ему въ ноги и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не осушитъ стакана, послѣ чего опять уходитъ въ чуланъ и начинаетъ «вопить». Въ этотъ же день отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ невѣстину родню, за исключеніемъ родителей; тѣ, вооруженные чѣмъ попало, по приходѣ въ домъ женихона отца, поднимаютъ страшный шумъ и настойчиво требуютъ отъ него выкупа: «Мы пришли къ тебѣ печку ломать; ежели не отдѣлаешься добромъ, разнесемъ ее!» Тотъ ставитъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра водки, чѣмъ кончается день «проноя».

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой у невѣсты идутъ «суирядки» (Саратовскій уѣздъ), на которыхъ родственники и подружки помогаютъ ей шить приданое и наряды: понари, шунпаны и проч.; невѣста при этомъ «вопитъ», вспоминая свое прежнее житье; женихъ все это время можетъ видѣться съ невѣстой только тайкомъ (Хвалинскій уѣздъ). Наканунѣ свадьбы подруги водятъ невѣсту въ баню, потомъ они катаются нъ телѣгѣ или саняхъ, стоя, изъившись руками, и поютъ пѣсни; на перекресткахъ невѣста причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, гдѣ идетъ дорога къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, падаетъ на землю и громко вопить, прощаясь съ умершими родственниками (С. Оркинн, Сарат. уѣзда. 1880 года). Въ тотъ же день вечеромъ женихона мать зоветъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственниковъ, которыя являются съ своими припасами и сообща начинаютъ готовить большой пирогъ, иногда болѣе пуда вѣсомъ, состоящій изъ семи слоевъ: тѣсто съ кашей, творогъ, блины, мясо, яйца, пшениные блины и крышка съ крестомъ изъ орѣховъ; пирогъ этотъ называется у Эрзи—*курникъ*, у Мокши—*лукиша*. А. Л. Леонтьевъ (учитель Оркинской школы) говоритъ, что «лукиша» готовится наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты свахами и родственницами, начинается мясомъ, яйцами, лукомъ, и проч.; при этой стряпнѣ выгоняютъ изъ избы всѣхъ мужчинъ и

пьяныя бабы поютъ разныя сальныя пѣсни съ прибаутками, пироги готовится обязательно при невѣстѣ; на верху «лукши», убранномъ разными украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ свѣжаго мяса, солонины или ветчины и относятъ къ матери невѣсты. Въ день вѣнчанія невѣсту наряжаетъ молодежь—мужчины и женщины (Хвалынской уѣздъ): двѣ бабы берутъ чулокъ и только начинаютъ надѣвать его невѣстѣ, какъ на нихъ кидаются дѣвки, отнимаютъ его и передаютъ одна другой; въ свою очередь парни вырываютъ чулокъ у дѣвокъ и передаютъ бабамъ; послѣ долгой потасовки чулокъ наконецъ надѣвается. Тоже самое повторяется съ башмаками, шумпаномъ, косинкомъ; по окончаніи одѣванія, парни отправляются готовить свадебный поѣздъ. Въ это время отецъ жениха, съ дружкою и поѣзжанами, отвозятъ въ домъ невѣсты лукшу и установленное количество вина; лукшу прячутъ въ чуланъ, а выпомъ угощаютъ родственниковъ невѣсты; въ это время дѣвки идутъ къ стоящимъ на дворѣ повозкамъ и вытаскиваютъ изъ нихъ кошмы, кнуты и все то, что оставлено было жениховой роднею: отецъ жениха долженъ все это выкупить у нихъ (Хвалынской уѣздъ). Родители благословляютъ дочь, затѣмъ невѣста прощается съ отцомъ, матерью и родственниками, причемъ плачетъ и вопитъ: прощается со столомъ, скамейками, печью, укватами и прочей утварью; выходя на дворъ, прощается со скотиной, телѣгамъ, савимъ, сохамъ, столбами, подширающимъ навѣсы двора, и проч. (с. Оркино, Саратов. уѣзда). Невѣстны братья и ближайшіе родственники (*урвлята*) берутъ ее на руки и несутъ въ назначенную для нея повозку; невѣста, покрытая платкомъ, садится задомъ къ лошалямъ. Дружка (въ Хвалынскомъ уѣздѣ съ саблею въ рукѣ) обходитъ поѣздъ кругомъ и дѣлаетъ кресты въ огражденіе отъ нечистой силы; тоже самое повторяется, проѣзжая черезъ ворота. У церкви невѣста ждетъ прибытія жениха, сидя въ повозкѣ.

Въ с. Оркивѣ (Саратов. уѣзда), когда невѣста выѣзжаетъ въ церковь, то дружка обходитъ поѣздъ съ иконою въ рукахъ, а невѣста, лицо которой покрыто краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непременно плачетъ; вводя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами и также ведутъ въ домъ молодого, причемъ оба идутъ въ брачныхъ вѣнцахъ въ сопровожденіи священника и причта,

при перезвонѣ колоколовъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, по прибытіи въ домъ свекра, молодой даютъ ухватъ и кочергу и ведутъ къ печкѣ, къ которой она становится лицомъ, чѣмъ свекоръ приглашаетъ невестку принять участіе въ домашнемъ хозяйствѣ; затѣмъ молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и лукшею, которыя привозятся въ сундукъ съ добромъ невесты. Пока идетъ впрѣ, спани готовятъ брачное ложе—несмотря на осень или зиму, въ холодномъ строеніи (амбарѣ или чуланѣ); куда вскорѣ отводятъ молодого, а потомъ берутъ молодую и, подойди къ дверямъ амбара, говорятъ: «пѣргись, вѣргись, на тоняи рѣвья» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дыры, гдѣ ее схватываетъ молодой. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ бабы, родственницы молодого, ведутъ къ нему пообратную подъ музыку и пѣніе, та первоначально сопротивляется и упирается ногами въ косяки дырей, но вскорѣ упирается; молодому даютъ кнутъ, которымъ онъ слегка бьетъ жену, приговаривая «слушайся родителей моихъ и меня». Когда они истануть, то молодой плетутъ волосы въ двѣ косы и падѣваютъ *шлыганъ* (или *шлыганъ*); въ Оркинѣ же шлыганъ, т. е. бабій головной уборъ, молодая (урѣва) падѣваетъ лишь черезъ годъ и становится тогда бабой (уряшь).

Въ старину, какъ разсказываютъ мордва, бывали часто случаи, что ежели невеста или ея родные не соглашались отдать дѣвушку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно угонялись съ священникомъ и, захвативъ гдѣ-либо невесту, силой привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, заперъ дверь, какъ только вѣдутъ дѣвушку, и вѣнчалъ ее съ парнемъ, не смотря на мольбу и упорство черной. Случалось, что изъ-за этого между родственниками той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: разсказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили дѣвушку произошла между той и другой сторонами страшная рѣзня сернами (с. Оркино, Саратов. уѣзда *). Этотъ насильственный

*) Миллеръ говоритъ, что въ Казанской губерніи, въ 1743 г., бѣдные жепихи изъ Черемисъ, Чуваши и Вотяковъ, которые не въ состояніи заплатить калымъ за невесту, искали способа добыть силою поправившуюся изъ дѣвушку, для чего подговаривали нѣсколько человекъ друзей, привалили въ дочь, гдѣ

обычай теперь вывелся, но у мордвы Хвалынского уѣзда въ большомъ ходу браки *уходомъ* *), совершаемые безъ согласія и вѣдома родителей, что случается большею частью при бѣдности жениха на уплату кладки; въ такихъ случаяхъ мордовка заблагодаренно тайкомъ уноситъ свои пожитки къ жениху, который, при первомъ удобномъ случаѣ, увозитъ ее въ церковь; послѣ вѣнчанія новобрачные просятъ прощенія у родителей молодой; мировая оканчивается угощеніемъ.

Обстановка жизни и обряды саратовскихъ пѣмцевъ совершенно своеобразны. При бракахъ колонясты вынесли изъ своей родины слѣдующіе обычаи (Ягодно-Полянская волость, 1880 г., и Скатовка, 1884 года): сынъ, выбравъ себѣ невѣсту, проситъ согласія своихъ родителей; тогда отецъ его, въ качествѣ свата, или вѣсколько друзей его семейства, идутъ къ родителямъ дѣвушки и, послѣ долгихъ переговоровъ, приносятъ отвѣтъ жениху; ежели родители невѣсты согласны, то отъ нихъ берется слово (Rücksprache), и когда все улажено и дѣвушка советомъ усватана, то слѣдуетъ предварительная помолвка (vorläufige Verlobniss) при родителяхъ обѣихъ сторонъ, причемъ женихъ беретъ у невѣсты голопной платокъ и отдаетъ его своему отцу, она же получаетъ подарокъ или деньги. Затѣмъ слѣдуетъ открытая помолвка мѣстнымъ духовнымъ лицомъ съ торжественнымъ рукобитьемъ (feierliche Handschlage) при родителяхъ и свидѣтеляхъ. У колонистовъ не принято отблудывать на долго свадьбу и обрученные остаются женихомъ и невѣстой не болѣе 3 и 4 недѣль; тогда свадебный пригласитель (der Hochzeitsbitter) **) вачинаетъ объѣздъ (Rundreise) для приглашенія родныхъ и знакомыхъ; ояъ несетъ въ знакъ своей должности палку, укра-

опа жила, и вводили ее, причемъ потяки, для большей надежности, тотчасъ же, на дорогѣ, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, совершали брачное дѣйствіе съ похищенной дѣвушкой.

*) По словамъ Калачова (Архивъ истор.-юридич. свѣдѣній, 1855 г.), мордва въ Нисарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ саратовской; мордовскіе браки совершались тамъ также *самкрутомъ* — похищеніемъ невѣсты, хотя всегда съ согласіемъ самой дѣвушки и ея матери.

**) *Свадебный пригласитель* существуетъ въ Баваріи и у чеховъ; а въ Россіи — у латышей.

шенную пестрыми лентами, и въ каждомъ домѣ произносить заученную рѣчь, добавляя ее соответствующими прибаутками и остроумиями. Къ вѣнцу невѣста идетъ впереди, на головѣ у нея надѣтъ изстари заведенный обычаемъ уборъ (родъ вѣнца) изъ цвѣтовъ, бусъ, разноцвѣтныхъ и блестящихъ украшеній и пестрыхъ лентъ, спускающихся широкимъ пукомъ до половины спины; ее ведутъ два шафера, Brautführer, въ шапкахъ, обшитыхъ лентами; за ней двѣ дѣвушки, Brautjungfern, ведутъ жениха, на которомъ картузъ обшить яркими красными или пестрыми лентами, а съ боку его, съ правой стороны, прикрѣплена кокарда изъ лентъ и блестящей фольги, съ непремѣнными тремя павлиньими перьями, на груди же у него приколоты длинныя красныя ленты. Пока ведутъ ихъ въ церковь, сопровождающіе ихъ стрѣляютъ изъ ружей. Обрядъ вѣнчанія короткій и несложный: стоятъ обыкновенно нѣсколько паръ, пасторъ прочтетъ молитвы, всѣ присутствующіе въ киркѣ пропоютъ гимны; пасторъ обмѣняетъ кольца каждой пары и благословитъ молодыхъ. Изъ церкви идутъ уже въ обратномъ порядкѣ: впереди ведутъ молодого, а за нимъ молодую въ знакъ того, что жена должна подчиняться мужу, тогда какъ невѣста имѣла преимущество надъ женихомъ. Послѣ того въ домѣ молодого начинается свадебный пиръ: обѣдъ изъ трехъ перемѣнъ, музыка и танцы. Праздество продолжается дня три; но уже въ первый вечеръ, молодая снимаетъ свой уборъ невѣсты и присутствуетъ на пирахъ слѣдующихъ дней въ обыкновенной одеждѣ. У нѣмцевъ нѣтъ обычая провожать молодыхъ къ ихъ брачному ложу, нѣтъ и другихъ цѣвническихъ обычаевъ, и ежели дѣвушка окажется не дѣвственницей, то это остается тайной между нею и мужемъ. До введенія общей воинской повинности молодежь женилась въ самомъ раннемъ возрастѣ, но съ тѣхъ поръ рѣдко отдають за не отбывшихъ повинность или не ушедшихъ отъ нея по годамъ; за то изытыя отъ рекрутства по льготамъ, тѣлеснымъ недостаткамъ, или взявшіе дальніе жеребья становятся женихами на расхватъ. Мѣстные пасторы хорошо отзываются о нравственности нѣмецкихъ дѣвушекъ.

Не останавливаясь на извѣстныхъ похоронныхъ и поминальныхъ обрядахъ, приведу только нѣсколько обычаевъ, которые встрѣчаются рѣже въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ дер. Алексѣевкѣ (Широкинскаго прихода, Аткарскаго уѣзда, 1858) принято со старинны: послѣ умершаго выѣшивать на 6 недѣль бѣлый платокъ за окно той избы, гдѣ былъ покойникъ, въ томъ убѣжденіи, что душа умершаго человѣка все это время летаетъ въ домъ плакать о своихъ грѣхахъ и утирается выѣшеннымъ платкомъ. Въ с. Вѣдняковкѣ (Атгарскаго уѣзда, въ 1860 годахъ), въ сороковой день послѣ смерти человѣка, домашніе дѣлаютъ помпники, созывая родныхъ и знакомыхъ; послѣ паннихиды, домашніе берутъ блюдо съ кутьей, идутъ изъ избы съ плачемъ и причитаніями за ворота и обращаясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ погость (кладбище), кланяются: это называется—*проводжатъ душу*. На поминъ души покойника, болѣе зажиточные крестьяне заказываютъ заупокойный *сорокоустъ*, т. е. 40 обѣденъ. Русскіе крестьяне хоронятъ умершихъ въ повыхъ лантяхъ; относя гробъ съ покойникомъ на кладбище, оставляютъ посылки на его могилѣ. Въ деревняхъ Федоровкѣ и Ивановкѣ, Полчаниновскаго прихода (Саратовскаго уѣзда, 1885), старуха изъ семьи покойнаго, слѣдуя за гробомъ, несетъ подъ полою курцу, которую по возвращеніи отдаетъ бѣдному семейству; смыслъ этого тотъ, что когда покойникъ будетъ разлагаться, то появятся на трунѣ черви, которыхъ уничтожитъ курица.

Русскія деревенскія кладбища содержатся въ отвратительномъ видѣ: канавы не поновляются, пзгородей нѣтъ, кресты ломаются бродящимъ по могиламъ скотомъ, ни одного деревца и кустика; у нѣмецкихъ же колонистовъ, во всѣхъ селеніяхъ, онѣ содержатся въ большемъ порядкѣ: обнесены прочными заборами, могилы обложены дерномъ и расположены правильно, памятники выкрашены и на кладбищахъ всегда зелень и кусты. Когда умретъ колонистъ-нѣмецъ, то старухи обмываютъ его, одѣваютъ въ бѣлую коленкорную рубашку, черныя, изъ бумажной ткани, штаны и бумажныя бѣлыя чулки; потомъ кладутъ его въ гробъ и ставятъ въ передній уголь. Въ это время собираются въ домъ нѣмцы, садятся за столъ, поставленный около покойника, и одинъ изъ нихъ читаетъ молитвы, а другіе слушаютъ, затѣмъ всѣ поютъ заунывные стихи. Покойникъ лежитъ въ домѣ три дня и все это время, попеременно, надъ нимъ читаютъ и поютъ, а въ кирхѣ звонятъ въ колокола; на третій день выносятъ тѣло на дворъ, пасторъ или учи-

тель читаетъ молитвы, потомъ несутъ его на могилу, гдѣ и зарываютъ; въ кирхѣ во время выноса безостановочно перезваниваютъ. Послѣ преданія тѣла землѣ, народъ расходится по домамъ и около обѣда кто-либо изъ семейныхъ умершаго ходитъ по роднымъ и приглашаетъ ихъ на обѣдъ. Жепщицъ хоронятъ, одѣвая ихъ въ бѣлыя платья; голову умершей дѣвицы подруги убираютъ цвѣтами, дѣлая изъ нихъ вѣнокъ; потомъ на гробъ кладутъ также вѣнокъ и несутъ къ могилѣ: молодую дѣвицу — молодые ребята, а жепщицу — женатые колонисты. На могилахъ умершихъ парней и дѣвушекъ кладется вѣнецъ (Крона), сдѣланный изъ разноцвѣтной бумаги: бѣлой, красной, зеленой и голубой, имѣющій форму коровы или колнака; эта *крона* такъ и остается на могилѣ, взять ее оттуда — грѣхъ и не хорошо. Въ колоніи Побочной рассказываютъ (1888 г.), что одна жепщина не умѣла сдѣлать такой вѣнецъ и взяла его съ кладбища; ночью покойникъ, съ могилы котораго онъ былъ святъ, пришелъ къ ней и потребовалъ возвращенія его «кроны». Вообще взять что-либо съ кладбища считается большимъ грѣхомъ; нѣкоторыя молодыя жепщины и дѣвушки боятся даже рвать ягоды на кладбищахъ, чтобы ночью не пришелъ къ нимъ покойникъ. Стружками отъ подѣлки гроба вабиваютъ подушку подъ голову покойнику, остальные сжигаютъ; пока готовятъ еще гробъ, покойника кладутъ на лавку, подстилая подъ него солому или посыпая лавку пескомъ, послѣ чего солому сжигаютъ въ кучкѣ на дворѣ, а песокъ зарываютъ въ землю.

Во всей Саратовской губерніи чтутся православными извѣстные, установленные церковнымъ обрядомъ, дни для общаго помннанія усопшихъ; называются они *родительскими* и бываютъ нѣсколько разъ въ году. Самая главная «родительская» считается послѣ Пасхи, на Троицкой недѣлѣ, во вторникъ: есть повѣрье, что пока отворены царскія врата въ церкви всю пасхальную недѣлю, то души умершихъ освобождаются отъ мукъ, но какъ только заворачиваются въ воскресенье (на Красную горку), то они опять подвергаются всѣмъ мученіямъ ада, почему эта родительская и признается самой главной въ нашемъ народѣ. Вторая родительская бываетъ въ субботу передъ Троицей; далѣе въ субботу передъ масляницей и въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста.

Каждую «родительскую» прихожане собираются къ обѣдѣ и подаютъ «поминанья»; затѣмъ служится въ церкви общая панихида, причемъ на аналоѣ ставится кутья, а кругомъ на полу, принесенные каждымъ, блины, которые и подаются священнику и причтѣ, а также многими раздаются нищимъ. Теперь на могилахъ поминокъ въ родительскую не бываетъ, а поминаютъ умершихъ дома, съѣдая блины, которые въ эти дни пекутся обязательно въ каждой семьѣ. Подъ именемъ *родительскій* поминаются вообще всѣ родные, что сохранилось съ глубокой старины: въ XVII и XVIII столѣтіяхъ «родительскія поминки» дѣлались тоже цѣлыми приходами и завершались пѣнствомъ на «родительскихъ кладбищахъ»; теперь послѣднее у русскаго деревенскаго населенія не дѣлается, но въ г. Саратовѣ до сихъ поръ сохранился обычай на главную родительскую, во вторникъ на Троиной, ѣхать и идти изъ города, послѣ обѣда, на могилы Пугачевскаго кладбища и тамъ служить панихиды. Царюду собирается протастъ и всѣ священники изъ Саратова; на могилахъ ставятъ блины, булки или крепелы, чашку или стаканъ меду, иные кутью и непременно по одному или парѣ крашенныхъ яицъ; во время панихидъ зажигаютъ восковыя свѣчи, воткнутыя въ могилы или прикрѣпленныя къ блюдцу; все это поны собираютъ потомъ въ телеги и везутъ къ себѣ домой; міряне, преимущественно женщины, обязательно «воняютъ», плачутъ и расходятся затѣмъ по домамъ. Прежде на этихъ поминкахъ на кладбищѣ пили много вина, но теперь кладбищенское духовенство гонитъ такихъ съ могила; съ самоварами, чаемъ и закусками размѣщаются здѣсь многіе.

Малороссы (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда) тоже чтутъ родительскіе поминальные дни: на Вознесенье они ходятъ на «могилки» (погостъ), гдѣ готовятъ обѣды и служатъ панихиды. Въ этотъ день со всѣхъ окрестныхъ деревень собираются богомольцы съ цѣлью побывать на могилахъ и помянуть усопшихъ.

Похоронные обряды *мордвы* отличаются полною своеобразностью. Лишь только больной начинаетъ томиться (с. Оркино, Саратов. уѣзда), какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или около окна ставятъ чашку съ водой, чтобы душа умершаго, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней; сказываютъ, что нѣкоторыя бабы «изъ досужихъ» (знахарки и мо-

нашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умереть человѣкъ и душа вылетитъ *). Тѣло покойнаго обмывають, падѣвають чистос бѣлье и обувають въ лапти; къ умершему собираются съ разными съѣстными припасами родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего бабы — старухи; плакать по умершимъ считается обязанностію женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу); вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причащаетъ падъ покойникомъ; плачущую унимають и она послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ, и тѣмъ помываетъ покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая и, какъ только она начнетъ причитать, старшая въ домѣ покойника женщина (въ Хвалынскомъ уѣздѣ, старикъ) беретъ грошъ или трешникъ и, ставъ предъ лицомъ покойника, начинаетъ ножомъ скоблить мѣдъ, приговаривая: «вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что хочешь; пойдешь, можетъ, въ бесѣду, на крестины, свадьбу, или еще куда, поворожи за васъ (живыхъ) тамъ и кланяйся тамъ Ивану, Дарьѣ»... и проч., называя всѣхъ родственниковъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, особенно между бабами), то просятъ поворожить изъ томъ свѣтъ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ. — Когда вся родня въ сборѣ, то посылаютъ за священникомъ, который отпѣваетъ покойника. Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры, преимущественно о покойномъ; нѣкоторые зажиточные мордва приглашаютъ чтецовъ — читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и проснувшись, рассказываютъ сны, какъ кто видѣлъ покойника; по этимъ снамъ судятъ о томъ, въ чемъ онъ

*) У Чуди, когда человѣкъ умираетъ, ставятъ на окошкѣ ковшъ воды, чтобы душа покойника, по выходѣ изъ тѣла могла омыться въ ней; корелы тоже ставятъ для умирающаго на окно чашку съ водой, а на край ея кладутъ лучинку, чтобы было по чемъ душѣ забраться въ чашку. Новгородцы и другіе обитатели озерной области, когда умираетъ человѣкъ, затворяютъ двери и окна, открывая лишь печную отдушину, передъ которой ставятъ ковшъ воды, чтобы душа при вылетѣ въ отдушину — омылась, а чтобы утерлась, то нѣкоторыя бабы вѣшаютъ тутъ же полотенце («Живонис. Россія»).

нуждается, чѣмъ надо помпнать его и что подать за него. — Въ былое время, дѣтъ 20 тому назадъ, вмѣстѣ съ покойникомъ клали въ гробъ лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ плетутъ лапти) и даже трубку, такъ какъ по тогдашнему вѣрованію мордвы все эго пригодится на томъ свѣтѣ.—Покойника выносятъ въ церковь, а въ домѣ, скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ ковцѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы «укрѣпить мѣсто для другихъ», чтобы не умирали (с Оркино, 1880 года); у хвалынской же мордвы для этой цѣли, тамъ гдѣ лежалъ покойникъ, кладутъ топоръ и подушку; соръ съ полу выметають и вмѣстѣ съ вѣнкомъ и щепами оставшимися послѣ подѣлки гроба, вывозятъ за околицу и сваливаютъ гдѣ-либо по близости отъ кладбища при дорогѣ *). По окончаніи погребенія (Хвалынской уѣздъ) присутствующіе располагаются около могилы умершаго и, въ честь его, начинается общее угощеніе, дѣлають и наверху могилы ямку, кладутъ въ нее куски хлѣба, мяса, льютъ вино и брагу. Возвращаясь съ похоропъ домой, родственники умершаго останавливаются у только-что сваленной кучи сора изъ избы покойнаго, кидаютъ въ нее кусочки стѣстныхъ принасовъ и гроши, послѣ чего кланяются до земли щепамъ. — «Суевѣрный мордвинъ,—говоритъ кн. Ѳ. С. Голицынъ,—указывая такое уваженіе къ покойникамъ и заботясь о томъ, чтобы они были сыты и пьяны на томъ свѣтѣ, чувствуетъ такой страхъ къ вывезенному изъ избы сору, что боится дотрнуться до него, и если кому случится нечаянно коснуться щепы, тотъ считаетъ себя несчастнымъ и ждетъ на свою голову всякихъ бѣдъ; въ подобныхъ случаяхъ устраиваются старухами особые *моляны*, для избавленія несчастнаго суевѣра отъ ожидаемой *притки*».

Послѣ похоронъ у мордвы (с Оркино) дѣлають обѣдъ—поминки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непременно съ своимъ хлѣбомъ, и съ начала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собирають обѣдъ и помпнають хозяйскимъ.—На 3-й, 9-й и 40 й дни тоже поминають умершаго, причеьъ всѣ

* У русскихъ, щепу, оставшуюся отъ подѣлки гроба, сжигаютъ, а стружки кладутъ въ гробъ въ голова покойнику; у нихъ же послѣ выноса тѣла, за гробомъ уносятъ и черепокъ (глиняная лохань), изъ котораго обмывали покойника, и бьютъ его бросая объ землю.

родственники выходят на дворъ или на улицу, и здѣсь передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю и потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и пришедшихъ на поминки родственниковъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ мордва, на 40-й день смерти, *провожаетъ душу* покойнаго (обычай этотъ мало-по-малу выводится): въ этотъ день родственники и знакомыя, обыкновенно старухи, приносятъ въ домъ покойнаго разныя печенки, ставятъ ихъ на столъ и молятся Богу передъ образами; въ это время хозяйка дома окурпваетъ глиняной ладавицей три раза столъ, на которомъ разставлены кушанья, столько же разъ обводитъ его ножомъ и, нашептывая, прикладываетъ плашокъ ко всѣмъ яствамъ. По окончаніи молитвы, начинается угощеніе: сначала съѣдаютъ *внесенное старухами*, а затѣмъ *разставленные хозяйкой мясо*, кашу и прочія яства. После обѣда, изъ среды присутствующихъ выбираютъ старуху или старика, смотря по тому, кого поминуютъ, изображающихъ изъ себя душу умершаго — *эсе-можай*, сажаютъ на самодѣльное кресло, выносятъ изъ избы и ставятъ среди двора лицомъ къ воротамъ. Всѣ участвующіе падаютъ передъ мнимою душою, не касаясь лицомъ земли, на четвереньки и въ такомъ положеніи остаются до тѣхъ поръ, пока изображающій изъ себя душу умершаго читаетъ молитву, въ которой проситъ Бога, чтобы были деньги, родились лошади, коровы, овцы, свиньи, гуси, курышки (индѣйки), утки и куры, чтобы выходило изъ земли больше ржи, пшеницы, овса, гороха и гречи; по окончаніи этихъ причитаній, сидящій старикъ или старуха вновь считаются простыми смертными; всѣ встаютъ и обращаются къ «пятному», приворотному, столбу, падая передъ нимъ на колѣни, начинаютъ плакать и прощаться съ душою умершаго, которая, по понятіямъ мордвы, уходитъ въ это время по столбу на небо. Затѣмъ всѣ ѣдутъ на кладбище и, вернувшись оттуда въ домъ умершаго, плянуть и поютъ, чтобы радостно жилось новому хозяину *).

На родительскую послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день Оркннская мордва ходитъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и другую пищу, поминуютъ покойниковъ и служатъ на могилахъ

*) Саратовскій Сборникъ, т. I, «Хвалынскій уѣздъ», князя Ѳ. С. Голицына.

панихиды; на кладбище ходят обыкновенно бабы и ребятышки; поплакавъ и помолвивши надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги въ могилу, пьютъ потомъ сами и ѣдятъ *). Плакать («вѣпить») надъ могильнымъ крестомъ во весь голосъ считается обязанностію, а потому во время родительскихъ поминованій на мордовскомъ кладбищѣ стоитъ стонъ отъ бабьяго вопля и рыданій. Часть бланновъ, лепешекъ и прочаго оставляютъ на могиллахъ, а пѣкоторые и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., причемъ говорятъ: «на вотъ тебѣ одежду, можетъ, тамъ нужно». Все это собираютъ потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Обряды *чувашь* Саратовской губерніи мнѣ неизвѣстны; приведу лишь доставленное мнѣ А. Н. Никитинымъ, изъ Самарской губерніи, описаніе ихъ обряда *поминовенія умершихъ*:

Въ с. Покровскомъ, Самарской губерніи и уѣзда, мѣстніи княгини С. А. Щербатовой, гдѣ поселины чуваши вмѣстѣ съ русскими, въ бытность А. Н. Никитина управляющимъ съ 1853 по 1855 годъ, ему приходилось видѣть, какъ чувашаи совершали поминовеніе усопшихъ родныхъ. Осенью, на *Семень-день* **) собираются въ домъ умершаго родственника, друзья и сосѣди на *молянъ*, который всегда бываетъ ночью, часовъ съ 8 вечера и до утра другого дня. На этотъ молянъ приглашаются музыканты: скрипачъ, баладаечникъ и «пузырникъ» (дудки съ пузырями) въ числѣ не менѣе трехъ человекъ; хозяинъ дома приготовляетъ обѣдъ, покупаетъ водки и варитъ брагу; къ правому косяку избы, при входѣ, прилѣпляется восковая свѣчя, приготовляемая самими чувашами съ конопляными (вмѣсто бумажныхъ) фитилями, въ такомъ числѣ, сколько въ этомъ дому онъ можетъ припомнить умершихъ. Часть водки и браги ставится въ посудѣхъ на коникѣ (при входѣ вправо), здѣсь же кладутъ перину и подушки, въ ведрѣ браги находится ковшъ, а подлѣ водки — рюмка; чувашаи дѣлаютъ это для того, что ихъ умершій родственникъ невидимо является къ нимъ на молянъ, садится на коникъ, выпьетъ водки и браги и,

*) Поливаніе могилъ виномъ, оставленіе на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго, и разговоры съ покойникомъ, у мордвы Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, упоминаетъ Н. В. Калачовъ въ «Архивѣ», 1855.

**) *Семень день* (пр. Симеона Столипника), 1 сентября, у чувашъ — праздникъ поминовенія усопшихъ.

лежа на перивѣ, смотритъ какъ идетъ молянъ.—Собравшіеся родственники и пріатели начинаютъ молянъ пляскою подъ музыку, попарно, прежде мужчины, потомъ женщины. На столѣ приготовлено кушанье, водка и брага, а по срединѣ стола горитъ восковая свѣча, особо приготовленная съ коноплянымъ фитилемъ, длиною около двухъ аршинъ, толще обыкновенной пята-копѣечной, и сложенная въ кружокъ (спиралью); ее поправляютъ по мѣрѣ горѣнія до окончанія моляна.—Въ избѣ находятся любимая покойникомъ собака: ежели она вспрыгнетъ на столъ и схватитъ какое-либо кушанье, преимущественно блинъ, то чуваши хлопаютъ руками. По окончаніи моляна каждая пара должна сдѣлать другъ другу визкій поклонъ, послѣ чего выходитъ другая пара и исполняетъ тоже.—Утромъ слѣдующаго дня хозяинъ дома, приготовивъ лучшее кушанье, запрягаетъ въ рыдванъ пару лошадей, кладетъ перину, подушки, водку и брагу, а женщины садятся по наклескамъ рыдвана, впереди ихъ верховой изъ молодыхъ ребятъ, и отправляются на «мазарки» (кладбище), гдѣ приготовлены временные столы: перину и подушки кладутъ на могилу и женщины начинаютъ плакать, «вопить», причитая по-чувашски. Въ могилу льютъ водки, кладутъ табакъ для умершаго, а къ пиву (имѣсто креста на могилѣ) прилѣпляютъ восковыя свѣчи на приготовленное для того на пивѣ мѣсто и вбиваютъ мѣдную монету (грошъ, въ тогдашнее время)—умершему на табакъ. Во время виршества на мазаркахъ происходятъ скачки, верхомъ на лошадяхъ: скачутъ молодые ребята, по одному отъ каждаго умершаго, на извѣстное разстояніе отъ конца мазарокъ—въ поле; кто во время скачки упадетъ съ лошади, тотъ непремѣнно «ввлпвтъ» (умретъ) въ этомъ году; къ упавшему тотчасъ со всѣхъ мазарокъ собираются и плачутъ, преимущественно родные, считая его уже приговореннымъ къ смерти, и самъ упавшій падаетъ духомъ.

Молянъ на «Семень-день» собирается ежегодно по всему селу у тѣхъ чувашъ, у которыхъ кто-либо умеръ изъ семьи въ этомъ году, и считается праздникомъ *поминовскія* усопшихъ. Чуваши бьвають въ восторгѣ, если кто изъ постороннихъ приходитъ на ихъ молянъ, и считали за честь, когда г. Никитинъ заходилъ къ нимъ въ этотъ праздникъ.

Чтобы довершить характеристику народных понятий и повѣрій, приведу еще нѣкоторыя черты религиозныхъ заблужденій мѣстнаго населенія по архивнымъ свидѣтельствамъ и разсказамъ очевидцевъ.

Расколъ уже давно свилъ себѣ гнѣздо по Хопру и Медвѣдицѣ; въ Тамбовской Арх. комиссіи (журн. 18 августа 1886) имѣется изъ Московскаго главнаго Архива отписка 7194 г. (1685) тамбовскаго воеводы Нарышкина о раскольникахъ, пріѣзжающихъ съ Дона. Изъ нея видно, что помѣщенные въ Тамбовѣ и тамбовскихъ крѣпостяхъ по Хопру, поставленныхъ при Михаиленѣ Федоровичѣ, стрѣльцы, казаки и всякихъ чиновъ служилые люди стали бѣгать на Хоперь, Медвѣдницу и другія «запольныя» рѣчки; къ нимъ стали уходить крестьяне и бобыли изъ дворцовыхъ слободъ, сель и деревень. Затѣмъ въ Тамбовѣ и тамбовскій уѣздъ стали пріѣзжать съ Дона и Хопра воровски, тайно, всякихъ чиновъ люди и съ рѣки Медвѣдницы раскольники, «совращал и подговаривая многихъ крестьянъ, женъ отъ мужей и дѣвокъ покидать свои тяглые жеребя и бѣжать въ ихъ казачьи городки на Хопрѣ, Медвѣдицѣ и иныхъ запольныхъ рѣчкахъ», угодять лошадей и крадутъ оружіе, такъ что край по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ наполнился людьми и въ городкахъ, считавшихъ еще недавно по 15 и 20 человекъ, теперь 200 и 300 человекъ и «женскаго полу много». До этого тамъ не сѣяли хлѣба, а возилъ его изъ русскихъ городовъ и «кормился звѣрми и рыбкою», въ настоящее же время, они, казаки, завели пашню и къ нимъ бѣгутъ дворцовые, помѣщичковы, вотчинные и монастырскіе крестьяне, бобыли и боярскіе холопы. «Въ этихъ Хопровскихъ и Медвѣдицкихъ городкахъ много *раскольниковъ* и отсутствующихъ отъ православной вѣры, не поклоняющихся иконамъ». Съ тѣхъ поръ вѣроятво ведется расколъ и въ Саратовскомъ краѣ.

Въ Аткарскомъ уѣздѣ много разныхъ сектъ. Больше всего распространены старообрядцы и молокане. Последніе двухъ толковъ: *Воскресники* и *Суботники* (иудействующие); изъ старообрядческихъ сектъ больше распространены въ уѣздѣ *Было-поповская* и *Поморская*. Раскольники не курятъ и не нюхаютъ табаку и терять не могутъ, когда при нихъ употребляютъ это «дьявольское зелье»; поморцы выбриваютъ себѣ макушку. Кроме того въ уѣздѣ есть *Примуны*, *Хлысты* и другіе толки, больше малочисленные, чѣмъ пер-

вые, но превосходящіе ихъ велѣнностью своихъ ученій и обычаевъ. Примѣромъ того, до какого изступленія могло доходить подобное сектанство, укажу на происшествіе въ селѣ Львово-Копѣны (Аткар. уѣзда) на рѣкѣ Медвѣдицѣ. Въ 1820 годахъ явились туда двое, какъ полагаютъ, бѣглыхъ изъ Сибири каторжанковъ и стали проповѣдовать на текстъ Евангелія: «аще кто хочетъ душу свою соблюсти, погубитъ ю»; они толковали, что нужно погубить себя, чтобы спасти душу. Эти изуверы успѣли до того фанатизировать народъ, что многіе соглашались добровольно на лишеніе жизни. Въ выходѣ изъ овина, другіе говорятъ—въ погребѣ, была устроена влаха и, изступленные проповѣдью, фанатики давали рубить себѣ головы; ужаснѣе всего, что родители приносили на плаху дѣтей; такимъ образомъ отрублено было до 40 головъ взрослыхъ и младенцевъ. Въ одномъ изъ овиновъ изуверы хотѣли предаться самоожженію: туда набралась масса людей, но одной молодой жещинѣ стало жаль своего младенца, котораго принесла съ собою па сожженіе; она насильно вырвалась отъ фанатиковъ и бросилась въ селеніе, гдѣ объявила народу; когда сбѣжались, то овинъ, обложенный соломой, былъ уже зажженъ и надо было силой выгнать изступленную толпу изъ пламени. Одинъ изъ проповѣдниковъ, по павшему на него жеребью, былъ срубленъ на плахѣ своимъ товарищемъ; преданіе говоритъ, что послѣдній, когда удалялся отъ Копенъ, дѣлался слѣпъ, а когда шелъ назадъ, то прозрѣвалъ, такъ что онъ не могъ отойти отъ Копенъ и былъ схваченъ въ этомъ селеніи. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ протоіерей В. Д. Турковъ кій и переписка должна храниться въ Пензенской консисторіи, куда въ то время принадлежалъ епархіей Аткарскій уѣздъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права число послѣдователей разныхъ сектъ увеличилось; такъ въ Ахтубѣ (с. Малой Дмитріевкѣ), Радушной, Киселевкѣ и другихъ бывшихъ барскихъ селеніяхъ явилась въ значительныхъ размѣрахъ хлыстовщина въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Приведу здѣсь нѣсколько документовъ, которые прошли черезъ мои руки, какъ лица должностного.

— При рапортѣ Мало-Дмитріевского волостнаго правленія, я получилъ актъ отъ 8 апрѣля 1868 г., составленный волостнымъ старшиною Паськовымъ, священникомъ Леонидовымъ, старостой, сотникомъ и понятыми, въ томъ, что: «солдатка, проживающая въ

с. Малой-Дмитрѣвкѣ (Ахтуба тожѣ), Марья Васильева, по мужѣ Кафтайсова, являсь въ волостное правленіе, добровольно и чисто-сердечно объявила, и въ присутствіи всѣхъ вышеписанныхъ лицъ, что она, назадъ тому мѣсяца три, какъ начала ходить для слушанія пѣнія и чтенія собиравшихся крестьянъ и крестьянокъ с. Малой-Дмитрѣвки. Въ теченіи этого времени ничего противнаго и никакого богохульства не замѣчала, а наконецъ на шестой недѣлѣ великаго поста сего 1868 г., по какому числу, не упомнить, поздно вечеромъ было собраніе вышеписанныхъ крестьянъ, а именно: Ѳедоръ Суковъ съ женою, Григорій Рябковъ съ женою, Савелій Филимопенковъ съ женою, Петръ Лазовой съ женою и дочерью, Тимоою Лазовой (малороссы), и сверхъ того еще было на собраніи молодыхъ женщинъ и дѣвокъ человекъ десять и, можетъ, болѣе, и томъ числѣ и она, Кафтайсова, въ домѣ вышеупомянутаго крестьянина Григорія Рябкова. Когда они всѣ собрались въ домъ для слушанія божественныхъ стиховъ, сѣли по лавкамъ, то изъ числа ихъ, бывший на собраніи, Ѳедоръ Суковъ, вышелъ на средину избы, началъ кружиться по всей избѣ; покруглившись, сталъ на одномъ мѣстѣ, а крестьяне Рябковъ, Филимопенковъ, Лазовой выходили каждый съ своею женою на средину избы, кланялись Сукову въ ноги, цѣловались между собой, а также цѣловали его, Сукова; а послѣ ихъ и всѣ бывшіе на собраніи подходили къ Сукову и кланялись ему и въ ноги, потому цѣловали его; по примѣру ихъ и она, Кафтайсова, тоже самое исполнила. Когда это кончилось, всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, Ѳедоръ же Суковъ сталъ на средину избы; привелъ къ нему телянка, поставили поперекъ избы, Суковъ взялъ нитку, привязалъ за хвостъ телянку, самъ сѣлъ на полъ и началъ тащить телянка за привязанную нитку, а между тѣмъ телянокъ мычала; по окончаніи сего, нитку отвязали и отвели его въ свое мѣсто. Суковъ взялъ съ полки икону преподобнаго Митрофанія, обвязалъ оную этой ниткой и положилъ подъ столъ. Черезъ нѣсколько времени выпуль изъ-подъ стола икону и началъ совать всѣмъ сидящимъ на лавкѣ мужчинамъ между ногъ; окончивши это, началъ за привязанную нитку таскать икону во полу; протащилъ взадъ и впередъ раза три и бросалъ оную къ порогу дверей, потомъ положилъ на нее ухватъ въ кочерги, а самъ отошелъ на средину избы и началъ кружиться; покруглившись на срединѣ, пошелъ

къ двери, взялъ икону св. Митрофанія, выставилъ впередъ правую ногу и положилъ икону на ногу внизъ лицомъ, а самъ началъ со всѣми сидящими на лавкахъ вривѣвать какіе-то неизвѣстные каштѣ; послѣ того взялъ икону съ ноги и бросилъ подъ столъ, а самъ Суковъ началъ кружиться вокругъ сидящихъ на собраніи зрителей. Когда это кончилъ, взялъ икону изъ-подъ стола, поставилъ на полку въ свое мѣсто, а самъ началъ также кружиться по избѣ; покружившись, *покатился* по всѣмъ сидящимъ зрителямъ, которыхъ онъ называлъ: мои братья и сестры; потомъ послѣ этого приклонился изъ числа всѣхъ сидящихъ къ Савелію Филимопенкову и Тимошею Лазовому и затрясся, какъ будго-бы отъ какой-либо болѣзни и вытянулся среди избы на полу. Полежавши нѣсколько времени, всталъ и началъ пѣть; окончивъ пѣніе, поклонился всѣмъ сидящимъ съ произнесеніемъ словъ: «простите меня, братія и сестры», а они ему въ отвѣтъ сказали: «отецъ тебя прощаетъ и мы тебя прощаемъ». Потомъ начали пѣть божественный стихъ: *внѣшнѣ отпущаети раба твоего*... и т. д. Послѣ пѣнія поцѣловали всѣ Сукова и поклонились ему въ ноги, потомъ вторично его цѣловали и сказали ему: «прости насъ», а онъ имъ отвѣчалъ: «отецъ васъ прощаетъ и я васъ прощаю». Тѣмъ самымъ всѣ ихъ моленія кончились; но для чего ставилъ Суковъ теленка и тащилъ за привязанную къ хвосту нитку, а также для чего онъ накладывалъ на икону преподобнаго Митрофанія ухваты и кочерги, таскалъ ее взадъ и впередъ по полу и клалъ на ногу, того Марья Кафтайсова не знаетъ и Суковъ этого пикуму изъ зрителей не объявлялъ; но солдатка Кафтайсова, видя такое безобразіе и богохульство, не желая болѣе въ это собраніе ходить, по возвращеніи своемъ изъ безумнаго собранія, тотчасъ объявила родному отцу своему Василию Чененкову и потомъ заявила въ волостномъ правленіи о всемъ происходившемъ; нашу же православную вѣру, вынесказанные участники въ собраніи называютъ *окаянной*, а святія иконы — *болванами*. Слѣдуютъ подписи.

— Января 18-го 1874 года явился ко мнѣ, какъ къ мѣстному мирному судѣ, крестьянинъ д. Киселевы (Алексѣвка тожъ), Колѣвской волости, Аткарекаго уѣзда, Егоръ Филипповъ Бушкинъ, женатый, отъ роду болѣе 30 л., и заявилъ, что онъ чистосердечно хочетъ сказать мнѣ о *хлыстахъ*, которые завелись у нихъ въ Ки-

селевкѣ, уже года съ четыре: «много, — говорилъ онъ, — разныхъ вѣру и моленій, а ужъ какое это моленіе, такъ просто безобразіе».

Я записалъ слова Бушкина: «Я уже всѣмъ заявилъ, — началъ онъ, — и старостѣ, и священнику о томъ, какъ они соврацали меня въ свою вѣру и что у нихъ дѣлается. Ищутъ хлысты своего бога; богъ у нихъ *Кузьма Семеновъ*; какой онъ такой, этого никто изъ насъ не знаетъ, должно — идолъ какой. По осени прошлаго 1873 г. былъ у насъ въ Киселевкѣ Канабѣвскій овчинникъ, что живетъ въ Ахтубѣ, Потапъ Ивановъ; онъ — хлыстовскій попъ; заходитъ онъ къ отцу моему и говоритъ намъ, чтобы обратились въ па-стоящую вѣру; мы ему отвѣчаемъ, что нельзя, молъ, видѣть, какъ вы молитесь, къ намъ и за 20 сажень не подойдешь, вездѣ сто-рожать. Потапъ Ивановъ уговаривалъ насъ обратиться по слуху, поговѣтъ три дня: «въ теченіи которыхъ ни чего не ѣшь, и я *запушу духъ* на тощій желудокъ, а на сытый онъ не пойдетъ, за это я прошу долъ пять рублей». Спустя нѣкоторое время, По-тапъ спрашиваетъ отца: «скоблился-ли ты три дня, или *принесъ рубанокъ?*» отецъ отвѣчаетъ: «Рубанокъ принести могу.» — «Не то, — говоритъ попъ, — это значить: очистился-ли ты говѣшьемъ?» Отецъ сказалъ ему на это: «началь, да брюхо стало болѣть, я и поѣлъ». Сталъ Потапъ уговаривать насъ идти въ хижину ко вдовѣ Аннѣ Зигѣрковой, что на задахъ живетъ; мы спрашиваемъ: «какія, молъ, дѣла у васъ тамъ дѣлаются?» Тотъ говоритъ: «привдешь — поца-луй Авву идовую, потомъ въ ноги ей поклонись в дѣлокъ всѣхъ перецалуй». Пришли, поцаловались съ Анной, ей въ ноги поклонились и она тоже, потомъ всѣ стали цаловаться и давай всѣ въ землю кланяться, какъ понало. Анпушка крѣико меня за ребра схватила, раза два, потомъ пѣть стали Богъ знаетъ что, все Бога Саваоа сначала поминали, а потомъ неѣсть что записали. — Въ другой разъ къ брату Анны Зигѣрковой ходили, Пикитѣ Юдину; тамъ пошло представленіе и вдругъ на меня *дрѣма* напала: что за пропасть — ни съ то ни съ сего, остальныхъ тоже дремота одо-лѣла, они полѣзли на полати и мнѣ тоже захотѣлось, да словно что не пускаетъ, сижу на мѣстѣ. Подремали мы, стали потомъ пѣть. Пришла Дуня; ихъ двѣ у нихъ Дувья, обѣ дѣвки молодыя, красивыя; эта — Авдотья Герасимова Мокарцева, у нихъ *пророчица*, живетъ она у вдовой Аннушки Зигѣрковой, дѣвка здоровая и очень

красивая, лѣтъ 20 съ небольшимъ; нейдетъ она замужъ, а охотники на нее есть; не слышать у насъ, чтобы она распутничала, но больно вѣрой занялась. Вотъ эта-то пророчица Дуня пришла въ избу къ Юдину и начала ходить по хатѣ; сняла коты (бапмаки), чтобы легче ноженькамъ ея было; взяла утиральникъ и все ходитъ; ходила, ходила и говоритъ Аннѣ Звѣрковой: «прости меня!» Та ей отвѣчаетъ: «ежели Кузьма Семеновъ (это ихъ-то Христосъ или богъ) прощаетъ, то и я прощаю», потомъ хлѣстъ объ полъ, тоже повторили и другіе, такъ все собраніе и все на Кузьму Семеновича ссылались, въ ноги кланялись; послѣ того всѣ стали ходить по избѣ. Дуня подошла ко мнѣ, положила руку на мою голову и говоритъ: «самъ тутъ, а *мѣнѣе* (т. е. духъ-то) дома, иди на мой слѣдъ». Потомъ Дуня дуже шибко стала ходить и говорить по небесному, ломается, юбку поднимаетъ, кружитъ, грызетъ ее зубами; сѣла на корачки, вертится и оглядывается по полу, словно что ищетъ; встала и поставила Родіона (Звѣркова) съ кумой парой рядомъ и покрыла ихъ утиральникомъ, а Федосью съ Ѳеклой, тоже рядомъ, другой парой, и покрыла ихъ платочкомъ; прошла и говоритъ Федосьѣ съ Ѳеклой: «вы не достойны этого дѣла»; сорвала съ нихъ платочекъ и забросила, сняла и утиральникъ; они всѣ врознь руками сучить и мотать стали: кто къ верху, кто впередъ, даже до мокраго поту, а Родіонъ все себя руками по груди сучить, да какъ хляснется объ полъ и ну кататься и коверкаться, до непрличности открылся при всѣхъ; бился, бился опъ и упалъ безъ памяти. Нашелъ и на меня *духъ*: расслабъ я весь, а все руками хлопаю и кричу: «эхъ! эхъ! эхъ!»... А бабы все руками машутъ. Пророчица Дуня шибко по избѣ ходитъ. Я, молъ, говорю: «что это такое?» А та все твердитъ: «дѣла божіи, дѣла божіи!» Явилась у меня тутъ сильная похоть; Дунька бросилась задомъ ко мнѣ на колѣни, дрыгаетъ, прыгаетъ на мнѣ, ломается, терекбитъ; перекинется, обойметъ, схватитъ за волосы; крѣпко обнялъ я ее, такъ и стиснулъ и только твержу: «душенька, миленькая моя!» Да такъ вцѣпилъ въ нее, не пускаю. Грѣха однако между нами не было. Слѣзла и отошла, глядитъ на меня. Я опять захопалъ руками, кричу: «миленькая, Дуня, иди ко мнѣ!» та опять ко мнѣ на колѣни, такъ и смотритъ мнѣ въ глаза, обняла и давай крѣпко, крѣпко целовать, я даже память потерялъ;

она опять слѣзла, отошла. Опомнился я: «что, молъ, это такое дѣлается?» А Звѣркова говоритъ мнѣ: «дѣла божіи, дѣла божіи!» Собрались мы еще какъ-то; представленіе было тоже, гляжу, а Дунька сѣла къ тому калекѣ, что въ Киселевкѣ на палкахъ и на корачкахъ ходитъ, отцу другой Дуньки, тоже красивой дѣвки; но у него она не такъ вертѣлась и ломалась, какъ у меня на колѣняхъ. Тутъ у меня въ глазахъ помутило, навожденіе было: огонь горитъ, а мнѣ кажется, что потухъ и темно; сталъ я тутъ отмахиваться: «стойди, отойди», говорю; ну прошло, смотрю — свѣтло; опомнился, сталъ креститься. Вижу я, что это вовсе не христіанская вѣра, а нечистая; говорятъ — молятся, а развѣ тутъ молитва, больше плотское навожденіе — дьяволу служить. Мучили они меня такъ до осени, совсѣмъ отъ дѣла отбился. Вросилъ я теперь эту хлыстовщину и готовъ все доказать суду. — Трудно только подстеречь ихъ: на гумнахъ и задахъ дворовъ свои представленія дѣлаютъ и зорко сторожатъ во время своихъ собраній, никого не подпустить. Эти представленія они называютъ молитвой, а какой — просто нечистому поклоняются; мы-де, говорятъ, не хлысты, а *христы*; а развѣ тутъ есть что Христово, просто наитіе нечистаго. Въ Киселевкѣ больше собираются у Никиты Юдина; бываютъ многіе, пріѣзжаютъ и странніе; были какъ-то двое въ военной одеждѣ, говорятъ, молъ, что жандармы съ Кавказа. Когда Никита Звѣрковъ не бываетъ, то его *духъ* бываетъ на собраніи. Попъ Канабѣвскій Потанъ Ивановъ пріѣзжаетъ изъ Ахтубы (с. Малая Дмитріевка). Звали меня на главное собраніе, куда собираются *хлысты*, въ д. Радушную къ Федору Чекрышеву, да я не поѣхалъ *)).

Бушкинъ простоватъ и изъ словъ его видно, что онъ сильно вѣритъ въ дьявольское навожденіе при обрядахъ описанной имъ секты. Онъ кончилъ свой разсказъ, обратясь ко мнѣ съ просьбой: «не вели ты сѣчь Дуньку, а вели насильно замужъ выдать; одинъ молодой парень больно на нее охотится, да она говоритъ: ежели

*) Въ Трудахъ Рязанской Архивной комиссіи 1887 г. № 5, изъ дѣлъ Зарайскаго уѣзднаго суда и Рязанской уголовной палаты 1837 г., А. В. Селивановъ приводитъ интересныя свидѣнія о хлыстовской ереси въ с. Каринѣ, Зарайскаго уѣзда, въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ.

бы вышла, то только по своей вѣрѣ». Онъ былъ правъ: мѣстнымъ властямъ подсторожить хлыстовъ не удалось.

— Въ 1887 году крестьяне средней волости Саратовскаго уѣзда стали говорить, что не у однихъ русскихъ, но и у нѣмцевъ завелись *культуры* (раскольники). Въ концѣ того же года сообщили мнѣ, что очень много изъ колоніи Побочной «ушло въ расколъ», охватившій и другую колонію той же Ягодно-Полянскои волости— Скатовку. Я поручилъ своему нисъмоводителю М. А. Волкову, бывшему нѣмецкому старшивѣ Ф. К. Штраубу и волостному писарю Г. Г. Шнейдеру разузнать на мѣстѣ, по возможности лично проникнуть въ собранія сектантовъ и доставить мнѣ вѣрныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ расколѣ. Добытыя ими данныя привожу здѣсь дословно. По словамъ бывшаго волостнаго старшины Ф. К. Штрауба, къ нѣмцамъ-колонистамъ с. Скатовки занесена въ 1886 году секта *штундистовъ* изъ колоніи Побочной Егоромъ Егоровымъ Кайлемъ и имѣетъ здѣсь къ 1888 году послѣдователей до 40 человекъ мужчинъ и женщинъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ жила въ Побочномъ старая нѣмка, уроженка Камышинскаго уѣзда, которая первая начала проповѣдывать штунду въ с. Побочномъ. Секта эта, по словамъ Штрауба, не отличается отъ лютеранскои вѣры; штундисты — горячіе поклонники церкви и гораздо прилежниѣ ходятъ въ нее, чѣмъ остальные колонисты; они не пропускаютъ ни одной обѣдни и первыми приходятъ къ богослуженію. Пообѣдавъ по окончаніи обѣдни, они собираются къ одному изъ домохозяевъ, читаютъ молитвы и воютъ священныя пѣсни; книги ихъ тѣже, что употребляются при церковной службѣ. Моленія ихъ происходятъ какъ днемъ, такъ и вечеромъ не позже 10 часовъ, затѣмъ всѣ выходятъ разомъ изъ того дома, гдѣ совершалось ихъ собраніе; при моленіи участвуютъ, какъ мужчины, такъ и женщины и дѣвцы, допускаются и посторонніе; послѣднихъ штундисты даже сами приглашаютъ на свои молитвы, отвлекая тѣмъ, въ праздничное время, отъ пѣанства и гульбы. Въ собраніяхъ они всѣ равны и называютъ другъ друга братьями, никакихъ безобразій и безчипствъ не допускается. Какъ только въ домѣ соберется нѣсколько человекъ, одинъ изъ нихъ начинаетъ читать молитвы, а затѣмъ всѣ поютъ священныя пѣсни. Вино и разныя увеселенія строго запрещаются у штундистовъ; ни одного изъ нихъ не дозовешься въ гости, гдѣ

играетъ музыка и пьютъ вино; штундистъ не пойдетъ на свадьбу даже къ родному брату лютеранину, ежели у него пируютъ и есть музыканты. Свадьбы штундистовъ безъ всякихъ увеселеній и музыки; они довольствуются однимъ обѣдомъ, при которомъ читаютъ священныя молитвы. Секта эта, при своемъ распространеніи, могла бы уменьшитъ пьянство и разгуль; она нигдѣмъ не преслѣдуется и мѣстный пасторъ Швдлингъ совѣтуетъ имъ только не собираться на молитвы въ разныхъ домахъ, а обратиться въ консисторію съ просьбой о разрѣшеніи имѣть одинъ опредѣленный для молитвы домъ. Недавно былъ случай перехода штундиста въ секту *баптистовъ*: лѣтомъ 1887 г. молодой парень Федоръ Шнейдеръ (взятый въ ноябрѣ того же года въ рекруты) ѣздилъ въ Саратовъ къ одному старшему изъ секты баптистовъ—Гусману, тотъ водилъ его съ другимъ парнемъ, изъ Побочной Руды, на Волгу и тамъ крестилъ, для чего ввелъ ихъ въ воду въ бѣлыхъ сорочкахъ, читалъ молитвы, послѣ чего они окунали головы въ рѣку. Баптисты отпускаютъ крещеніе въ возрастѣ не моложе 15 лѣтъ.

Г. Г. Шнейдеръ такъ передавалъ дознавное имъ чрезъ разспросы достовѣрныхъ лицъ и видѣнное имъ самимъ въ *братскихъ* собраніяхъ, куда онъ ходилъ нѣсколько разъ. «Въ Ягодно-Полянско-й волости появилась религіозная секта такъ называемыхъ *братьевъ* и *сестеръ* или *штундистовъ*, занесенная сюда изъ нѣмецкихъ колоній Камышинскаго уѣзда, гдѣ она существовала уже лѣтъ 30 тому назадъ *). Туда явилось въ то время двое книготорговцевъ, разносчиковъ книгъ священнаго писанія, изъ колоній Бессараб-

*) Религіозное ученіе Штунды (Stunde) впервые появилось въ концѣ XVII столѣтія въ Германіи, гдѣ его распространялъ пасторъ Флиппъ Яковъ Шполеръ, образуя кружки «братьевъ христіанъ». Штунда не имѣла ничего сектаторскаго, а лишь сближала христіанъ въ болѣе тѣсный кружокъ и быстро расширялась, въ особенности въ Виртембергѣ, откуда ученіе это занесено въ Россію въ 1817 году и гнѣздомъ ея была колонія Рорбахъ въ Одесскомъ уѣздѣ, пасторъ которой Бонкемпферъ въ продолженіи 24 лѣтъ энергично распространялъ необходимость учрежденія «братьевъ друзей божіихъ». Штунда укрѣпилась на берегахъ Черпаго моря, проникла въ сосѣднія губерніи и захватила не только нѣмецкія колоніи, но и русскія селенія. По свѣдѣніямъ «Церковнаго Вѣстника», 1883, № 37, она существуетъ тешеръ въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Киевской, Бессарабской, Полтавской, Подольской, Волинской, Минской, Черниговской, Орловской, Могилевской, на Кавказѣ, въ Закавказскомъ краѣ и даже въ Москвѣ.

ской губерніи и начали распространять новое ученіе, которое впрочемъ ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ лютеранскаго исповѣданія. Впослѣдствіи нѣкоторые руководители секты стали допоянять новое ученіе сообразно съ своими понятіями и все болѣе и болѣе отклонялись отъ церкви. Вслѣдствіе ежедневнаго чтенія они скоро достигли значительнаго знанія священнаго писанія, по толковали его по своему, почему между ними и передовыми не-сектантами ладу не было, и вмѣсто того, чтобы наконецъ согласиться между собою, они расходились все болѣе и болѣе и наконецъ дошли до положительной вражды. Такъ какъ сектантовъ было еще мало, то общества, по соглашенію съ пасторами, начали преслѣдовать расколъ, наказывая розгами тѣхъ, кто не желалъ отказаться отъ «братства». Результатомъ преслѣдованія и розогъ было не искорененіе секты, а напротивъ—увеличеніе и усиленіе ея: *братья* признавали себя мучениками, страдальцами за святую вѣру, какъ первые христіане отъ іудеевъ и язычниковъ. Преслѣдованіе продолжалось два-три года, потомъ оставили сектантовъ въ покоѣ и они продолжали размножаться; но скоро между ними возникли значительныя разногласія и они раздѣлились на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая считала себя лучшей, презирая другія. Были *умѣренныя*, оставшіеся при первомъ ученіи, ходившіе въ церковь на общественное богослуженіе, а по вечерамъ и въ праздничные дни по полудни собиравшіеся въ извѣстный домъ, лѣтомъ же на дворѣ, для религіозныхъ бесѣдъ и пѣнія; при этомъ обыкновенно читали главу изъ священнаго писанія и болѣе развитые изъ нихъ толковали прочитанное. За умѣренными слѣдуютъ *танцоры* (Tänzer): они на общественное богослуженіе уже не ходили, собирались у кого-нибудь на дому, гдѣ, послѣ чтенія главы изъ священнаго писанія и короткаго толкованія, начинали пѣть религіозныя пѣсни, подбирая такія, которыя содержаніемъ оправдывали бы ихъ убѣжденіе, что «христіанинъ всегда долженъ быть радостнымъ, памятуя, что онъ спасенъ и искупленъ Христомъ, а слѣдовательно ему грѣшно быть печальнымъ, даже въ самомъ затруднительномъ положеніи». Пѣли они очень скоро, подъ тонъ народныхъ пѣсенъ, при чемъ хлопали руками, топали ногами и наконецъ, вскочивъ, схватывались за руки и начинали плясать *кружкомъ* отъ 10 до 15 человекъ. Самое боль-

шое значеніе они придавали взаимной любви, почему установили цаловаться при каждой встрѣчѣ въ собраніяхъ, а нѣкоторые соблюдали это и на улицѣ; послѣднее послужило поводомъ къ расколу въ этой сектѣ: скоро менѣе красивыя сестры замѣтили, что братья охотнѣе и нѣжнѣе цалуютъ красивыхъ и молодыхъ сестеръ; послѣдователь раздѣлъ этой группы — одна часть прекратила цалованіе, другая же продолжала. Далѣе слѣдуютъ *перекрещенцы*, не признававшіе своего крещенія и вообще крещенія младенцевъ, считал его неправильнымъ, такъ какъ въ священномъ писаніи нѣтъ примѣра, чтобы въ первое время христіане крестили дѣтей; при томъ лютеранское крещеніе они признаютъ неполнымъ, такъ какъ младенца окропляютъ только водою, между тѣмъ какъ крещаемого, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ опускать въ воду всѣмъ тѣломъ. Эти перекрещенцы въ то же время и танцоры, и, въ дополненіе пѣнія при танцахъ, ввели музыку, такъ какъ танцовать и въ то же время пѣть веселія пѣсни оказалось труднымъ. Сначала танцовали *кружкомъ*, а затѣмъ начали попарно — мужчина съ женщиной, какъ въ обыкновенныхъ танцахъ. Въ этой сектѣ за послѣднее время тоже замѣчается упадокъ.

«Братьевъ и сестеръ Ягодно-Полянской волости до сихъ поръ можно считать *умпрскими*; *танцоровъ* вовсе нѣтъ, а *перекрещенцевъ* пока всего двое: одинъ скатовскій, а другой — побочинскій. Всѣ сектанты Ягодно-Полянской волости очень усердно посѣщаютъ общественное богослуженіе въ церкви, послѣ чего собираются въ частномъ дому, гдѣ ведутъ поучительныя бесѣды, читаютъ по главамъ изъ библіи или Евангелія, толкуютъ прочитанное и поютъ церковныя пѣсни, хорошимъ и стройнымъ напѣвомъ; но танцевъ у нихъ нѣтъ. Въ прошлую зиму, въ здѣшней сектѣ повторилось нѣсколько разъ замѣчательное явленіе, которое ставило въ тупикъ не только постороннихъ, но и самихъ братьевъ и сестеръ: нѣкоторыя молодыя дѣвушки, ходившія въ штунду, до такой степени восхищались своимъ воображаемымъ положительнымъ спасеніемъ и увѣренностью въ своей святости, что отъ восторга волновались до истощенія силъ и падали въ собраніяхъ, во время молитвы, на полъ, шепча какія-то несвязныя слова о небесномъ раѣ; большею же частью, какъ передаютъ очевидцы, слова этихъ *восхищенныхъ* относились къ предметамъ или личностямъ изъ не-

сектантской среды; такъ напримѣръ они говорили: «вижу дерево, пастора, шульмейстера», или кого другого: «дерево хорошее, зеленое» или «дерево это съ одной стороны повяло, дерево сухое» и т. д. Явленіе это лѣтъ двадцать тому назадъ было замѣчено въ колоніи Усть-Кулалинкѣ (Галка тожь, на Волгѣ, Камышинскаго уѣзда), въ другихъ же селеніяхъ ничего подобнаго не было, хотя во всѣхъ много сектантовъ того же толка. Теперь этого не слышать.

«Ягодно-Полянскимъ сектаптамъ-братьямъ вѣроятно скоро также предстоитъ раздѣлиться вслѣдствіе возникшаго разногласія двухъ передовыхъ братьевъ—Штеркена и Лагвица: первый не желаетъ допустить, чтобы женщины-сестры произносили молитву въ собраніи, говоря, что по ученію Апостоловъ этого не должно быть, а послѣдній находитъ, что если Духъ Святой внушаетъ сестрѣ молитву, то она должна произносить такуюю гдѣ бы то ни было, дома или въ собраніи». (Доставлено въ январѣ 1888 года).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.—Краткій этнографическій очеркъ.—Народности, населяющія Саратовскую губернію: русскіе; малороссы; вѣмци; широдцы—мордва, чувашы, мещера, цыгане. Мѣстности, занимаемыя каждымъ изъ племенъ (стр. 1—3). Типы, жилье, одежда у русскихъ (3—8), малорусовъ (8), мордвы (9—10), вѣмцевъ (11—12).

Народныя повѣрья.—Колдуны (стр. 13—16). Колдуны—разбойничьи атаманы (17—18). Малорусскіе чаровники (18—19). Знахари и знахарки (19—20). Проклятыя, вѣшіе (20—21). Русалки (21—22). Домовой, хозяинъ (22—23). Огненный змѣй (23—24). Оборотни и вѣдьмы у русскихъ и малоруссовъ (24—28). Суевѣрія мордвы (28—29).

Преданья о кладахъ и разбойникахъ.—Клады и разрывъ-трава, «сырыгъ», «Петропъ-крестъ» (стр. 29—31). Разрываніе кладовъ въ пещерахъ и оврагахъ (31). Разбойничьи клады (32). Преданія о Кудеяровой горѣ и самомъ разбойникѣ Кудеярѣ (33—37). Будапова гора (37). Курганъ Стеньки Разина; «Тюрьма» или «Дурмалъ» (38—39). Уракова гора (39—40). Курганы, «мары», «могилы» въ разныхъ мѣстностяхъ Саратовскаго края: Кладоуша, Дорошха, Дѣвичьи горы, Высокая могила, Мамаелъ яръ, Тарасова могила, Перездавская могила, Царскія могилышцы, Быкъ-гора, Улановъ оврагъ (40—43). Змѣй—хранитель клада; Змѣвыя горы (43—45).

Ворожба и гаданье. Повѣрья. Народное леченіе.—Гаданье на паука, на углѣ, на вяхелѣ, башмачкомъ и др. (стр. 45—46); повѣрья объ огнѣ, о сѣменахъ для посѣва (46); гаданья у мордвы (46—47). Вороженъ и гадальщицы (47). Вѣра въ предзнаменованія; примѣты; заговариванье зубовъ, клоновъ, крысъ, мышей и пр. (47—49). Порча, приворотныя зелья и коревъ; примѣты по криву птицъ,—перейти путь и пр. (49—50). Средство противъ засухи—броситъ въ воду или оврагъ опойцу (50). Средство противъ смертности дѣтей—«встрѣчныя крестныя»; «прикалыванье» дѣтскихъ болѣзней; предохраненіе ребенка отъ вѣдуна или отъ болѣзни у мордвы (50—52). «Грамотка отъ лихорадки» (52—54). Суевѣрныя средства отъ болѣзней и свѣтскаго надежа—у русскихъ, вѣмцевъ, мордвы (54—57).

Апокрифическія сказанія и рукописи (стр. 57).—Сказаніе объ Адамѣ (58—60). Сонъ Богородицы—рукописный (60—62), какъ заговоръ (62—63), какъ стихъ, пѣющій также значеніе охраны (63—65); варианты рукописи (65—67). Святокъ Иерусалимскій (67—69). Сказаніе о мукахъ (69—70). Видѣніе ап. Павла, въ пересказѣ (70—72). Списковъ

дней, добрыхъ и злыхъ (72). Слово отъ хожденія пр. Богородицы (тоже «Сказаніе о мукахъ», въ вариантѣ) и пр. (72—75). «Двадцать пятицевъ годовыхъ» (75—76). Псалмы (76). Историческія справки о степенн образovanія духовенства въ старину (77—80). Пѣсня страннаго нищаго (80).

Заговоры.—Мужчины на женщину, чтобы тосковала о немъ и не могла безъ него жить;—на примиреніе мужа съ женой;—о томъ, чтобы мужъ не билъ свою жену (стр. 80—82). Заговоры о пчелахъ (82—84). Заговоры противъ стрѣль, ядеръ и пушекъ (84—85). Молитвы: отъ лихихъ враговъ; отъ напасти; отъ грижи; отъ лихорадки; Кресту, Богу-Отцу; по имя Господне; отъ винаго запойства; аще кто возненавидитъ, мужъ-жену или жена мужа; отъ падежа скота и лошадей и отъ съдѣнія звѣрѣй; отъ зубной боли (85—88).

Праздничные обычаи, обряды и пѣсни.—Новый годъ, пѣсня «таусень» (стр. 88—90). Рождественскіе обычаи у русскихъ и мордвы; мордовская коляда (90—93); Рождественскіе обычаи и пѣсни у малоруссовъ (93—99); у нѣмцевъ (99—100). Масляница (100). Весенніе праздники и обычаи; великій постъ и пасха у русскихъ и малоруссовъ (100—102). Преполовенье, Вознесенье, Троицынъ день—обычаи и пѣсни; кумовство между женщинами (102—105). Русальское воскресенье; Иналь Купала у русскихъ и малоруссовъ (105—107). Десятая пятница; Первый Спасъ; Спожинки; Спаса Преображеніе; день св. Флора и Лавра; Иналь Постный; Рождество Богородицы; Воздвиженіе (107—109). Мордовскіе обычаи на Покровъ, сычичны (109—110). Дмитрова суббота; осенній вечерницы у малоруссовъ; Козьма и Демьянъ (110—111). Мѣстные праздники — престоль (111). Посты (111—112). Мордовскіе моляны (112—114).

Свадебные обряды.—У русскихъ: смотрины, «осмотръ уголковъ», запой, свадьба. Продажа нештѣиной косы и пр. (стр. 115—120). Свадьба у малоруссовъ (120—124). Свадебные обычаи у мордвы; браки «уходомъ» (124—129). Свадебные обычаи у нѣмцевъ (129—130).

Похогонные обычаи. У русскихъ и нѣмцевъ; кладбища русскія и нѣмецкія (стр. 131—132). Поминовенье умершихъ; «родательскія» у русскихъ и малоруссовъ (132—133). Похоронные обычаи мордвы (133—137). Обычаи чувашъ (137—138).

Секты у русскихъ и нѣмцевъ (стр. 139—150).

**Библиографический список трудов А. Н. Минха
по этнографии и фольклору Саратовского края**

Аткарский уезд//Сарат. губ. вед. — 1880. — № 58, 60, 63, 69, 75, 94, 111, 117. — Перепечат. в «Сарат. сборнике». — Саратов, 1881. — Т. 1. — С. 65—176.

Кладбища в Саратове//Сарат. губ. вед. — 1881. — № 203, 205.

Саратовский уезд: I. Пограничные местности в Петровском уезде. II. Ягодно-Полянская волость//Сарат. сборник: Материалы для изучения Сарат. губ./Изд. Сарат. стат. ком. — Саратов, 1882. — Т. 11. — С. 203—327.

Легендарные урочища волжского побережья в пределах Саратовского края//Сарат. листок. — 1888. — № 258.

Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах//Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по отделению этнографии. — Т. XIX. — Вып. 11.

Отд. оттиск. — СПб., 1890. — 8°. — 11—152 с.

Этнографический очерк народностей, населяющих Саратовскую губернию//Адрес-календарь Саратовской губернии на 1891 год. — С. 8—17.

Предания об основании городов Саратовской губернии//Сарат. листок. — 1891. — № 53.

Легенды о Кудеяре в Саратовской губернии//Там же. — 1891. — № 99; 1894. — № 151.

Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии//Этногр. обозр.— 1892. — № 4. — С. 116—128.

Реней в народных обрядах и песнях//Там же. — 1893. — № 2.— С. 191—192.

Снохачество и спохачи//Труды Сарат. ученой арх. комиссии. — 1903. — Вып. 23. — С. 31—34.

Быт духовенства Саратовского края XVIII и в начале XIX столетия//Там же. — 1908. — Вып. 24. — С. 55—73.

Описание села Оркина Саратовского уезда//Мордовский сборник, составленный А. А. Шахматовым (Изд. Императ. Акад. Наук. — СПб., 1910. — С. 681—720.

Список подготовила Т. Н. Молева.
При составлении списка был
использован указатель С. Д. Соколова
«Саратовцы писатели и ученые»*.

* См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1916. — Вып. 33. — С. 264—268.

Александр Николаевич Минх

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ, ПРЕДРАССУДКИ
И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

СОБРАНЫ В 1861—1888 ГОДАХ

Художник Е. И. Бочаров
Редактор Т. Н. Молева

Сдано в набор 10.08.94 г. Подписано к печати 4.10.94 г. Формат 70×
×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Пе-
чать офсетная. Усл. печ. л. 13,54. Тираж 2000. Заказ 572. 4000 =

ГП «Полиграфист». 410730, Саратов, пр. Кирова, 27.